

Дубасов, И. И.

ОЧЕРКИ

ИЗЪ ИСТОРИИ

ТАМБОВСКАГО КРАЯ.

ВЫПУСКЪ 3-Й.

Исслѣдованіе И. И. Дубасова.

Б. Аквилонова.

18²⁵ 24. Спб.

— отъ Автора.

МОСКВА.

„Русская“ типо-литографія, Тверская, д. Малкіея.

1884.

Дозволено цензурой. Москва, 10 октября 1884 г.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Прежде чѣмъ начать изложеніе 3-го выпуска «Тамбовскихъ Очерковъ», я долженъ объясниться съ своими читателями по поводу тѣхъ газетныхъ и журнальныхъ отзывовъ, которыми въ разное время такъ или иначе почтили мой трудъ рецензенты. Я хочу это сдѣлать, конечно, не въ смыслѣ рекламы, а единственно въ интересахъ той исторической правды, которой постоянно и усиленно я добивался.

Журнальные и газетные писатели отнеслись къ моему труду довольно разнообразно. Нѣкоторыя газеты, наприм. «Московскія Вѣдомости, Современныя Извѣстія и Правительственный Вѣстникъ», а также и «Русская Старина», дѣлали изъ моихъ очерковъ болѣе или менѣе подробныя выдержки и вообще находили ихъ интересными, но въ разборъ и критическую оцѣнку ихъ не входили. Другія изданія («Московскія Церковныя Вѣдомости, Историческій Вѣстникъ, Новое Время, Чешскіе — Народныя Листы и Освѣта и Journal de S.-Petersbourg») безусловно и весьма почетно одобрили меня. Въ то же время «Вѣстникъ Европы», одобряя и поощряя «Тамбовскіе Очерки» вообще, дѣлалъ мнѣ свои замѣчанія. Напримѣръ. Въ началѣ своего 1-го выпуска я указывалъ на провинцію, какъ *на сущность народной жизни*. Къ этому выраженію достопочтенный журналъ отнесся съ недоумѣніемъ и находилъ даже параллель между нимъ и бытовымъ изображеніемъ Тамбовскаго края, между тѣмъ у меня это слово означало только то, что всероссійская провинція есть *суть* народной жизни, ея богатство, могущество и основа, безъ которой столица совершенно безсильна.

«Сущность народной жизни, говоритъ рецензентъ «Вѣстника Европы», — обнаруживалась въ крайней безпомощности,

за которую слѣдовали жалкія надежды на Разина и Пугачева». Но я этого и не думалъ говорить.

«Самъ авторъ, продолжаетъ рецензія, — къ сожалѣнію не объясняетъ, въ какихъ именно явленіяхъ разсказанной имъ исторіи высказалась сущность народной жизни, та сущность, которой по его словамъ не могутъ понять историки, не углубившіеся въ провинціальныя архивы».

Послѣ того, что замѣчено мною выше, ясно, что мнѣ и не нужно было объясняться въ требуемомъ смыслѣ. Что же касается второй половины вышенаприведенной тирады, то по поводу ея я могу сказать только то, что историковъ въ незнаніи сущности народной жизни я и не думалъ обвинять; я выражалъ лишь именно ту мысль, что до полного ознакомленія историковъ съ провинціальными архивами, доселѣ почти не тронутыми, бытовая наша исторія не будетъ еще приведена въ состояніе той полноты, какая для нея, разумѣется, необходима.

Охотно въ данномъ случаѣ принимаю на себя отвѣтственность только въ томъ смыслѣ, что слово «сущность» я употребилъ неопредѣленно и не точно. Отъ этой то неточности и произошли указанныя недоумѣнія.

Рецензентъ еще замѣчаетъ мнѣ, что я мало пользовался печатными источниками и не читалъ наприм. мѣсяцеслововъ прошлаго вѣка и даже извѣстной книги Я. К. Грота (жизни Державина). На это отвѣчу: всѣхъ печатныхъ источниковъ на избранную мною тему въ такомъ скромномъ провинціалномъ городѣ, какъ Тамбовъ, и имѣть нельзя, такъ какъ у насъ нѣтъ ни университетской бібліотеки, ни такой публичной, которая хоть немного удовлетворяла бы потребностямъ людей, заинтересованныхъ какою нибудь научною спеціальностію. Да къ тому же я задался цѣлію изучить именно архивныя источники относительно Тамбовскаго края, чтобы такимъ образомъ внести что либо новое въ науку на данную тему, а не то, чтобы соединить въ одной компіляціи всѣ данныя по исторіи Тамбовскаго края.

Въ рецензіи «Вѣстника Европы» указано между прочимъ на то, что я неправильно привелъ цифры населенія городовъ

Тамбовской губернии прошлаго столѣтія. Въ Тамбовѣ у меня показано жителей 5664; въ Усмани только 46 человѣкъ и при нихъ 2 церкви. Между тѣмъ въ мѣсяцесловѣ за 1781-й годъ въ Тамбовѣ изчислено жителей 10,000 человѣкъ. Всѣ эти неправильности въ сущности мнимыя и легко объясняются такъ. Помѣщенные въ моей первой книжкѣ цифры населенія нашихъ городовъ *буквально* взяты изъ оффиціального описанія Тамбовской губерніи въ эпоху ея открытія. Описаніе это хранится въ настоящее время въ межевой канцеляріи при Тамбовскомъ губернскомъ правленіи. Разница же относительно опредѣленія числа жителей г. Тамбова между мѣсяцесловомъ и нашимъ описаніемъ, а равно и чрезвычайно малое показаніе количества Усманскихъ жителей, произошли безъ всякаго сомнѣнія отъ того, что у меня означены были жители крѣпостей—городовъ, а въ мѣсяцесловѣ—жители и городовъ и ихъ посадовъ. Въ Усмани было 46 человѣкъ жителей именно въ крѣпости, а двѣ церкви было во всемъ городѣ...

Сурово и, мнѣ кажется, тенденціозно отнеслась ко мнѣ въ іюльской книжкѣ текущаго года «Русская Мысль». Рецензентъ этого почтеннаго журнала всѣ факты, изложенные въ моемъ трудѣ, къ крайнему моему изумленію, почему то называетъ случайными, неполными и отрывочными. Онъ ставитъ мнѣ въ вину то, что я, говоря о Тамбовскихъ крестьянскихъ безпорядкахъ 1861 года, умолчалъ о безпорядкахъ въ Шацкихъ имѣніяхъ Мухановыхъ, Нарышкина и графини Шуваловой. На это я отвѣчаю: я потому умолчалъ о вышеозначенныхъ фактахъ, что не читалъ объ нихъ въ архивныхъ документахъ, а *съ вѣтру говоритъ я не при- выкъ*. И было бы по меньшей мѣрѣ странно требовать отъ изслѣдователя, чтобы на извѣстную тему онъ прочиталъ весь громадный архивный матеріалъ; да этого и не надо для характеристики эпохи.

Рецензентъ говоритъ, что мои свѣденія о Тамбовскихъ сектахъ далеко не полны. Но я и не выдавалъ ихъ за полныя. Я написалъ о Тамбовскихъ сектахъ, что могъ, руководствуясь исключительно архивными источниками. Недокон-

ченное и недосказанное пусть восполняют другіе, можетъ быть и самъ рецензентъ на эту тему что нибудь знаетъ.

Далѣе нашъ авторъ сомнѣвается въ самой достовѣрности моихъ разсказовъ, упражняясь въ этомъ бездоказательно и совершенно голословно. Въ то же время онъ смутно указываетъ на *полную достовѣрность* какихъ-то своихъ знаній о Тамбовскомъ краѣ, ровно ни чѣмъ не оправдывая своей странной выходки. Между тѣмъ за меня говоритъ масса архивныхъ цитатъ, которыя всегда можно провѣрить, и десятилѣтняя, многимъ извѣстная, опытность пользованія сырыми и еще нѣгдѣмъ нетронутыми матеріалами. Если бы авторъ рецензій, вмѣсто того чтобы упражняться въ пустыхъ фразахъ, указалъ бы мнѣ на какую нибудь неточность или невѣрность моихъ фактовъ и выводовъ, то я былъ бы ему за это только благодаренъ, потому что я занимаюсь своими работами преимущественно съ научными цѣлями, а не для построчныхъ гопораровъ и не для случайной похвалы случайнаго рецензента.

Мой рецензентъ, очевидно, слишкомъ далекъ отъ пониманія трудностей и важности архивно-историческихъ работъ. Поэтому въ своей наивности онъ даже слово «ислѣдованіе», помѣщенное въ оглавленіи моего труда, подчеркиваетъ, какъ будто находеніе и обнародованіе прежде никому неизвѣстныхъ матеріаловъ не есть ислѣдованіе. Ужъ не комплицинъ ли, по мнѣнію моего строгаго критика, относятся къ ислѣдованіямъ?

Впрочемъ, и въ рецензій «Русской Мысли» есть доля правды, за которую я ей очень благодаренъ. Иногда я, дѣйствительно, не указывалъ источниковъ, откуда бралъ извѣстные факты. Но это потому, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вслѣдствіе разбросанности и отрывочности моихъ матеріаловъ, мнѣ пришлось бы подъ строчку текста ставить нѣсколько строкъ указаній на источники.

Недавно прекратившаяся Саратовская газета «Волга», вообще расточавшая мнѣ разнообразныя похвалы и даже сожалѣвшая о томъ, что я среди одиночныхъ архивныхъ за-

нитій потерялъ свое здоровье, отъ лица неназваннаго сю Петербургскаго критика выражалась такъ: «г. Д. тратитъ массу драгоценныхъ матеріаловъ, не дѣлая изъ нихъ никакихъ выводовъ». Это замѣчаніе, по моему мнѣнію, неправильно. Многіе могутъ подумать, что я такъ сказать утопалъ въ богатомъ и разнообразномъ архивномъ матеріалѣ, между тѣмъ мнѣ очень часто приходилось тщательно пересматривать цѣлыя десятки связокъ и вовсе не находить въ нихъ историческаго содержанія. То, что вошло у меня въ составъ главы о Тамбовскихъ писцовыхъ книгахъ, мною приобрѣтено даже не въ архивѣ, а въ архивныхъ сѣняхъ подъ лѣстницею, на лѣстницѣ и въ обрестностяхъ разнообразныхъ чулановъ, въ массѣ всякаго бумажнаго, брошеннаго хлама, который и въ описяхъ не значится. Слѣдовательно, мой матеріалъ далеко не богатый и доставался мнѣ съ величайшимъ трудомъ. Что касается замѣчанія о недѣланіи мною выводовъ, то я на это могу сказать лишь то. Предвзятыхъ идей и понятій я не имѣлъ, приступая къ своимъ работамъ, фактовъ къ нимъ не подбиралъ и вообще такъ смотрѣлъ на дѣло, чтобы архивные факты, постепенно выясняясь, больше сами за себя говорили.

Отзывъ о моихъ «Очеркахъ» данъ былъ и въ журналѣ «Дѣло». Отзывъ этотъ, повидимому, составленъ былъ въ мою пользу: мнѣ приписанъ тамъ вѣрный историческій взглядъ на дѣло, трудъ мой, не смотря на нѣкоторые вѣшніе (къ сожалѣнію — неуказанные) недостатки, названъ *въ высшей степени отряднымъ и замѣчательнымъ явленіемъ*; по при этомъ рецензія оказалась чрезвычайно краткою, какъ бы мимоходомъ брошенною, и авторъ ея отнесся ко мнѣ, мнѣ показалось, довольно поверхностно.

Послѣдній отчетъ о моихъ книжкахъ напечатанъ въ Августовской книжкѣ журнала «Наблюдатель». Совершенно одобривъ мой трудъ за главу объ эпохѣ крѣпостничества и освобожденія отъ него, почтенный журналъ о другихъ моихъ главахъ отзывается въ томъ смыслѣ, что они написаны слегка и безъ всякаго плана. По этому поводу я долженъ

высказаться, что строгаго плана въ общепринятомъ (особенно для классныхъ ученическихъ опытовъ) смыслъ у меня и не могло быть по характеру и направленію моихъ работъ. Планъ мой дѣйствительно выяснится по окончаніи моихъ «Очерковъ», которые, по моему мнѣнію, только начаты и при изложеніи которыхъ я слѣдую плану такъ сказать концентрическому...

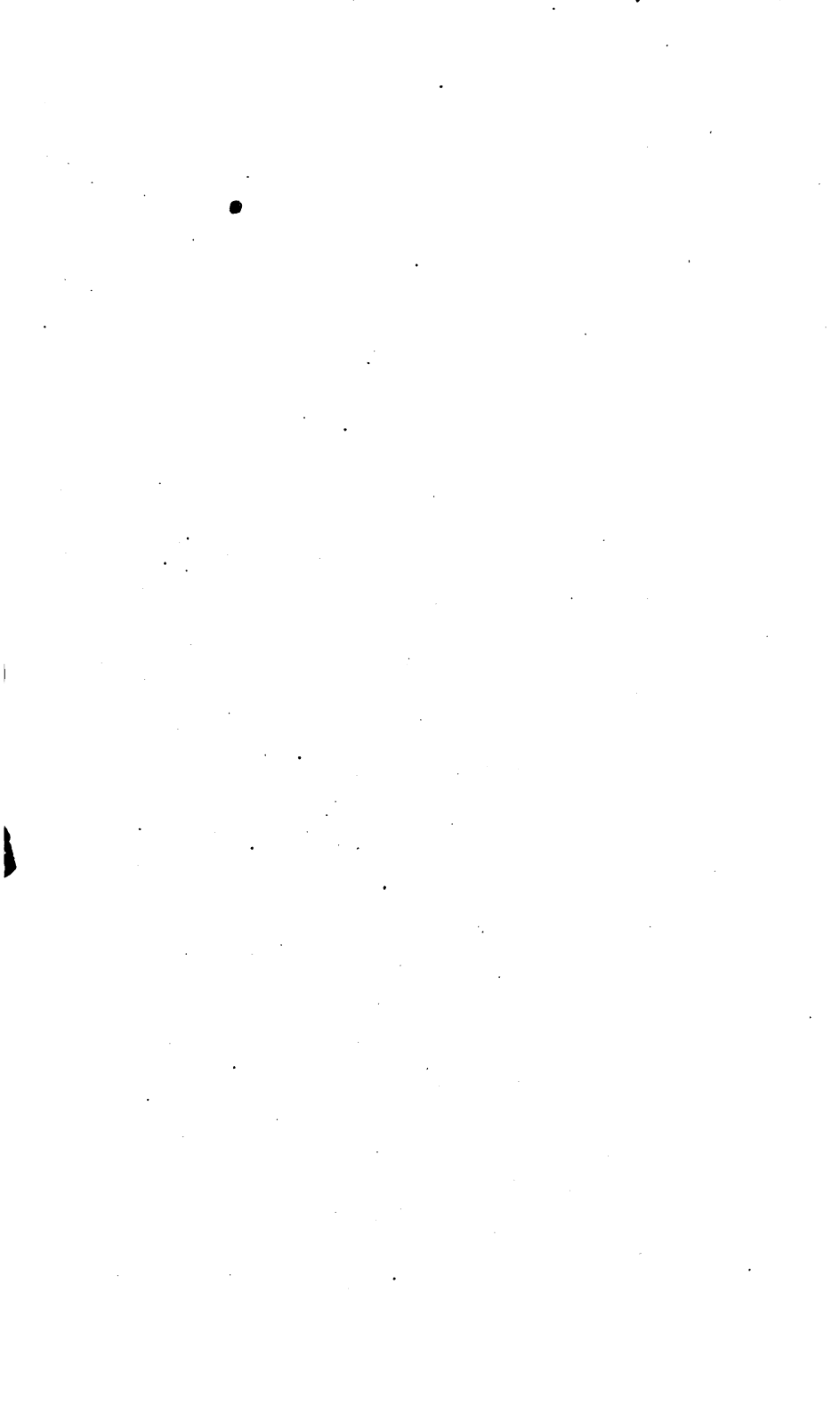
Авторъ рецензій упрекаетъ меня между прочимъ въ томъ, что я совсѣмъ пропустилъ въ своей книжкѣ такой фактъ, какъ Тамбовскій холерный бунтъ 1831 года. По это не правда. Въ первой моей книжкѣ описаніе холернаго бунта есть и рецензентъ самъ убѣдится въ этомъ, если повнимательнѣе отнесется ко мнѣ... Наконецъ рецензентъ «Наблюдателя» видитъ въ моей главѣ по Тамбовской церковной исторіи тенденцію совершенно противоположную той, на которую нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ съ такимъ гнѣвомъ указывалъ «Свѣтъ». Послѣдній винитъ меня за обличенія, а «Наблюдатель» за похвалку...

Закрываю свое краткое объясненіе извлеченіемъ касательно моего труда изъ сейчасъ названной газеты «Свѣтъ». Издаваемый г. Комаровымъ органъ, унаслѣдовавшій отжившія тенденціи покойной «Вѣсти», крайне смущенъ былъ жесткими обо мнѣ отзывами нѣкоторыхъ газетъ и потому разразился самыми неприличными и недостойными шеннуациями. «Свѣтъ» увѣрялъ своихъ читателей, что ни въ одной прокламаціи не были собраны такія вопіющія вѣщи о Россіи, какъ у меня, что я подтасовывалъ факты и клеветалъ на наше патриархальное прошлое... Отзывъ Комаровской газеты въ извѣстной степени былъ бы для меня чувствителенъ, если бы при безпристрастномъ сличеніи его текста съ моею книгою съ ясностію не обнаруживалось, что случайный и сердитый мой рецензентъ вовсе даже не читалъ предмета своей рецензій и исключительно дѣйствовалъ подъ вліяніемъ газетныхъ фельетоновъ... Въ противномъ случаѣ онъ не могъ бы не замѣтить, что я видимо искалъ въ прошломъ своей родины и свѣтлые факты и свѣтлой памяти людей,

и старательно при случаѣ выдвигалъ на первый планъ и то и другое. Если же въ моихъ «Очеркахъ» тѣней оказалось больше, чѣмъ яркихъ красокъ, то я ли въ этомъ виноватъ? Конечно—не я, а самая прошлая жизнь, и отчасти можетъ быть виноваты мои источники, которые въ иѣкоторыхъ случаяхъ могли быть односторонними, о чемъ я, впрочемъ, предупреждалъ читателей въ предисловіи къ I-му выпуску.

Какъ на образчикъ безпристрастія и основательности газеты «Свѣтъ», укажу на слѣдующее. Рецензентъ укоряетъ меня, что я и епископовъ Тамбовскихъ представилъ въ ужасающемъ видѣ, напримѣръ Пахомія. Но Пахомій обвиненъ былъ самимъ Св. Синодомъ и вины его ясны намъ изъ Синодскихъ указовъ. Что же касается другихъ Тамбовскихъ епископовъ, то обо всѣхъ ихъ, кромѣ Евгения, сдѣланы мною должныя имъ почтительныя отзывы. И если бы спросили меня: о комъ изъ епископовъ Тамбовскихъ я писалъ съ большимъ удовольствіемъ, я искренно отвѣтилъ бы: о доблестныхъ и приснопамятныхъ святителяхъ Пифиримѣ, Θεодосіи, Θεофилѣ, Іонѣ, Николаѣ, Макаріи и др... А о Пахоміи и о параллельныхъ ему свѣтскихъ персонахъ, въ былое время удручавшихъ нашъ край, могъ ли я молчать? Думаю—не могъ; въ противномъ случаѣ не могло бы быть вѣрной, правдивой исторіи. Неужели мы такъ уже обезсѣлѣли и уметвенно и нравственно, что правда насъ можетъ пугать? Кажется, въ исторіи всякаго народа были, есть и будутъ темныя стороны. Такъ съ ними бороться нужно, а не скрывать ихъ. Хвалить въ своемъ отечествѣ то, что похвалы не заслуживаетъ, или же намѣренно умалчивать о положительно несовершенныхъ фактахъ, это значить не любить родины, не желать ей совершенствоваться и всецѣло погрузиться въ самое узкое себялюбіе...

За тѣмъ я приступаю къ изложенію 3-го выпуска и начинаю эту книжку, въ цѣляхъ уясненія и дополненія прежнихъ своихъ работъ, главою о древней Тамбовской лѣтописи.

Древняя Тамбовская летопись.

(Дополненная, объясненная и продолженная, преимущественно по Московскимъ материаламъ архива министерства юстици).

Третій свой выпускъ совершенно неожиданно мы начинаемъ вовсе не такъ, какъ обѣщали въ концѣ втораго выпуска. Это измѣненіе плана зависѣло отъ случайно накопившагося историческаго матеріала и отъ временной невозможности предпринять въ Москвѣ архивныя изслѣдованія въ обѣщанномъ направленіи. По желанію нѣкоторыхъ любителей мѣстной исторіи, первыя страницы новаго своего труда мы посвящаемъ цѣльному изложенію «Древняго Тамбовскаго лѣтописца», о которомъ отчасти было уже сказано въ нашемъ первомъ выпускѣ. Надѣмся, что читатели не посѣтуютъ на насъ за полный лѣтописный текстъ, тѣмъ болѣе, что онъ отличается краткостію, своеобразнымъ, близкимъ всякому русскому сердцу, стариннымъ стилемъ и важностію сообщаемыхъ въ немъ мѣстныхъ историческихъ свѣдѣній. Подлинникъ Тамбовской лѣтописи еще въ 1846 году хранился въ ризницѣ Троицко-Пушкарской церкви, когда онъ списанъ былъ рукою священника Вишнянскаго, но куда онъ дѣвался потомъ — никто не знаетъ. Вѣроятно всего, онъ погибъ, по небрежности троцкаго причта, во время упраздненія стараго его приходскаго храма въ пятидесятыхъ годахъ. Старую книжцу, не представлявшую никакой значительной цѣнности, безъ церемоніи могли бросить или изорвать...

Такъ какъ однородного и равносильнаго указанной нами лѣтописи, историко-литературнаго памятника въ нашемъ краѣ, сколько это извѣстно доселѣ, нѣтъ, то мы и оказываемъ этой лѣтописи особенное вниманіе и прежде всего въ данномъ случаѣ предлагаемъ вопросъ: кто составилъ нашу лѣтописную рукопись?

Имѣя въ виду благочестивый тонъ лѣтописца и сдержанность его выраженій относительно перваго и третьяго Тамбовскихъ епископовъ, отличившихся въ свое время оппозиціею церковнымъ и Петровскимъ реформамъ, а также и то, что оригиналъ лѣтописи хранился въ церковной ризницѣ, мы съ большою вѣроятностію предполагаемъ, что авторомъ нашего памятника было лицо духовное и притомъ мѣстнаго великороссійскаго происхожденія, на что указываетъ своеобразный стиль лѣтописи, свойственный только грамотѣямъ и начетчикамъ Московскаго царства до-Петровскаго и отчасти Петровскаго періода. А тотъ видимый интересъ, съ какимъ нашъ безвѣстный авторъ относится къ прошлымъ судьбамъ Тамбовскаго края, очевидно указываетъ на его кровную близость къ обитателямъ описываемой имъ стороны. Правда, въ рукописи замѣтно и малороссійское вліяніе, наиримѣръ не рѣдко употребляется извѣстное слово «шкота» или «шкода», но это означаетъ только то, что нашъ авторъ былъ человѣкъ по своему времени образованный и слѣдовательно знакомый съ сочиненіями Малороссійско-Кіевскихъ авторовъ, у которыхъ и могъ заимствовать вышеозначенное Малороссійское слово.

Заглавіе нашего памятника таково: «Древній Тамбовскій лѣтописецъ, содержащій повѣствованіе отъ 1636 года, т. е. отъ самаго основанія города Тамбова, до 1708 года». А самый текстъ слѣдующій: «Лѣта 7144 году по указу Богомъ избраннаго и святымъ елеемъ помазаннаго, крѣпкаго хранителя и поборника святыя православныя христіанскія вѣры, благовѣрнаго и христіолюбиваго, Богомъ вѣчаннаго, и Богомъ превознесеннаго, и благочестіемъ всея вселенныя въ концѣхъ возсіявшаго, Великаго Государя Царя и Вели-

каго Князя Михаила Феодоровича, всея Россіи Самодержца, въ 24-е лѣто благочестивыя державы Его.

По совѣту и благословенію по плотскому рожденію Отца Его, а въ духовномъ чину Отца Его и богомольца, Великаго Государи Святѣйшаго Филарета Никитича, патриарха Московскаго и всея Россіи, въ 18-е лѣто патриаршества Его. Обложенъ г. Тамбовъ, на р. Цѣль на лѣвой сторонѣ на усть рѣчки Студенца, апрѣля въ 17 день, въ самый день Живоноснаго Христа Воскресенія, на память Преподобнаго Отца Зосимы Соловецкаго, и соборная церковь обложена того-же дни, и та соборная церковь совершена и освящена того-же 144 года августа въ 6-й день на самый праздникъ Боголѣннаго Христова Преображенія Господня, а освятилъ тое церковь священникъ Мокей Позняковъ, да діаконъ Василій Мироновъ.

А городъ Тамбовъ совершенъ 145 году октября въ 1-й день, а именованъ тотъ ново-построенный г. Тамбовъ по рѣчкѣ Тамбову, а та рѣчка Тамбовъ отъ того ново-построеннаго города вверхъ по рѣкѣ Цѣль вереть за десять вилла устьемъ въ рѣку Цну справа отъ восточныя страны, а Цна рѣчка течеть отъ полуденной страны.

А строилъ тотъ ново-построенный городъ Тамбовъ, по указу Великаго Государи Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича, всея Россіи Самодержца, Стольникъ Романъ Феодоровичъ Бабарыкинъ и, построилъ тотъ городъ, былъ водоемъ три лѣта. А слободы на посадѣ около того города поселены сведенцами изъ Шатскаго города, изъ Переславля Рязанскаго, изъ Коломны, разныхъ городовъ сведенцами.

Слобода въ острогѣ иѣшіе казаки, полтретья ста человекъ, а служба ихъ по городу на караулахъ переменяиучись посуточно по 8 человекъ.

На посадѣ за рѣчкою Студенцомъ Пушкарская слобода 40 человекъ, росписаны къ пушкамъ и къ затиннымъ пицалѣмъ.

Ниже города по Цѣль рѣкѣ слобода полковыхъ казаковъ 500 человекъ. Служба ихъ по вѣстямъ воинскихъ людей,

въ посылкахъ, въ походѣхъ, жалованія имъ Государева по два рубли.

Вверхъ города на Цнѣ же рѣкѣ слобода Покровскіе тяглые крестьяне, а во 156 году написаны тѣ крестьяне въ полковые казаки, и велѣно имъ служить по Тамбовскому Земленому валу.

Во 145 году при немъ же Романъ Бабарыкинъ приходили вопишіе люди 100 человекъ подъ Тамбовъ, и за ними онъ Романъ Бабарыкинъ послалъ лучшихъ людей дворянъ и полковыхъ казаковъ по числу 400 человекъ. И зашли тѣхъ татаръ на степь, и отбили у нихъ всѣхъ коней тѣ наши служивые люди и 2 человекъ отъ тѣхъ татаръ взяли, а тѣ татары отошли пѣхотою и послѣ того онъ, Романъ, послалъ нарочитыхъ людей Андрея Колоду, а съ нимъ 50 человекъ. И дошли они тѣхъ татаръ у Сиверскаго Донца, и мурзу у нихъ убили начальнаго человекъ. И тѣхъ татаръ побито рядовыхъ людей 5 человекъ, а въ Тамбовъ привели тѣхъ остальныхъ татаръ 63 человекъ.

Здѣсь мы останавливаемся на самое короткое время и задаемся вопросомъ: что дѣлали наши Тамбовскіе старожилы съ этими плѣнными татарами? Конечно, пытали ихъ, замучивали, или же держали въ работѣ. Суровость нашихъ праотцевъ подтверждается между прочимъ сравнительно недавними (въ началѣ 60-хъ годовъ) раскопками, случайно произведенными въ Тамбовѣ во время постройки зданія губернской почтовой конторы. На мѣстѣ этого зданія рабочіе нашли нѣсколько череповъ съ свинцовою массою въ полости рта... Конечно, и Татары не щадили нашихъ, если они попадали къ нимъ въ неволю. То была своеобразная круговая порука...

Лѣтопись, какъ это видно изъ вышеприведенныхъ строкъ, слишкомъ кратко говоритъ о нашемъ первомъ воеводѣ. Между тѣмъ онъ заслуживаетъ особеннаго нашего вниманія, какъ по своимъ личнымъ качествамъ, такъ и по тѣмъ исключительно затруднительнымъ обстоятельствамъ, въ какихъ при немъ находился нашъ городъ. Все это ясно видно изъ

недавно найденных нами въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи воеводскихъ *отписокъ*.

Городъ Тамбовъ освященъ и открытъ былъ 1-го октября 1636 года и уже 14-го того же октября Р. Θ. Бабарыкинъ вынужденъ былъ послать за набѣгавшими на нашу окраину татарами погоню, окончившуюся удачнымъ боемъ и плѣномъ *языковъ*. Послѣдніе отправлены были въ Москву, а которые изъ нихъ умерли въ Тамбовѣ, или во время пути въ Тамбовъ, у тѣхъ Тамбовскій воевода *отрѣзалъ уши* и отправилъ эти воинскіе трофеи въ Москву, къ Великому Государю.

«Въ нынѣшнемъ во 145 году октября въ 14 день, докладывалъ царю Бабарыкинъ, посылая я отъ себя въ походъ за татары голову Савву Бестужева съ товарищи, а съ ними посылая мещерянъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и облозерцовъ, шатцкихъ и тамбовскихъ сторожевыхъ и полковыхъ атамановъ и казаковъ; и тѣ головы съ ратными людьми татаръ дошли октября въ 24 день и бой у нихъ былъ за рѣкой за Вороною у рѣчки у Карайгорки; а сколько они человекъ на томъ бою татаръ побили и языковъ помани, и о томъ послужные списки прислалъ я къ тебѣ, государю, къ Москвѣ съ головою Саввою Бестужевымъ».

Стольникъ Бабарыкинъ, увѣдомляя царя о своей удачѣ, сообщаетъ ему полный списокъ всѣхъ Тамбовскихъ служилыхъ людей, отличившихся добычей Татарскихъ *языковъ*. Говоря обо всѣхъ, что они *бились лаственно*, онъ особо отличаетъ тѣхъ стрѣльцовъ и казаковъ, которые были ранены, или подъ которыми были убиты и ранены лошади, или же которые, на глазахъ у своихъ товарищей и головъ, убивали и арканили татарскихъ воинскихъ людей.

«Государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу всеа Русіи, писалъ нашъ первый воевода, холопъ твой Ромашко Бабарыкинъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 145 году октября въ 25 день писалъ я, холопъ твой, къ тебѣ государю письмо и послалъ его съ мещеряниномъ Иваномъ Ильинимъ Вышеславцовымъ. Божю милостію, а

твоимъ государевымъ счастьемъ, головы Савва Бестужевъ, Григорей да Семень Свищовы, Сергѣй Ивановъ сынъ Борсуковъ съ ратными людьми татаръ побили и языковъ поимали и холовъ весь, поимали на Запольныхъ рѣчкахъ, по вотчинамъ въ бортовыхъ ухажьяхъ; а что миѣ, холоду твоему, *языки* (слѣдуютъ ихъ имена) въ распросѣ сказали, и я, холопъ твой, тѣ ихъ распросныя рѣчи послалъ къ тебѣ государю съ Иваномъ же Вышеславцовымъ. А которые, государь, языки на дорогѣ отъ ранъ померли до Тамбова города, и тѣхъ языковъ *знакъ*—*уми* я, холопъ твой, послалъ къ тебѣ, государю съ нимъ же».

Далѣе слѣдуетъ подробный перечень отличившихся на походѣ головъ, атамановъ, стрѣльцовъ и казаковъ:

Василей Павловъ сынъ бился явственно, убилъ мужика.

Иванъ Гавриловъ сынъ бился явственно, мужика взялъ жива Ишимка Баслоулова. Степанъ Володимеровъ сынъ Мальцовъ бился явственно, убилъ мужика, а самъ раненъ въ ногу и т. д.

Всѣ наши отличившіеся служилые люди были щедро награждены. Всѣмъ имъ дано было изъ дворца царское денежное жалованье, а шнымъ къ тому же была и помѣстная придача.

Не успѣли наши Тамбовцы успокоиться отъ октябрьскаго похода, какъ набѣги Азовскихъ и Нагайскихъ татаръ снова вызвали ихъ къ походной жизни и къ бражнымъ тревогамъ.

«Въ нынѣшнемъ во 145 году, писалъ къ государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русіи изъ *Нового города Тамбова* стольникъ и воевода Романъ Бабарыкинъ, Ноября въ 7 день посылаю я отъ себя въ походъ за татары головъ Елисѣя Акнипина, да Федора Чарыкова, да съ ними сына боярскаго Богданова, да бѣлозерцовъ, шатцкихъ помѣщиковъ, атамановъ и казаковъ, и Тамбовскихъ сторожевыхъ и полковыхъ казаковъ; и Божією милостію, а твоимъ государевымъ счастьемъ, головы съ ратными людьми татаръ побили и языковъ поимали; а сколько они человекъ на томъ бою татаръ побили и языковъ по-

имали и въ Тамбовъ городъ привели и о томъ послано къ тебѣ, великому государю, къ Москвѣ съ головами съ Елисѣемъ Акинпимымъ да съ Ѳедоромъ Чарыковымъ; а что мнѣ, холопу твоему языки большой ногой Бойшко Молѣвѣ съ товарищи въ разпросѣ сказали, и я, холопъ твой, тѣмъ языкомъ имена ихъ и разпросныя рѣчи послалъ къ тебѣ государю съ сею отпискою выѣсть».

Стольникъ Бабарыкинъ, очевидно, любилъ выставить на видъ своихъ подчиненныхъ. Поэтому въ вышеуказанной отпискѣ онъ особо рекомендуетъ царю главныхъ дѣятелей Ноябрьскаго похода.

«Пришедъ, государь, изъ походу, пишетъ онъ,—головы и всѣ ратные люди мнѣ, холопу твоему, сказали про Тимофея Бѣшенаго, да про Григорья Пашинина, да про донскихъ атамановъ, которые нынѣ написались въ Тамбовъ городѣ въ казаки: про Ивашку Коломну, да про Трафимка Мещеряка, да Тамбовскаго уѣзду Верхоцѣнскіе волости про крестьянъ про Герасимка Бойкина, да про Кондрашка Безсонова, да про мордву про Вирыска да про Губоря невѣровыхъ, да про Ильяска Кирдинина; и были тѣ служилые люди въ походѣ, и служили тебѣ, государю, и ихъ, государь, службою и радѣньемъ и промысломъ татаръ они дошли и побили и языки понимали; а какъ, государь, языковъ татаръ въ Тамбовъ городъ привели, и въ тѣ поры, государь, были въ Тамбовѣ городѣ изъ Иванова полку Биркина Резанцы дѣти боярскіе и Тамбовскаго и Шатцкаго уѣзду разныхъ селъ и деревень крестьяне и мордва и всѣ твоей государской милости и оборонѣ обрадовались, и тѣхъ многихъ языковъ татаръ узнали; а мнѣ, холопу твоему, сказали: тѣ де татаровя напередъ сего по вся годы на Верхоцѣнскую волость и по вотчинамъ и на Шатцкіе и на Ряскіе и на всѣ Резанскіе мѣста войною съ большими и съ малыми людьми приходили и многихъ людей побивали и въ полонъ имали, и они де у нихъ въ полону многожды бывали и съ дороги и изъ лѣсовъ у нихъ уходили и изъ Озова окупались».

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ чрезвычайно обрадовался удачной оборонѣ любимаго имъ юго-восточнаго края и щедро одарилъ побѣдителей. Голова Елисей Окипинъ былъ пожалованъ семью рублями и помѣстною дачею въ 50 четей и *головнымъ жалованіемъ*. Другимъ служивымъ людямъ тоже даны были всякія дачи: помѣстья, язычныя и головныя.

Возвращаемся къ нашей Тамбовской лѣтописи.

«Во 152 году, при Самуилѣ Ивановичѣ Бискинѣ, приходили воинскіе люди подъ Тамбовъ и побрали служилыхъ людей человекъ съ двадцать. И посланъ въ походъ за ними голова Іоаннъ Кородыкинъ, а съ нимъ послапо 500 человекъ и дошли ихъ на степь и ничего имъ татаромъ наши служивыя люди не учинили, только нашихъ 30 человекъ порубили, а иныхъ въ полонъ взяли мѣсяца апрѣля въ 23 день. 5

Во 163 году была Божиимъ поущеніемъ, приходила сарапча и ѣла хлѣбъ яровой.

Во 156 г. (1648), по указу Великаго Государи Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, въ 1-ое лѣто благочестивыи Державы Его, присланъ въ Тамбовъ Князь Іоаннъ Іоанновичъ Ромадоновскій для великаго строенія, и того лѣта построены Земленой валъ отъ рѣки Цны, противъ устья рѣчки Тамбова, и отъ села Кузминной гати стенью до рѣки Челновой на 20 верстахъ около градскихъ и уѣздныхъ полей отъ дикія страны; а строены тотъ валъ седмию городами.

Того-жъ году на Татарскихъ Сакмахъ по конецъ того Земленаго вазу на рѣкѣ Челновой на Лысой горѣ построены вновь городокъ Красной и жители построены слободами, отдѣля отъ семей Тамбовскихъ служилыхъ людей 250 человекъ.

На переведены изъ Шатцкаго города Бѣломѣстныя Атаманы и казаки 100 человекъ и поселены слободою къ тому-жъ Лысогорскому красному городку и по ихъ челобитью построены имъ особый городокъ.

Во 163 году, по указу Великаго Государя Царя и Великаго Бязя Алексія Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, по общему совѣту, въ духовномъ чину со отцемъ его и богомольцемъ Никономъ, Патріархомъ Московскимъ и всея Россіи. Ревнуня апостольскому, трудно-подвижному, по вселенной ученію, къ познанію Богословія, да быша вси во единословіе пристроити, посланъ въ Тамоовскія села, въ новопросвѣщенный Мордовскій народъ Мисанлъ Архіенноскопъ Рязанскій и Муромскій, дабы ученіемъ его къ Богопознанію привести, обвеселиа ихъ Царскою милостію и жалованною дачею святымъ крещеніемъ просвѣтити. А суровѣйшихъ и упершихъ, прети ихъ казію, приобщити. И въ Тамбовѣ градѣ, и въ селѣхъ Тамбовскихъ, и въ деревняхъ, ученіемъ Его Архіенноскопскимъ приходяду къ церквамъ, отъ священническаго чину воспріяли святое крещеніе, и до днесь въ томъ благочестіи живяху.

А въ Шацкихъ предѣлѣхъ, села Березова, въ деревнѣ Алгамазовѣ, сатанинскою прелестію обыкновенъ въ застарѣлой вѣрѣ своей мордовской, мордвинъ, прозваніемъ *Горчишка*, и не хотя воспріяти православныя христіанскія вѣры и святымъ крещеніемъ просвѣщенъ быти, и приобща къ себѣ свою братію Мордву, въ приходъ къ нимъ пресо священнаго Архіенноскопа Мисанла, вооружась стали противъ и наводеніемъ сатанинскимъ устрѣленъ изъ лука отъ нихъ суперниковъ Божіихъ вѣриѣйшій служитель, Архіенноскопъ Мисанлъ, и отъ того и кончину пріять, душу свою въ руцѣ Божіи предаде.

Во 164 г. при воеводѣ при Іоаниѣ Михайловичѣ сынѣ Коровасѣ былъ приходъ воинскихъ Азовцевъ; проконавъ валъ, они подъ Тамбовомъ на поляхъ многую нкоту народу Россійскому сотвориша, въ плѣнъ мужеска и женска полу многочисленно побраша и во своя отведоша.

Во 167 г. приходили подъ Тамбовъ, и въ Тамбовскія села многимъ собраніемъ воинскіе люди Крымскіе Татарове и подъ Тамбовомъ и въ селѣхъ Россійскаго народу въ плѣнъ многихъ побрали, и подъ Тамбовомъ на бою побито 90

человѣкъ, а приходъ имъ былъ подъ Тамбовъ того лѣта дважды.

Во 172 г. ѣхалъ изъ Астрахани митрополитъ Іосифъ чрезъ Тамбовъ.

Во 175 г. построенъ Казанскій монастырь выше города Тамбова на Цивѣ рѣкѣ, а строилъ тотъ монастырь старецъ Іосифъ.

Во 176 г. было знаменіе въ солнцѣ, темнота была на долгъ часъ.

Во 179 г. Божиимъ попущеніемъ положилъ препону великую граду Тамбову воръ и измѣнникъ Стенька Разинъ, приходили отъ него воровскіе казаки отъ града Шатцбаго, и обступили градъ, мѣсяца ноябрія въ 9-й день, и стояли около града до мѣсяца февраля, и въ то число пало труповъ служилыхъ людей и ихъ казаковъ и измѣнниковъ много число.

Во 180 г., по указу Великаго Государя, между патриаршества, поставленъ въ Тамбовъ протопонъ Тимофей Петровъ.

Во 190 г., марта въ 25 день, поставленъ въ Тамбовъ преосвященный Леонтіи епископъ. А въ Тамбовъ пріѣхалъ во 191 году ноябрю въ 24-мъ числѣ и бысть на своемъ престолѣ годъ и семь мѣсяцевъ и десять дней, понеже, за общее наше согрѣшеніе, попустилъ Богъ ратовати діаволу на христіанскій родъ; ненавидяи всякаго добра, начать бить челомъ Святѣйшему Іоакиму патриарху, Козлова города Троицкаго монастыря архимандритъ Дорофей съ братією, свещеннической чинъ, и многіе жители города Козлова и по указу Святѣйшаго патриарха и по ихъ челобитью, велѣно сыскать про него епископа, съ Костромы Платскаго монастыря игумену Тимофею, и они были и сыскивали про него епископа, и по смыслу велѣно ему епископу быти въ Москвѣ, а поѣхалъ изъ Тамбова во 192 г. іюліи въ 1-мъ числѣ. И съ того числа не бысть въ Тамбовѣ; а строеніе его въ Соборной церкви колоколъ въ 50 пудъ.

Во 194 г., февраля въ 15-й день, поставленъ въ Тамбовъ преосвященный Питиримъ епископъ Тамбовскій, а прі-

вхалъ въ Тамбовъ во 195 г. въ мартѣ мѣсяцѣ, и жилъ въ Тамбовѣ 13 лѣтъ, 10 мѣсяцевъ и 27 дней, 12 часовъ, и юлія въ 28 день душу предаде въ руцѣ Божіи.

Во 198 г. была въ Тамбовѣ и на Тамбовскихъ поляхъ саранча и провой хлѣбъ ѣла многоо число.

Въ 203 г., декабря въ 6-й день, на память иже во святыхъ отца нашего Николая Архіепископа Мирлиційскаго чудотворца: бысть пресестественное чудо и страшное, ужасное знаменіе отъ иконы Пресвятыя Богородицы Казанскія, бысть-же сице: Егда бысть всепощное бдѣніе соборныя церкви въ придѣлѣ во имя Чудотворца Николая, устроеннаго на верху соборныя церкви, и въ началѣ шестопсалмія явившася отъ иконы Богоматере, иже стояше на лѣвой сторонѣ подлѣ царскихъ вратъ, отъ очію ея слезы каплющи и текущи до нелены, иже подъ тою святою иконою, и не яко вода померзаетъ, бѣ бо мразъ, но текущи на той нелонѣ аки въ губу сокращашеся, и та мокрота на неленѣ пребысть, дондеже изне и сице бысть до словословія тогоже утренняго ипсми.

Сіе же чудо стояще видѣна Царскаго Спикланта стольникъ и воевода Іоаннъ Іоанновичъ Леонтьевъ съ супругою своею и тою соборныя церкви протопресвитеръ Сергій и священницы и дому архіерейскаго казначей, и отъ простыхъ народовъ не мало.

Въ 207 г. поставленъ въ Тамбовъ преосвященный Игнатій епископъ, поембрія 21-о, а пріѣхалъ въ Тамбовъ городъ маія 27 числа.

1700 г. Юлія въ 5-оо прейде отъ житія сего Преображенскій протопресвитеръ Сергій и судія духовныхъ дѣлъ, но псходѣ 6 часа дня.

Того же году, мѣсяца Августа въ 23-о по указу Великаго Государя взитъ изъ Тамбова Игнатій епископъ Тамбовскій. А житія его... ¹⁾.

¹⁾ *Примѣчаніе.* Разница урядисной въ 1700 году Тамбовской архіахіи передана Суздальскому митрополиту Ефрему. Архіерейскія вѣстичны, какъ это видно изъ прошенія митрополита Стефана Іворскаго, отомли

1705 г. Божією волею грѣхъ нашихъ ради родилася отъ земли малая саранча, яже именуема пруза и гусеница и съѣдоша на градскихъ Тамбовскихъ и уѣздныхъ поляхъ всякій яровой хлѣбъ.

1708 г. марта въ... день при бытности господина полковника князя Григорія Ивановича Волконскаго, а въ товарищахъ при немъ князя Григорья Ивановича, былъ въ Тамбовѣ воеводою стольникъ Василій Васильевичъ Даниловъ, Божіимъ поущеніемъ, положилъ пренону городу Тамбову воръ и измѣнникъ, Кондрашка Булавинъ съ своими единомышленники, а отъ него вора Булавина были посланы съ рѣки Хопра воровскіе казаки, и, пріѣхавъ ко дворцу Государеву, что за Кузминою гатью, и государевыхъ лошадей побрали они воровскіе казаки многое число, да отъ нихъ же казаковъ шкота учинися великая въ селѣхъ и деревняхъ, а градскіе люди были въ осадѣ въ то время отъ нихъ воровскихъ казаковъ, сидѣли болѣе десятихъ дней. Тогожь году, по Его Великаго Государя указу, былъ присланъ въ городъ Тамбовъ полковникъ Ефимъ Андреевичъ Гульць для обереганія съ полкомъ своимъ драгунскимъ и стоялъ около Тамбова болѣе двухъ мѣсяцевъ.

И грѣхъ ради нашихъ въ томъ же годѣ были у насъ воровскіе калмыки Тамбовскаго уѣзду на новоселенныя села и деревни, и въ вольныхъ крѣпостяхъ побрали въ нѣтъ изъ тѣхъ селъ и деревень мужска полу и женскаго, и отъ малыхъ ребятъ и отъ всякаго скота, а иныхъ многихъ и смерти предаваша, а иныхъ за рѣку Волгу отведоша, и велию шкоту роду христіанскому учиниша.

На этомъ мѣстѣ рукопись, къ сожалѣнію, обрывается. Была ли она висслѣдствіи продолжена — неизвѣстно. Всего вѣроятнѣе—се не продолжали, такъ какъ послѣ 1708 года городъ Тамбовъ со всѣмъ мѣстнымъ краемъ, но бытовымъ

подъ управленіе Воронежскихъ воеводъ. «И они ѣздили въ оныя на рѣчки Корочанъ и Керну и не только подати собирали, жаловался Стефанъ Люрскій, но чинили противозаконныя поборы и притѣсненія. Приказчики воеводскіе цѣлыми семействами жили въ вотчинахъ на счетъ крестьянъ».

условіямъ, до возобновленія въ 1758 году Тамбовской епископской кафедры, не представлялъ удобной почвы для какой либо литературной дѣятельности. Поэтому то, что въ нашей лѣтописи не договорено, это мы постараемся отчасти восполнить по вышеуказаннымъ Московскимъ матеріаламъ.

Въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи хранятся слѣдующіе документы относительно исторіи Тамбовскаго края: межевныя, перенесенныя, строенныя, мѣрныя и отказныя книги; поуступныя, раздѣльныя, вкладныя и мѣшечныя записи, и владѣнныя памяти. Весь этотъ богатый, хотя и однообразный, матеріалъ въ послѣднее время печатается въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ П. П. Николевымъ, и вотъ ѣтимъ то самымъ матеріаломъ, собраннымъ въ довольно объемистую брошюру, мы и пользуемся въ данномъ случаѣ для объясненія и продолженія Тамбовской лѣтописи.

Названные нами документы интересуютъ насъ потому, что они нѣсколько восполняютъ картину города Тамбова въ XVII-мъ столѣтіи и, кромѣ того, представляютъ значительное писцовое содержаніе и знакомятъ насъ почти со всѣми мѣстными воеводами того же XVII-го вѣка.

Внутри нашего города въ первые годы по его основаніи, противъ деревянной соборной Преображенской церкви, стоялъ воеводскій дворъ; рядомъ съ нимъ находилась вѣзжая изба Рязанской епископшіи, потомъ тинулись рубленныя изъ *облаго* лѣсу избы соборнаго причта. Относительно Рязанской епископской усадьбы въ Тамбовѣ въ нашихъ документахъ сказано: «поперекъ того мѣста 10 сажень, а въ длину 22 сажени». Архіерейское подворье состояло изъ трехсаженной соеновой избы, съ клѣтью и приклѣтомъ. Къ западу отъ этого порядка, въ направленіи къ нынѣшней Знаменской церкви, были выстроены: приказная изба, казенные анбары и дворъ стрѣлецкаго головы. Къ югу—тинулись избы приказныхъ и площадныхъ подъячихъ и у главныхъ крѣпостныхъ воротъ возвышалась стрѣлецкая караульня. Къ сѣверу отъ воеводскаго двора стояли городскія лавки, вырытъ былъ пороховой погребъ и близъ нынѣшняго Никольскаго моста красо-

вались высокія и разукрашенныя Никольскія ворота, за которыми на Студенцѣ, прежде довольно глубокомъ, была устроена мельница съ крупорушкой, рядомъ съ ней воскобойня и Саввино-Сторожевское подворье. Всѣ эти строения въ оборонныхъ интересахъ были довольно тѣсно сплочены, такъ что даже обывательскіе огороды удалены были за рѣку Цну, къ востоку отъ города. Тамбовское городовое строенье было исключительно деревянное, рубленое; лучшія избы крыты были тесомъ, а которыя поплоче, тѣ накрывались дранью, въ слободахъ же преобладала солома. Стеклянныхъ оконъ въ городѣ Тамбовѣ въ первые годы его существованія ни у кого не было; *красныя* окна воеводской избы были слюдяныя, у другихъ избы окна затягивались пузырями, а то и просто были волоковыми. Мебелей въ тѣ времена у насъ не полагалось. Вообще наши Тамбовцы жили очень просто, по старинному...

Самая Тамбовская крѣпость, по документамъ Московскаго архива министерства юстиціи, представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. У южной крѣпостной деревянной, съ бойницами, стѣны выстроена была четырехъярусная шатровая вѣзжая башня, на каждомъ ярусѣ которой стояли пушки въ станкахъ и на колесахъ; около Цны стояла такъ называемая угловая башня, близъ которой проходилъ къ рѣкѣ тайникъ, и у пылѣшняго Никольскаго моста находились другія вѣзжія ворота, вооруженныя пушками, и отъ нихъ въ обѣ стороны до южныхъ вѣзжихъ воротъ на разныхъ разстояніяхъ возвышались глухія башни съ мушкетными бойницами. За городомъ, кромѣ того, находились укрѣпленные острожки, а къ западу отъ Тамбова тянулся и теперь отчасти сохранившійся валъ, по которому изрѣдка стояли городки и башни... Для защиты Тамбовскихъ и валовыхъ крѣпостей сформированъ былъ Тамбовскій солдатскій полкъ, расквартированный на 21 пунктъ.

Судя по нашимъ Московскимъ матеріаламъ, Тамбовскій край населенъ былъ въ XVIII-мъ столѣтіи весьма рѣдко и разбросанно. Такъ напримѣръ пылѣшніе уѣзды Тамбовскій,

Козловскій и Моршанскій составляли одну Верхоценскую волость, населенную Мордвою языческою, Мордвою—новокрещенцами, татарами, казаками, стрѣльцами и тяглыми крестьянами. То было время усиленной колонизаціи мѣстнаго края. Наши *дикія* поля обстраивались новыми селами и деревнями, а названія этимъ поселеніямъ давались или по именамъ первыхъ поселенцевъ (Разказово), или по господствовавшимъ занятіямъ жителей (Молочная Гора), или по прежней оборонной роли (Старое городище), или по рѣкамъ (Духовка, Ломовскъ), или по близъ лежавшимъ монастырямъ (Мамонтово, Троицкая Дуброва), или же по церковнымъ праздникамъ (Димитріевщина, Пикольское, Вознесенскій Заводъ), или же по характеру мѣстоположенія (Крутое, Лысыя горы). Всѣ мѣстные служилые люди, начиная съ воеводъ и кончая подъячими, болѣе или менѣе торопились запастись у насъ вотчинами и населяли ихъ пришлыми бобылями и покупными холопами, цѣны на которыхъ до конца XVIII-го столѣтія стояли у насъ самыя низкія ¹⁾. Напримеръ. Въ 1726 году отставной недоросль Леонтій Захарьевъ продалъ Тамбовскому подъячему Ивану Ивнскому двороваго Федора Иванова съ женою и дѣтьми *за 27 рублей* ²⁾. Такии же низкія цѣны были у насъ въ описываемое время и на землю, какъ это видно изъ слѣдующаго факта. Въ 1732 году отставной вахмистръ Алексѣй Сухотинъ купилъ у подъячаго Ерофея Ивнскаго подгородной (подъ Тамбовомъ) земли 120 четвертей (во всѣхъ поляхъ) *съ лѣсами и сѣнными покосы, съ дворовою и огородною усадьбами*

¹⁾ *Примѣчаніе.* Изъ приказныхъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, видно, что многіе наши владѣльцы отличались попрошайничествомъ. Кто просилъ земли и иныхъ угодій на платно, кто на жену и дѣтннскъ, кто ссылался на свои многія службы и увѣчья и полное терпѣніе. А то просили долги уплатить и на хорошее строеніе. — Это въ XVII вѣкѣ. А въ XVIII-мъ, уже послѣ Петра I-го, начались крупныя пожалованія вельможъ и это, послѣ приказной наживы, составляло у насъ главную форму распростраенія землевладѣнія.

²⁾ Тамбовскіе матеріалы Н. Николаева, стр. 101.

и со всеми удобства, и за все платилъ 10 рублей ¹⁾. Такимъ образомъ край нашъ, отличающійся въ настоящее время превосходными качествами и цѣнностію почвы, въ прежнія времена былъ обширнымъ и самымъ удобнымъ поприщемъ для дешеваго вотчинно-хозяйственнаго обзаведенія. Можетъ быть это-то обстоятельство и было также одно изъ главныхъ причинъ появленія у насъ къ концу XVIII-го столѣтія массы землевладѣльцевъ... Такъ какъ цѣны и на сельско-хозяйственные продукты, вслѣдствіе отсутствія удобныхъ путей сообщенія и вѣлости торговли, стояли на нашихъ рынкахъ невысокія, напримѣръ, четверть ржаной муки стоила 56 коп., пшеничной—1 р. 30 коп., то и самые богатые владѣльцы наши жили безъ заморскихъ затѣй и дѣнегъ имѣли мало ²⁾.

Выше мы замѣтили, что Московскіе матеріалы, относящіяся къ исторіи нашего края, богаты *писцовыми* содержаніемъ, и вотъ мы хотимъ отчасти познакомить своихъ читателей съ этимъ богатствомъ, обращая въ данномъ случаѣ особенное вниманіе на монастыри съ ихъ вотчинами. Всѣ наши писцовыя выписи будутъ приведены мною между прочимъ съ цѣлію уясненія постепеннаго развитія русскаго элемента въ Тамбовскомъ краѣ, а также и для того, чтобы уяснить нашъ давній экономическій бытъ.

Въ 1640-мъ году въ Мамонтову пустынь выдакъ былъ списокъ съ Тамбовскихъ писцовыхъ книгъ, а въ немъ написано: «въ Верхоценовской волости монастырь Мамонтова пустынь на рѣкѣ на Цитѣ, что въ Ордашевскомъ уожьѣ, а за монастыремъ монастырская слободка, а въ ней монастырскій дворъ коровій, а въ немъ дворникъ Филька Ивановъ; да въ слободкѣ жъ дворъ Донского казака и четыре двора монастырскихъ дѣтенышевъ, людей въ нихъ 5 человекъ, да брестыи-скихъ 22 двора, людей въ нихъ 27 человекъ, одинъ дворъ бобыльскій, въ немъ одинъ человекъ, да два двора пустыхъ;

¹⁾ Тамбовскіе матеріалы П. Николаева, стр. 101.

²⁾ *Примѣчаніе*. Цѣны выставлены за 1746 годъ.

да къ монастырской же слободкѣ прилежить деревня Глубокое, а въ ней крестьянскихъ 19 дворовъ и крестьянъ 19, папши у нихъ пахонныя 20 десятинъ въ полѣ, что пахуть на монастырь, а крестьянскія пахоты 15 десятинъ въ полѣ, да перелогу и дикаго поля 50 десятинъ въ полѣ, да сѣна 500 копенъ¹⁾.

Мамонтова писцовая выпись, довольно ясно указывающая на экономическій бытъ нашихъ монастырскихъ крестьянъ, ни слова не говоритъ о виѣшнемъ устройствѣ Мамонтовой пустыни, въ началѣ XVII-го столѣтія основанной старцемъ Мамонтомъ. Писцовая выпись относительно Троицкаго монастыря въ этомъ отношеніи гораздо обстоятельнѣе. Она относится къ тому же 1640-му году, *письма и лиры* Богдана Карпова, и въ ней написано: «въ Тамбовскомъ уѣздѣ монастырь Троицкій новая пустынь на Цифѣ; въ немъ церковь Живоначальная Троицы древняя шатровая-строење игумена Нифонта; главы обиваны чешуею, кресты и яблоко опанваны бѣлымъ желѣзомъ, панерти забраны досками въ косыгъ; а въ церкви образъ Живоначальная Троицы, вѣнцы у того образа серебряныя сканныя позолочены—вкладъ Церкиискаго Пона Петра, и другихъ образовъ довольно, а у нихъ вѣнцы и гривны серебряныя; да царскія двери и сѣнь и столбцы на празелени; а сосуды церковныя оловяныя, паннагадило мѣдяное съ яйцомъ строфокамилловымъ, подъ нимъ кисть шелковая; да въ той же церкви книгъ довольно: Евангеліе панрестольное поволочено двоеличнымъ бархатомъ, окладъ на немъ мѣдный, и аностоль, два охтая, мшпен, уставъ, канунникъ, псалтырь и часовникъ-печатные; да блаженныя памяти великія государыни иноки Марѣы Ивановны въ монастырь жалованья ризы и стихари миткалинныя, ошлечья бархатныя. Да на монастырѣ жъ другая церковь деревяная Благовѣщенія Пречистыя Богородицы съ придѣломъ Николая Чудотворца, а вверху въ той

¹⁾ Всѣхъ крестьянъ за Мамонтовою пустынею въ половинѣ XVII-го вѣка было 125 человекъ. Монастырь пользовался щедрыми вкладами великой Государыни иноки Марѣы Ивановны и Донскихъ казаковъ.

церкви образъ Саваофъ обложенъ серебромъ басмянымъ, вѣнцы и гривны рѣзные съ камешемъ простымъ, да у того жъ образа два ожерельца жемчужныхъ да шелпа дороги лазоревые... (Слѣдуетъ подробное описаніе всѣхъ другихъ образовъ). А у Николина образа панagia съладная, рѣзная, да на Богородицинь образъ убрисецъ тафта червчатая и шелпы дорожные зеленя, а всѣ церковныя книги при той церкви приплодь игумена Нифонта. А ризы у церкви Благовѣщенія бязшеныя и камчатныя. А на колокольнѣ 6 колоколовъ: колоколъ благовѣстной—дача игумена Нифонта да столышка Романа Бабарыкина. Да въ той же церкви двѣ окончины слюдяныхъ въ красныхъ оловкахъ».

Троицкій монастырь, какъ видно изъ этого описанія, если не отличался богатствомъ, какъ нѣкоторые древніе русскіе монастыри, то и не бѣденъ былъ. Ясно, что въ началѣ XVII-го вѣка въ нашемъ Тамбовскомъ краѣ христіанъ было уже довольно и они могли собственными средствами легко поддерживать существованіе многочисленныхъ нашихъ монастырей. Въ концѣ Троицкой писцовой выписи перечисляются монастырскіе жители. Приводимъ этотъ списокъ: «въ монастырѣ игуменская келья, а въ ней игуменъ Нифонтъ, у него келейникъ Кононокъ Андреевъ; да братскія кельи: келья чернаго пона Нифонта, а съ нимъ рядовыхъ старцевъ трое: Михайло, Іона, Старецъ Саватѣй; келья чернаго пона Іосифа да рядовыхъ старцевъ Нафанайла и Пимена; келья старцевъ келари Кирилла и казначея Васьяна; да въ томъ же монастырѣ кельи старцевъ Перфилія, Герасима, Приарха и другаго Герасима, Петра, а у него бѣлецъ вкладчикъ Гапка Ивановъ,— Евфимія, Моисея, Арсенія, Ворлаама и церковнаго дьячка Тришки Савельева».

Для этихъ 22-хъ монастырскихъ жителей въ Троицкомъ монастырѣ срублены были три житницы, а въ нихъ въ 1640-мъ году ссыпано было *200 четей обмолоченной ржи овся 40 четей, пшеницы 15 четей, проса 30 четей*. На всякій случай около монастыря, окруженнаго деревянною стѣною, возведенъ былъ еще *острожекъ*, близъ котораго на скот-

скомъ дворъ стояло 10 мериновъ телятъ, 7 кобылъ, 7 жеребятъ, 27 коровъ дойныхъ, 15 бычковъ и подмелковъ; да въ гумнъ немолоченнаго хлѣба въ трехъ кладяхъ 90 копенъ ржи, а умолоту изъ конны по чети, да въ трехъ же кладяхъ 80 копенъ овса, а умолоту изъ конны по 3 осминь, да въ разныхъ кладяхъ пшеницы 20 копенъ, а умолоту изъ конны по чети, да 20 телъгъ гречи, а умолоту изъ телъгъ по осминь. ¹⁾

Изъ всего этого монастырскаго описанія, повидному, можно сдѣлать заключеніе такое, что въ нашемъ краѣ охотниковъ до монастырскаго, безпечальной и сравнительно безопасной жизни было довольно, что они успѣли хозяйственно и удобно у себя устроиться, но что въ тоже время имъ не доставало охоты учиться грамотѣ, такъ что для Троицкаго монастыря понадобился даже особый церковный дьячекъ...

Близъ Троицкаго монастыря, по обыкновенію, выстроилась слободка. «А въ ней, говорится въ нашей выписи, — 3 двора донскихъ казаковъ, дворъ службы монастырскаго Митки Сидорова да крестьянскихъ 30 дворовъ, а людей въ нихъ 46 человѣкъ, да бобыльскихъ 13 дворовъ, а людей въ нихъ 15 человѣкъ, да 20 дворовъ пустыхъ».

Всѣ эти слободчане жили на монастырскаго землѣ и потому работали на монастырь. «Пашни паханья, сказано въ выписи, — монастырскія 33 десятины съ получетью, да крестьянскія пахоты 9 десятинь съ четью безъ пол-пол-чети десятины; сѣна по дикому полю 1000 копенъ. И та земля дана имъ по двумъ грамотамъ блаженныхъ памяти Государыни великія старицы иноки Марѣи Ивановны отъ 1621 и 1628 гг.» ²⁾

Кромѣ того, Троицкій монастырь по царскимъ грамотамъ изъ приказа большаго дворца отъ 1635 года владѣлъ обширными бортными и рыбными и звѣринными угодьями по рѣкамъ Цифъ,

¹⁾ Тамбовскіе матеріалы П. Николаева стр. 8—10.

²⁾ Тамъ же, стр. 10.

Хопру и Сувогѣ, платя за нихъ малые натуральные и денежные оброки въ Тамбовѣ и селѣ Конобеевѣ ¹⁾.

Далеко не въ такомъ удовлетворительномъ экономическомъ состояніи былъ въ XVII вѣкѣ Тамбовскій Казанскій монастырь, уцѣлѣвшій въ 1764 году только потому, что онъ былъ тогда резиденціею епархіальнаго епископа Пахомія. По грамотѣ изъ приказа большого двorca Казанскій монастырь владѣлъ *изъ Покровскія примырныя земли по 30 четвертей въ полѣ и по 150 копенъ сѣна, да изъ примырныя земли села Ташанова тому же монастырю откано было по 20 четвертей въ полѣ и по 50 копенъ сѣна* ²⁾.

Вслѣдствіе бѣдности, нашъ городской монастырь чрезъ своего строителя старца Герасима обратился къ царю Θεодору Алексѣевичу съ прошеніемъ о милости и въ 1680-мъ году отъ 24 мая на имя тамбовскаго воеводы и стольника Ивана Андреевича Языкова послѣдовалъ царскій указъ слѣдующаго содержания: «Построенъ тотъ Казанскій монастырь въ Тамбовѣ на посадѣ, а людей и крестьянъ и никакихъ угодій за тѣмъ монастыремъ нѣтъ, и свѣчь и ладону и вина церковнаго взять имъ негдѣ и питаться имъ нечѣмъ... И того ради съ 189 (1681-го) года владѣть имъ вмѣсто нашего жалованья по сей нашей великаго Государя грамотѣ безоброчно и безъ перекупки подъ городомъ Тамбовомъ на рѣчкѣ Студенцѣ на плотинѣ мельницею» ³⁾.

Вообще надобно замѣтить, что въ XVII вѣкѣ въ нашемъ краѣ весьма удобно основывались и развивались монастыри и нѣкоторые изъ нихъ имѣли свои легенды, объяснявшія ихъ происхожденіе, напримѣръ Керенскій Тихвинскій женскій монастырь, который въ прежнее время входилъ въ составъ

¹⁾ *Примѣчаніе.* По рѣкамъ Цифъ и Хопру бортимые ужожи и принадлежали и Мамонтовой пустыни. Земельная богатства этой пустыни особенно стали увеличиваться съ тѣхъ поръ, какъ въ 1652 году она была приписана къ монастырю Санны Стороженскаго.

²⁾ Тамбовскіе матеріалы П. Николаева, стр. 32.

³⁾ Тамъ же, стр. 33-я.

нашей эпархіи. Причины, вызвавшія основаніе этого монастыря, указаны *въ отпискѣ* Керенскаго воеводы Пыхочева отъ 1680-го года ¹⁾.

«Холопъ твой Якушка Пыхочевъ, пишетъ царю Феодору Алексѣевичу воевода, челомъ бьетъ. Въ нынѣшномъ, Государь, въ 189 году (1680) іюня въ 14-й день въ Керьску въ приказной избѣ извѣщала мнѣ холопу твоему словесно старица Поросковья, а въ извѣтѣ своемъ она сказала: въ ночи де явился ей старицѣ образъ Богородицы и стоитъ де тотъ образъ передъ кельею ея на столѣ и передъ тѣмъ образомъ теплилась свѣча и отъ того де образа былъ ей гласъ, чтобъ городскіе люди воспокаялись, въ воскресные дни, праздники и пятки не работали, а въ среду до полудни не работали жъ бы, и чтобъ поставили часовню на ключу, гдѣ стоитъ кабацкая винокурня, и тое бы винокурню съ того мѣста снести, и буде люди отъ работы уймутся и надъ ними будетъ милость Господа Бога, а буде не воспокаются и отъ работы не уймутся, и надъ ними будетъ гнѣвъ отъ Господа. И того де числа разодралась на ней старицѣ ряска портеная и былъ ей гласъ: не носить портеныхъ рясокъ, а носить шерстяныя, и тотъ де образъ отъ нея старицы пошелъ».

15-го іюня воевода Пыхочевъ послалъ къ старицѣ Прасковѣ для слѣдствія стрѣльца Ваську Константинова.

«И онъ Васька ходилъ, продолжастъ Пыхочевъ, и мнѣ холопу твоему сказалъ: у того ключа на березѣ стоитъ крестъ поклонный, а кто его поставилъ, того онъ не вѣдасть».

19-го іюня старица Прасковья снова докучала воеводѣ.

«Молилась я въ ночи, да Керенская вдова Василиска Евдокимова, Люшонка Яковлева да дѣвка Аксютка Денисова и увидѣли мы образъ Богородицы: стоитъ де онъ у того

¹⁾ Конію съ этой отписки мы читали въ Керенскомъ монастырѣ, гдѣ она доселѣ хранится въ ризницѣ.

ключа подь березою на обрубѣ, а кто его поднесъ и поста-
вилъ, того она не вѣдаетъ».

25-го іюня старшцу привели на воеводскій дворъ и она
была *спавлена и допрашивана* и на допросѣ своемъ по-
казала тоже, что и въ пзвѣтѣ 19 іюня, *тъжъ рѣчи*
сказывала—доносилъ царю Пыхочевъ.

Въ началѣ іюля Керенскій поповскій староста Алексѣй
Тимофеевъ, согласившись съ воеводою, взялъ явленный
образъ Богородицы въ Керенскую Богоявленскую церковь
для подлинной вѣдомости и розыску, не обманнелъ ли
кому какое исцѣленіе.

«И началъ поцъ Тимофеевъ, заключаетъ свое допесеніе
Керенскій воевода, служить молебень и въ то де молебное
иѣніе старшцу Парасковью ударило о мость и во все де
молебное иѣніе ее било...»

Всѣ немногочисленные сельскіе храмы нашего края въ
XVIII столѣтіи были очень бѣдны. Въ дополненіе къ тому,
что на этотъ предметъ сказано нами въ первомъ выпускѣ,
прибавимъ здѣсь *нисцовое* описаніе сельской церкви *Тро-*
ницкой слободы. Описаніе это въ видѣ выписи изъ Там-
бовскихъ нисцовыхъ книгъ отъ 1640-го года хранится въ
Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Приводимъ съ
него нѣсколько сокращенную копию.

«Слобода Троицкая, а въ ней церковь Живоначальна
Троицы съ трансезою на подклѣтихъ, ветха; церковь и тра-
неза и панерть крыты драпью, все ветхо; а въ церкви
строеніе иконъ полное и на тѣхъ иконахъ вѣнцы серебря-
ныя; у образовъ зелены выбоичатыя ветхія, за престоломъ
образъ Пресвятая Богородицы Одигитріи обложенъ въ басму,
у образа ожирельцо низано мелкимъ жемчугомъ да приклад-
ныхъ денегъ четверть ефимка и 2 рубля; на престолѣ обла-
ченіе выбоичатое, крестъ миткалинный; сосуды оловянные
и деревянныя; ризы выбоичатыя ветхія; на колокольнѣ 2
колокола».

Въ этой убогой деревенской церкви совершалъ богослу-
женіе еще болѣе убогій причтъ, состоявшій изъ двухъ свя-

щенниковъ и дьячка съ семействами. На ихъ общую долю Троицкихъ крестьянскихъ дворовъ было 20 и людей 71 *человѣкъ*. Да въ деревнѣ Поповкѣ было 9 *человѣкъ* ихъ прихожанъ, въ деревнѣ Гулынки—70 *человѣкъ*, въ деревнѣ Городищѣ—40 *человѣкъ* и въ деревнѣ Дубровѣ—160 *человѣкъ*. «А въ тѣхъ деревняхъ, прибавляетъ описаніе,—крестьяно и бобыли новоприходцы разныхъ городовъ, а которые пришли изъ Чудовскихъ вотчинъ Володимирскаго и Коломенскаго уѣздовъ изъ разныхъ селъ» ¹⁾. Эта послѣдняя приписка очень ясно указываетъ намъ на то обстоятельство, что около половины XVII вѣка, одновременно съ постройкою Тамбова, Козлова, Усмани и иныхъ укрѣпленій, шла у насъ дѣятельная колонизація многочисленныхъ монастырскихъ вотчинъ посредствомъ переселенцевъ изъ центральной Россіи.

Троицкому монастырю принадлежало еще село Вихляйка съ приходскою Покровскою церковію, о которой въ писцовыхъ книгахъ написано такъ: «въ селѣ Вихляйкѣ церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы древяна, клѣтки, съ транзеею, крыта драпью; а въ церкви, кромѣ строенія икопъ мѣстныхъ, на сѣверныхъ дверяхъ писанъ благоразумный разбойникъ; всѣ образа писаны на вохрѣ и на прзелени; на престолахъ Евангеліе, печатное въ десть, крыто мухонромъ; сосуды древяные, покровы крашенныя, пелена выбойчатая, ризы полотняныя» ²⁾.

Такъ какъ другіе писцовыя записи относительно нашихъ приходскихъ храмовъ въ сущности такія же, какъ и эти двѣ приведенныя нами, то отъ дальнѣйшихъ писцовыхъ выписокъ мы воздерживаемся ³⁾. Однако, мы не можемъ не

¹⁾ Тамбовскіе матеріалы П. Николаева стр. 46.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ *Примѣчаніе*. Въ концѣ XVII-го вѣка въ нашемъ краѣ были слѣдующія, извѣстныя мѣ, приходскія села съ церквами: Дубровка, Ишеево, Русское, Ачадово, Вярвиль, Селпци, Кириллово, Веденяишино, Пахотный, Уголь, Добры, Романово, Ширингуша, Ключи, Перкино, Агасово, Пичасово, Красная Дуброва, Сасово, Керна, Грязновка, Горѣлое, Бокшино, Лысыя Горы, Паганка и Конобеево—бывшая вотчина великой *Июки* Марыи Ивановны. Избы въ тѣхъ селахъ строены были высокія, на глухихъ подклѣткахъ, съ сѣнями и чуланами, черныя...

высказать, что внѣшняя убогость нашихъ деревенскихъ храмовъ вовсе еще не свидѣтельствуесть о былой нашей нищетѣ. Скорѣе всего, церковная убогость наша зависѣла отъ нашей патріархальности и отъ трудности достать въ нашихъ захолустьяхъ хорошіе матеріалы и хорошихъ мастеровъ...

Въ заключеніе этой главы постараюсь указать на имена тѣхъ Тамбовскихъ воеводъ, которые доселѣ еще не были намъ извѣстны, а также и на нѣкоторые современные имъ событія.

Преемникомъ стольника Романа Феодоровича Бабарыкина, основателя города Тамбова, былъ воевода Василій Феодоровичъ Яновъ, правленіе котораго ознаменовано было *приказнымъ и воинскимъ самоуправствомъ*. Вслѣдствіе этого, по жалобѣ старца и трудника Мамонта, учредителя Мамоновой пустыни, отъ 15-го іюля 1638 года въ Тамбовъ на воеводское имя послѣдовалъ слѣдующій указъ царя Михаила Феодоровича: «въ Мамоновой пустыни поселились вольные гуляціе бобыли, и тѣхъ бобылей Тамбовскіе дворяне и дѣти боярскія изъ пустыни выводятъ сильно и достальныхъ побиваютъ на смерть и волочатъ и убытки имъ чинятъ всякіе; и отъ тое ихъ великіе продажи и насильства мамоновскіе бобыли въ конецъ погибли и животина ихъ помираеть съ голоду. И ты бѣ воевода вывозити изъ тое пустыни крестьянъ и бобылей дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ не велѣлъ ни которыми дѣлы... и оберегалъ бы ихъ накрѣпко»¹⁾.

Въ 1643-мъ году въ Тамбовѣ опять былъ новый воевода, Жданъ Васильевичъ Кондыревъ. И этому правителю былъ отъ царя указъ, чтобы *монастырскими землями не вельмъ*. На этотъ разъ царское повелѣніе вызвано было тѣмъ обстоятельствомъ, что крестьяне селъ Чернитова и Томникова самовольно завладѣли пустошами, сѣнными покосами, лѣсами, рыбными ловлями и бортными ухажьями Черниѣва монастыря, при чемъ ходатаемъ

¹⁾ Тамбовскіе матеріалы П. Николаева, стр. 6-я.

Примѣчаніе. Указъ царя Михаила Феодоровича приведенъ нами съ нѣкоторыми сокращеніями.

за обитель явился Чернѣвскій игумень Корнилій... Несомнѣнно, при обонхъ этихъ Тамбовскихъ воеводахъ подъ наши города и села и деревни, и подъ *валовыя* крѣпости, приходили разные *воровскіе* люди, и Яновъ и Кондыревъ такъ или иначе бились съ ними, но объ этомъ пока мы не имѣемъ документальныхъ свѣденій и потому поневолѣ ограничиваемся простымъ перечнемъ Тамбовскихъ первоначальныхъ воеводъ.

Въ 1647-мъ году въ нашъ край посланъ былъ изъ Москвы стольникъ князь Иванъ Ромодановскій дѣлать валъ за Тамбовомъ въ степи, межъ Липовскаго и Челнавскаго лѣсовъ; а мастера къ тому дѣлу посланы были съ Пушкарскаго Приказу 4 человекъ.

Подъ 1651-мъ годомъ мы встрѣчаемся съ весьма замѣчательнымъ фактомъ участія нашихъ представителей въ Московскомъ Земскомъ соборѣ. Въ этомъ году въ Москвѣ ожидали выборныхъ, дворянскихъ и посадскихъ, людей для великаго государева дѣла. Въ русскомъ стольномъ городѣ должна была рѣшиться участь Малороссіи, изнемогавшей въ борьбѣ съ Польшою и искавшей своего спасенія подъ выскою царскою рукою.

Сколько намъ извѣстно, въ Москвѣ на соборѣ 1651-го года были представители только Шацкого уѣзда. Или въ этомъ случаѣ выразились преимущества Шацка, какъ главнаго областного города, или же мы недостаточно ознакомились съ историческимъ матеріаломъ данной эпохи... Мы съ своей стороны склонны думать, что на великой и всенародной радѣ 1651-го года были представители всей земли. Стало быть, были выборные Тамбовскіе, и Козловскіе, и Кадомскіе, и Темниковскіе, и Усманскіе, и Романовскіе. И вѣроятно, со временемъ будутъ найдены въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи на это документальныя доказательства, т. е. столбцы воеводскихъ отписокъ съ именами выборныхъ.

Между тѣмъ, пока, мы предлагаемъ вниманію читателей копію съ отписки Шацкого воеводы Никиты Заболоцкого.

«Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михаило-

вичу холопъ твой Микитка Заболоцкій челомъ бьетъ. При-
слана, Государь, 2-го февраля сего 159 (т. е. 1651) года
твоя Государева грамота за приписью твоего дьяка Ивана
Сѣверова въ Шацкой ко мнѣ холопу твоему, а въ той твоей
грамотѣ писано выбрать лучшихъ дворянъ двухъ человекъ,
а выбравъ прислать къ Москвѣ на сборное воскресенье для
твоего царственного, великаго, Земскаго и Литовскаго дѣла.
А тѣмъ дворянамъ велѣно явиться на Москвѣ въ разрядъ
къ твоему, Государь, думному дворянину Ивану Афанасье-
вичу Гавреневу. И имена тѣхъ выборныхъ дворянъ таковы:
Остафей Ивановъ Желябужскій и Романъ Артемьевъ Лю-
бовниковъ».

Эта грамота отправлена была въ Москву, за немѣнѣемъ,
почты, съ Шацкимъ разсыльщикомъ Ивашкой Мещеряко-
вымъ. Въ настоящее время она хранится, какъ и всѣ по-
добные документы, въ Москвѣ, въ архивѣ министерства
юстиціи (столбецъ 240).

Московский Земскій соборъ, какъ извѣстно, порѣшилъ
принять Малороссію въ обще-русскую семью и оборонять ее
всѣми силами государства противъ поляковъ и всякихъ дру-
гихъ *вороговъ*. Вскорѣ выступилъ въ извѣстный Литовскій
походъ самъ Царь, и союзъ двухъ братскихъ племенъ освя-
тился бранною кровію.

Въ какомъ смыслѣ наши выборные подавали на соборѣ
свои голоса, изъ документовъ не видно; но можно догады-
ваться, что Шацкіе депутаты говорили за Малороссію, такъ
какъ въ XVII столѣтіи нашъ край имѣлъ съ Донскимъ и
Малороссійскимъ казачествомъ общіе интересы обороны отъ
татаръ, да и самый воинскій духъ нашего прежняго народо-
населенія по неволѣ сближалъ его съ южно-русскими бор-
цами...

Послѣ Тамбовскаго воеводы Самуила Ивановича Биски-
на, извѣстнаго уже намъ по неудачной погонѣ за Татара-
ми, въ 1652 году воеводствовалъ у насъ Иванъ Федоро-
вичъ Еропкинъ. При немъ, по указу царя Алексѣя Михаи-
ловича, состоялась, послѣ тщательной переписки всего мо-

настырскаго имущества, передача нашей Мамонтовой пустыни монастырю Саввы Сторожевскаго.

Чрезъ два года, т. е. въ 1654 году, въ Тамбовѣ водворился на воеводскомъ дворѣ Моисей Ивановичъ Ерошкинъ. Повидимому, онъ былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ къ извѣстному миссіонеру, Рязанскому архіепископу Мисаилу, и вслѣдствіе этого усердно помогалъ ему строить въ Тамбовѣ, рядомъ съ воеводскою усадьбою, архіерейское подворье.

Затѣмъ, до 1665 года, въ нашихъ документахъ новыя имена Тамбовскихъ воеводъ не упоминаются. Въ этомъ же году Тамбовскимъ воеводою былъ стольникъ Иванъ Павловичъ Агинфовъ. Онъ отчасти извѣстенъ только тѣмъ, что по возможности отстранивалъ и украшалъ Тамбовъ и при этомъ почему то съ особенною заботливостію относился къ той части нашего города, которая извѣстна подъ именемъ *Пушкарей*. Здѣсь имъ устроены были кузницы, вѣзжіе дворы и хлѣбные склады ¹⁾.

Новый Тамбовскій воевода, послѣ Агинфова и извѣстнаго Хитрово, встрѣчается намъ уже подъ 1677 годомъ. Это стольникъ Василій Васильевичъ Крапоткинъ, извѣстный покровительствомъ, которое онъ оказывалъ Тамбовскому Казанскому монастырю ²⁾.

Въ 1680 году на Тамбовскомъ воеводствѣ мы видимъ стольника Ивана Андреевича Языкова, а въ слѣдующемъ 1681 году—Федора Меньшаго Павловича Языкова. Оба они усиленно занимались составленіемъ мѣстныхъ писцовыхъ книгъ и выписей и дѣлали это не столько съ фискальною цѣлью, сколько съ административною. Поэтому ихъ имена чаще всего встрѣчаются въ нашихъ документахъ. Въ 1683 году Тамбовскимъ воеводою былъ стольникъ Иванъ Адриановичъ Апраксинъ. При немъ въ нашемъ краѣ появились значительныя вотчины Николо-Радовицкаго монастыря, а въ

¹⁾ Тамбовскіе матеріалы П. Николаева, стр. 19.

²⁾ Тамъ же стр. 32.

Тамбовъ, за задними городовыми вороты подлѣ подъячяго *Василія Миронова*, выстроены былъ для того же монастыря обширный въѣзжій дворъ. Въ 1690 году мѣстнымъ воеводою былъ князь Лаврентій Дуловъ. При немъ отведены были жалованныя земли Предтечинской новой пустыни (Трегунской) 90 четвертей въ полѣ. Жалованныя угодья даны были Предтечинскому строителю старцу Варлааму съ братиею въ *окрестностяхъ города Тамбова, за Тамбовскими валами крѣпостями, на порожней степи*. Въ 1692 году отъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей прислана была въ Тамбовъ на пня стольника и воеводы Александра Алексѣевича Нестерова грамота, которою, по челобитію Тамбовскаго Казанскаго монастыря игумена Корнилія, повелѣвалось отдать тому Казанскому монастырю *порожнюю землю межъ воскобойны и Студенецкой мельницы* ¹⁾.

Въ 1693-мъ году на Тамбовскомъ воеводствѣ былъ Иванъ Ивановичъ Леоптьевъ, въ 1697-мъ году Иванъ Андреевичъ Вельяминовъ-Зерновъ, въ 1700-мъ году Данилъ Петровичъ Дохтуровъ, въ 1704-мъ году Иванъ Савельевичъ Саловъ, а подъ 1707-мъ годомъ упоминаются у насъ двое стольниковъ и воеводъ, Никита да Иванъ Головкины. При Иванѣ Андреевичѣ Вельяминовѣ—Зерновѣ въ Троицкомъ монастырѣ разрешено было имѣть *безоброчно торжокъ одинъ день въ пятницу для торговли самими деревенскими тутешними крестьянскими мелкими товарами, съ правомъ собирать пошлины по торговому уставу въ томъ Троицкій монастырь на свѣчи, ладанъ и вино церковное*. ²⁾

Пересматривая разные документы изъ временъ воеводства Вельяминова—Зернова, мы встрѣтились съ описаніемъ одной помѣщичьей усадьбы. Пользуемся этимъ описаніемъ, чтобы хотя отчасти воспроизвести въ нашемъ представленіи вѣншній бытъ Тамбовскихъ помѣщиковъ конца XVII-го столѣтія.

¹⁾ Тамбовскіе матеріалы Н. Николаева, стр. 55.

²⁾ Тамъ же, стр. 57.

Примѣчаніе. Мы приводимъ фамиліи только тѣхъ Тамбовскихъ воеводъ, которые въ первыхъ выпускахъ не названы.

«Въ деревнѣ Перикемскихъ Боркахъ, сказано въ отказной помѣщицы Тимошеевой, — дворъ помѣщиковъ, горожень тесомъ и заметомъ, ворота чапные о трехъ веряхъ — крыты тесомъ, на дворѣ хороннаго строенія горница съ комнатою на глухихъ подклѣтияхъ, противъ нихъ горница жъ на жилищѣ подклѣтъ, клѣтъ съ приклѣтомъ, на подклѣтъ анбаръ, бани съ передбаньемъ, двѣ конюшни, погребъ съ погребницею, амшеникъ; на томъ дворѣ дворовымъ людямъ Сидоркѣ и Якушкѣ, Гуркѣ и Мигиткѣ, Борискѣ и Агапкѣ, Федкѣ и Мартынкѣ, Иванкѣ и Исайкѣ съ семействами поставлены избы, съ клѣтями и приклѣтами и сараями» ¹⁾

Въ началѣ XVIII-го столѣтія, кромѣ воеводъ, у насъ, какъ и по всей Руси, появились еще новые начальники, творившіе судъ и расправу и кормившіеся около мѣстныхъ жителей, это: ландрихтеры, комисары, ассесоры, фискалы и разные штабъ и оберъ-офицеры. Что именно они сдѣлали для нашего края, намъ совершенно неизвѣстно, но фамиліи многихъ изъ нихъ и теперь еще принадлежатъ къ землевладѣльческимъ и дворянскимъ Тамбовскимъ фамиліямъ... Многое про нихъ можно было бы разсказать по старому воеводскому архиву, долго хранившемуся въ древнихъ мѣстныхъ епископскихъ кельяхъ, но весь этотъ архивъ неизвѣстно когда и по какой причинѣ исчезъ... Съ 1719-го года характеръ мѣстнаго управленія нѣсколько измѣняется. вмѣсто единоличной воеводской власти выступаетъ на сцену коллегіальное управленіе провинціальной канцеляріи, съ подчиненіемъ ея Воронежскому губернатору. Поэтому послѣ воеводъ Головинныхъ, мы уже рѣже встрѣчаемся въ нашихъ документахъ съ именами Тамбовскихъ градоначальниковъ, вмѣсто которыхъ въ дѣловыхъ актахъ выдвигается собирательное имя Тамбовской провинціальной канцеляріи.

Въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, сколько намъ извѣстно, есть еще и такіе документы, которые до-

¹⁾ Тамбовскіе матеріалы П. Николаева, стр. 64.

вольно обстоятельно указывают на распространіе у насъ христіанства.

Христіанская вѣра, повидимому, успленно стала распространяться у насъ въ XVI-мъ столѣтіи, и именно въ уѣздахъ Шацкомъ и Темниковскомъ, причѣмъ главными дѣятелями этого просвѣтительнаго движенія были наши *новил* пустыни: Шацкая, Чернѣвская и Темниковская Пурдышевская. Въ первой миссіонеромъ-руководителемъ былъ *черный попъ* Матвѣй, а во второй—старецъ Принархъ. О Чернѣвскомъ черномъ попѣ въ грамотѣ Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича отъ 1583-го года говорится такъ: «по благословенію владыки Леониды Рязанскаго оный попъ Матвѣй въ Подлѣсскомъ стану общинку устроилъ и церковь Николая Чудотворца нову поставилъ, а лѣсъ покупалъ у Мордвы; да онъ же крестилъ Мордвы 15 душъ съ женами и съ дѣтьми, а иная Мордва у того Матвѣя хотятъ креститися; а которая Мордва не крещена, и та чинитъ общинкѣ пакость великую и хотятъ церковь осквернити, и монастырь разорити, и старцевъ изогнати...¹⁾

При подобныхъ же пренятствіяхъ со стороны новѣрцевъ распространять христіанство въ Темниковскомъ уѣздѣ и Пурдышевскій старецъ Принархъ. Вотъ его жалоба Царю Θεодору Іоанновичу, послѣдовавшая въ 1594-мъ году: «близъ Пурдышевской пустыни Рождества Пречистыя Богородицы и Василья Блаженнаго владѣть деревнею князь Колунчагъ Епифѣевъ, и люди его—Татарова чинятъ намъ обиду и насильство великое и крестьянской вѣрѣ поругаются, на монастырь палками бросаютъ. А какъ ходимъ мы около монастыря со кресты по воскресеньямъ и по Владычинимъ праздникамъ и на ердань, и князь Колунчаковы люди прѣзжаютъ на коняхъ и крестьянской вѣрѣ поругаются, кричатъ и смѣются, и въ трубы трубятъ и по бубнамъ бьютъ, и въ смыки и въ домры играютъ, и съ огнемъ подъ монастырь

¹⁾ Этою грамотою царь жалуетъ Чернѣвской пустыни 100 четвертей въ полѣ и пенкии угодья. Скрѣпилъ грамоту дьякъ Василій Щелкаловъ 15-го февраля 1583-го года.

приходить и сечь хотять, и пашню монастырскую косять, и дубье и борти тешуть насильствомъ, и отъ его Колунчаковыхъ людей прожити намъ впредь не мочно... ¹⁾

Между тѣмъ въ то же время иные иновѣрцы сами приходили въ Пурдышевскій монастырь и крестились. Такъ поступилъ въ 1592-мъ году богатый Татарскій мурза Туродѣевъ, названный въ христіанствѣ Савелиемъ. Крестившись, онъ выдалъ старцу Ирнарху данную на земли и угодыя. «И за тое пашню и покосы и рыбные и бобровые ловли и бортиный ухожей, писалъ Туродѣевъ,—при юсмиъ животѣ въ томъ монастырѣ Бога молить, а послѣ моего живота въ Синодикъ меня написать и въ литею душу мою поминать, доколѣ Богъ благоволитъ міру сему быти и святыя сей обители».

Примѣру Туродѣева въ 1596-мъ году послѣдовали братья Ѳедоръ да Гурей Сазоновы. «Отдали есми, писали они,—отца своего благословеніе, дворъ и гумно и пашню, игумену Ирнарху съ братьею, куда хаживала отца нашего соха и тоноръ и коса»... ²⁾

Съ наступленіемъ смутной эпохи миссіонерская дѣятельность въ нашемъ краѣ приостанавливается. Она снова и усиленно возникаетъ, благодаря патріарху Никону, при извѣстномъ Рязанскомъ архіепископѣ Мисангѣ и Черіѣевскомъ архимандритѣ Василии. Окончательное же обращеніе въ христіанство всей нашей Мордвы и мѣстнаго Татарскаго дворянства послѣдовало при Петрѣ 1-мъ и въ теченіе всей первой половины XVIII-го вѣка. Изъ эпохи Петра 1-го намъ извѣстны слѣдующіе Татарскіе мурзы — повокрепцы, принявшіе православіе вслѣдствіе извѣстнаго царскаго указа отъ 1714-го года: Ишеевъ, Кашаевъ, Енгальчевъ, Татаевъ,

¹⁾ *Примѣчаніе.* Деревню Колунчака Еникѣва царь велѣлъ отдать Пурдышевскому монастырю.

²⁾ *Примѣчаніе.* Всѣ эти земли, прикосновенныя къ монастырямъ Черіѣевскому и Пурдышевскому вмѣстѣ съ другими Шацкими и Тонниковскими землями, мѣрилъ и описывалъ въ 1564-мъ году мѣрищикъ и писецъ Морозовъ.

Мустафинъ, Маматказинъ ¹⁾). Всѣмъ имъ, за воспріятіе христіанскія вѣры Греческаго закона, даны были во владѣніе, въ крестьянство, отписные крестьяне и на нихъ владѣнные записи. Но крестьяне долго своихъ помѣщиковъ не слушались, въ платежахъ всякихъ податей и въ работахъ чинились противны и прикащиковъ со многими оружіемъ были смертно ²⁾).

Изъ разныхъ документовъ Московскаго архива министерства юстиціи, напирямѣръ боярскихъ и воеводскихъ отписокъ, намъ стало извѣстно также и то обстоятельство, что еще въ царствованіе Михаила Феодоровича въ нашемъ краѣ замѣтны были значительные прецеденты Петровской реформы. Въ нашихъ городкахъ стояли команды *рейтаръ дружина, гусаръ и солдатъ*, подѣ начальствомъ нѣмецкихъ командировъ. Въ Лебедиинѣ у насъ строились товарные струги и на нихъ, вмѣстѣ съ чинами Турецкихъ и Крымскихъ носольствъ, къ намъ привозили заморскіе товары. По случаю моровыхъ повѣтрій въ Крыму и Польшѣ въ нашемъ краѣ, какъ и по всей Россіи, учреждались карантинны. Помѣщики и вотчинники въ царствованіе Михаила Феодоровича настойчивѣе прежняго привлекались къ государственной службѣ и поэтому на нашихъ *помѣщичьихъ* мѣстныхъ воеводы хаживали облавами. Кадомскіе, Темниковскіе и Елатомскіе мурзы начали переходить въ христіанство и черезъ это становились въ ряды кореннаго русскаго дворянства, иногда даже подавляя его своею численностію и вліяніемъ ³⁾).

Заканчивая главу о Тамбовской мѣтописи и о дополненіяхъ ея по Московскому архиву министерства юстиціи, мы имѣемъ основаніе указать еще на два неточника по давней

¹⁾ *Примѣчаніе.* Наиболѣе замѣчательныя выраженія изъ этого указа таковы: «басурманамъ крестьянами православной вѣры не владѣть. Владѣющіе же должны креститься конечно въ молодомъ».

²⁾ *Примѣчаніе.* Свѣденія эти замѣтованы нами изъ *Шацкихъ дѣлъ*, поступившихъ въ распоряженіе Тамбовской архивной комиссіи.

³⁾ Архивъ министерства юстиціи, столбцы по государ. разр. архиву, книга 209-я.

исторіи Тамбовскаго края. Это — портфели Миллера, хранящіеся въ главномъ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, и рукописное отдѣленіе Московскаго Румянцевскаго музея. Въ одномъ изъ Миллеровскихъ портфелей такъ, напримѣръ, говорится объ основаніи нашего города Шацка: «въ 7061-мъ году царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси въ Мещерѣ въ Шацкихъ воротѣхъ велѣлъ поставить городъ съ Николина дни великого, а воеводы тогда были для береженья князь Дмитрій Семеновичъ Шестуновъ да Степанъ Григорьевичъ Сидоровъ, а городъ дѣлалъ Борисъ Ивановичъ Сукнинъ, а какъ городъ сдѣлалъ и съ Пялина дни великого годовати въ Шацкомъ городѣ князю Ивану Федоровичу Мезецкому».

Вѣроятно, подобныхъ лѣтописныхъ указаній у Миллера собрано не мало...

А изъ описанія рукописей Румянцевскаго музея мы видимъ, что край нашъ особенную тревогу испытывалъ въ 1633-мъ году, во время извѣстной Русско-Польской войны. Въ это время воеводамъ Лебедини и Шацка приказано было сидѣть и жить во всякомъ береженьи противъ Дняховъ и Литвы крѣпко.

А будутъ вамъ посланы, утѣшало Московское правительство нашихъ воеводъ, конные, людные, одынные и сбруйные люди.

А пѣтчиковъ, прибавляли Московскіе бояре, ницне для наказанія кнутомъ и отъятія вотчинъ.

На все это отиѣты мѣстныхъ воеводъ были таковы: «на вѣсти и на сторожи и въ подѣзды и въ проѣзжія станицы посылать некого, а которые явились и оружны—и тѣ великіе старцы и ребята лѣтъ въ 10». ¹⁾

Слѣдующія двѣ главы мы посвящаемъ вопросу о Калмыкахъ и Булавинскомъ движеніи. Полагаемъ, что и эти главы будутъ какъ бы объясненіемъ и развитіемъ нашей браткой лѣтописи.

¹⁾ Собраніе Историко-Юридическихъ актовъ Бѣляева, Д. Лебедева.

Калмыцкія дѣла

Единственный Тамбовскій лѣтописецъ, говоря о безирывныхъ степныхъ набѣгахъ въ XVII-мъ столѣтіи на наши Тамбовскія и Шацкія украины, подробно перечисляетъ Татарскія племена и указываетъ на Татаръ Крымскихъ, Ногайскихъ, Кубанскихъ и Азовскихъ. Между тѣмъ онъ же почти ни слова не говоритъ о Калмыцкихъ набѣгахъ, какъ будто ихъ не было, или же они были относительно безвредны. Тогда какъ на самомъ дѣлѣ нашимъ предкамъ часто и отъ Калмыковъ была бѣда великая: Калмыцкіе хищники не меньше Татарскихъ убивали и арканили нашихъ полонниковъ, жгли наши поселки и конями тонтали наши жатвы. Не разъ внезапно и стремительно прорывали они наши *валовыи крѣпости*, избивая засѣчныхъ и иныхъ сторожей, и съ гикомъ и съ дикими возгласами появлялись скуластыя и узкоглазые Калмыцкія лица передъ самыми крѣпостными Тамбовскими воротами, смущая наши малосильныя воинскія команды и ихъ воеводъ... Звонили у насъ тогда въ набатный колоколь тревогу, становились пушкари, пицальники и стрѣльцы на стѣнахъ и башняхъ, близъ главныхъ воротъ выравнивались на всякій случай конные и пѣшіе казаки, а въ соборной Преображенской церкви служили молебны до тѣхъ поръ, пока Азіатскіе кочевники не уходили въ свои Приволжскія кочевья...

Деревянные стѣны и Сашин Тамбовской крѣпости, свидѣтели Калмыцкихъ набѣговъ, давно уже сгнили, земляные валы обсыпались—и только одна у насъ есть историческая святыня, относящаяся къ описываемому времени, это над-

воротная, крѣпостная икона распятія Христа Спасителя; икона эта въ настоящее время украшаетъ лѣвую стѣну нижней церкви кафедральнаго собора... Да еще уцѣлѣла въ соборной ризницѣ фелонь приспомятнаго Тамбовскаго епископа Питирима, въ которой, можетъ быть, нашъ святитель совершалъ богослуженіе въ осажденные дни своего престольнаго города... Да, смутные и тяжелые были прежніе наши годы. И я еще со временъ своего дѣтства живо помню филологическое, правда слишкомъ смѣлое, объясненіе названія нашего города. Тамбовъ—это значитъ: *тамъ была бой*, тамъ кровь лилась, тамъ стоны слышались, и дико—побѣдные клики побѣдителей, когда наши, когда чужіе...

Восполняя именно эту относительно Калмыковъ крупную недомолвку нашего Тамбовскаго лѣтописца, мы на основаніи матеріаловъ, хранящихся въ главномъ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, намѣрены сказать нѣсколько словъ о появленіи Калмыковъ въ русскихъ предѣлахъ и объ ихъ набѣгахъ на Тамбовско-Шацкій край. Своей замѣткѣ мы даемъ вышесказанное наименованіе потому, что именно такъ озаглавлены наши Московскіе источники.

Русскіе Калмыки, такъ называемые Торгоутскіе, издавна жили въ глубинѣ Средней Азіи по верховьямъ Амура, Или и Иртыша и перешли въ нижнее Поволжье въ 1630-мъ году подъ предводительствомъ своего хана Хорлука, и шести его сыновей и многочисленныхъ нойоновъ, т. е. князей. Они вышли изъ Китая въ составѣ 50,000 кибитокъ, откочевали къ Волгѣ, покорили Ногайцевъ и безцеремонно стали грабить также и Русскихъ... Такимъ образомъ отплатили они русскому государству за его гостепримство. И мы не знаемъ, чему въ данномъ случаѣ болѣе удивляться: необузданной ли наглости полудикихъ Азіатовъ, или же чрезвычайной терпимости и уступчивости Московскаго правительства. Во всякомъ случаѣ, приведенный нами фактъ изъ исторіи нашихъ отношеній къ Калмыкамъ долженъ быть объясненъ между прочимъ тѣмъ, что въ XVII-мъ столѣтіи правительственная энергія почти исключительно расходовалась внутри государства, а для окраинъ ея ужъ не хватало...

Въ 1640-мъ году Харлюкъ умеръ. Преемникомъ его былъ сынъ его Шубуръ-Дайчингъ, при которомъ былъ съездъ всѣхъ Калмыцкихъ ноюновъ для составленія *письменнаго уложенія*.

Въ 1646-мъ году Калмыкамъ дано было царское позволеніе свободно кочевать по нижней Волгѣ, а Калмыцкихъ купцовъ не велѣно было обижать и воспрещено было дѣлать *пмъ какія либо зачѣпки и задержаніе*.

По смерти Шубуръ-Дайчинга Калмыцкимъ ханомъ сдѣлался сынъ его Пуицукъ. При немъ изъ Китая на Волгу пришли еще 3000 кибитокъ. Пуицукъ умеръ въ 1669-мъ году въ самый разгаръ извѣстнаго казацко-крестьянскаго движенія, передавъ правленіе своею ордою Аюкѣ, при которомъ изъ Китая откочевала въ Волгѣ еще тысяча кибитокъ. Въ 1670-мъ году Аюка близъ Астрахани истребилъ цѣлый стрѣлецкій полкъ, затѣмъ покорилъ Мангышлякскихъ Туркменъ и уже послѣ того съ большимъ трудомъ приведенъ былъ *подъ высокую царскую руку въ вѣчное подданство*. Аюка-тайша и всѣ Приволжскіе Калмыцкіе ноюны дали Астраханскому воеводѣ боярину князю Якову Никитичу Одоевскому клятвенное обѣщаніе *прямить и служить великому государю и съ пограничными воеводами быть въ любви и сосѣдствѣ*. За это царь Алексѣй Михайловичъ ихъ пожаловалъ, повелѣлъ выдавать Калмыкамъ ежегодное денежное жалованье, но нѣкоторые Астраханскіе и Царицынскіе воеводы были такъ разсѣянны, что Калмыцкое жалованье удерживали у себя. Бывало и еще хуже. Такъ, однажды вѣхалъ изъ Астрахани въ Москву бояринъ Пвѣнъ Богдановичъ Милославскій съ ратными людьми и *межъ Чернаго Яру и Царицына Калмыцкій улусъ и Калмыцкихъ людей погромилъ, да въ полонъ взялъ 15 человекъ, да онъ же взялъ 50 лошадей и коровъ и барановъ, и то учинилъ умысля съ княземъ Одоевскимъ*. Вслѣдствіе этого немедленно начался со стороны Калмыковъ сильные набѣги. Чаще всего они грабили нашу юго-восточную уграину, приходили на Усмань, Тамбовъ и Бозловъ и *многихъ людей имали и побивали и*

арканами въ яльнъ волочили, отговариваясь передъ царскими гонцами тѣмъ, что царскаго обѣщаннаго жалованья они не получали ¹⁾). И отъ тое непрестанныя войны крестьяне оскудѣли въ конецъ и врознь брѣли. Или же прятались въ нашия крѣпостяхъ, а которые дуростию своею и самовольствомъ медлили и тѣхъ ловили и насильно везли въ крѣпости.

Чтобы прекратить Калмыцкіе набѣги, 6 іюля 1672 года въ ихъ улусы отпавленъ былъ гонцомъ дьякъ Михаилъ Барановъ. Онъ долженъ былъ договориться съ Аюкой—тайшей о *вышномъ докончаніи* и звать его съ попоами въ Астрахань на съѣздъ.

Съ Барановымъ Калмыкамъ послано было щедрое царское жалованье: 10 ведеръ вина, 100 калачей, 5 пудовъ табаку, да *сверхъ окладу 300 рублей и платилую казну*.

Посольство Баранова увѣчалось успѣхомъ. Аюка съ братьями Мамутомъ и Мелюшемъ принялъ его въ своей кибиткѣ, сидя на коврахъ и обруженный многочисленными родственниками, и далъ ему *шертъ* на вѣчное холопство царю и великому князю. *А отъ Крымскаго хана, прибавлялъ Аюка,—мы совсѣмъ отстали и вашихъ украинскихъ городовъ восванъ не будемъ, а будемъ ходить на государскихъ неприятелей, Крымскихъ и Черкасскихъ.*

Астраханскій съѣздъ былъ въ февралѣ 1673 года. Послѣ первыхъ пріѣтствій, обращенныхъ къ царскимъ воеводамъ, Аюка—тайша торжественно и, по видимому, искренно сказалъ: «Дай Господи, великій государь Алексѣй Михайловичъ и благородные царевичи здравы были бѣ на многія лѣта».

Воеводы встали съ своихъ мѣстъ и раскланялись съ Аюкой, который между тѣмъ продолжалъ:

— На враговъ царскаго величества ходить мы готовы, не измѣнять, зла не дѣлать и не мыслить. И на украин-

¹⁾ *Примѣчаніе.* Эти свѣдѣнія заимствованы нами изъ рукописи статскаго совѣтника Василія Бакунина, написанной въ 1761-мъ году. Рукопись хранится въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

ные города не ходить, людей не побивать и въ полонъ не пмать и лошадей не отгонять и ни какихъ задоровъ не чинить.

На эти слова бояринъ Я. Н. Одоевскій отвѣчалъ:

— Твоя, Аюки—тайши, государская служба и радѣнье великому государю будутъ извѣстны и учтетъ государь тебя и Калмыковъ держать въ своемъ государскомъ денежномъ и всякомъ жалованіи.

Переговоры кончились торжественнымъ и клятвеннымъ обѣщаніемъ со стороны русскихъ оборонять Калмыцкіе улусы и настища отъ Башкиръ, Татаръ, всякихъ горскихъ и иныхъ народовъ. А Калмыки съ своей стороны *шертъ учили на вѣчное подданство царю и великому князю и къ шертной записи руки приложили*. И въ доказательство своей покорности Московскому Правительству немедленно и бесплатно возвратили воеводамъ русскихъ полоняниковъ.

Наиболѣе торжественный обрядъ шертной присяги совершилъ самъ Аюка. *За всю Калмыцкую орду, за дѣтей и внучатъ своихъ*, говорится въ статейномъ спискѣ князя Я. Н. Одоевскаго, — *Аюка—тайша по своей Калмыцкой оверъ кланялся богу своему Бурхану и цѣловалъ его и молитвенную книгу и четки, и саблю на голову свою клалъ и къ горлу прикладывалъ*.

Послѣ присяги началась Калмыцкая служба, которую совершалъ старшій Калмыцкій лама. Ламу близъ походнаго хурула съ музыкой встрѣтило многочисленное подчиненное ему духовенство.

Калмыцкіе жрецы изо всей силы били въ мѣдныя тарелки, звонили въ колокольчики разной величины и играли въ большія мѣдныя и малыя серебряныя трубы, они же гремѣли барабанами, дули въ раковины, вертѣли органы и заливались на скрипкахъ. При звукахъ этой оглушающей музыки медленно и важно двигались ко входу въ хурулъ разныхъ ранговъ ламы. На самыхъ знатныхъ изъ нихъ были надѣты нарчевыя и стаметовыя, красныхъ и желтыхъ цвѣ-

товъ, юбки, а на головахъ у нихъ высились шапки съ треухами.

По выходѣ изъ хурула Люка съ знатнѣйшими пойнонами и ламами позванъ былъ воеводами къ столу. Во время пиршества шли рѣчи о Калмыцкой вѣрѣ. Одинъ лама такъ богословствовалъ: «боговъ на свѣтѣ много, а главный изъ нихъ Цой - Джингъ и живетъ онъ на воздухѣ, плоти не имѣеть, во мгновение ока можетъ семь разъ перевернуться вокругъ вселенной. Этотъ-то великій богъ, по молитвамъ ламъ, поселяется въ особѣ Далай—Ламы».

Въ концѣ пира ламы и пойноны развеселились. Самъ Люка—тайша, на котораго особенно усердно налегали гостеприимные воеводы, раскрасился и, очарованный Московскою любезностію, громко и *широковъщательно* началъ выражать свою приверженность къ Царю Алексѣю Михайловичу. На *любительныя* слова Калмыцкаго тайши взялся официально и торжественно отвѣчать самъ князь Одоевскій. Онъ говорилъ тоже, что и тайша, только пространнѣе и такъ сказать *истовѣе*.

— «Дай Господи, говорилъ онъ, государь пашъ царь и великій князь во своихъ великихъ государствахъ превысочайшаго російскаго царствія на многія лѣта здравъ бы былъ и счастенъ и недругамъ своимъ страшенъ, чтобы всѣ великіе государи, христіанскіе и бусурманскіе, приносили достойную почесть Его Царскому Величеству, чтобы его царская рука высплася и имя его славилось отъ моря и до моря и отъ рѣкъ до конецъ вселенныя надъ всѣми недруги его къ чести и повышенію Его Царскаго Величества имени, а къ преславному его царствамъ къ прибавленію и расширенію, чтобы всѣ подъ небеснымъ свѣтомъ Его Царскому Величеству послушны были съ рабскимъ послуженіемъ; и просимъ у Бога, чтобы Его Царскаго Величества прекрасно цвѣтуція и младаумножаемыя вѣтви царскаго изращенія благородное сѣмя и наслѣдіе были бѣ нескончасмы на вѣки безъ урывку. А на насъ бы на рабѣхъ его отъ нучины премудраго Царскаго разума и милостиваго права неоскудныя

рѣки милосердія изливались бы выше прежняго, а виннымъ была бы пощада и долготерпѣніе, и во всѣхъ великихъ его государствахъ всему бы христіанству былъ покой и тишина и благоденство. А наипаче бы Господь Богъ устроилъ святя свои церкви тихи и немятежны и святая вѣра сіяла бы во вселеннѣй превыше всѣхъ вѣръ во вѣки вѣковъ. Амниъ».

Русскіе и Калмыки разѣхались изъ Астрахани, повидимому, искренними друзьями. О Русско-Калмыцкомъ *докончаньи* посланы были въ украинные города указы и *учинены были о томъ заказъ крѣпкій подь смертною казнію*. Князь Одоевскій и Аюка-тайша подписали торговый договоръ, по которому *узусные люди стали пригонять лошадей и всякій домашній скотъ на городъ Тамбовъ, на торгъ*. Изъ этого договора мы видимъ, что нашъ городъ въ концѣ XVII-го столѣтія былъ средоточіемъ мѣнновой Русско-Калмыцкой торговли, чего прежніе наши источники еще не сообщали...

Кончились Астраханскія пиршества. Калмыки, по исконному средне-азиатскому обычаю, быстро успѣли позабыть боярскую хлѣбъ-соль и государево жалованье. Въ ихъ кибиткахъ снова пошли *сумнительныя рѣчи* и снова вся наша юго-восточная Украина озарилась заревомъ отъ многочисленныхъ пожаровъ и огласилась воплями убиваемыхъ Калмыками нашихъ обывателей и побѣдными криками среднеазиатскихъ хищниковъ... Это видно изъ статейнаго списка *дыка и стряпчаго Кузьмы Истровича Козлова*, который въ 1675-мъ году былъ посланъ изъ Москвы гонцомъ къ Аюкѣ—тайшѣ. Отъ царскаго имени Козловъ уговаривалъ Калмыковъ идти всѣми узусами на Крымъ и подь Азовъ, сообщая Гребенскими казаками и Донскими атаманами, *для промыслу, поиску и ризоренья*. Въѣсть съ тѣмъ онъ же напоминалъ тайшѣ и ноюнамъ: «ваши тайшины Калмыки, собрався человекъ по сту и по двѣ и больши, подбѣгаютъ подь Его Царскаго Величества украинные города и воруютъ, городки, села и деревни разоряютъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ и пашенныхъ людей рѣжутъ и въ полонъ берутъ и табуны отгоняютъ многіе. И ты бы Аюка-тайша тѣхъ воровъ

сыскавъ велѣлъ казнить смертію, чтобъ воровать имъ было неповадно».

Козловъ пріѣхалъ въ улусы съ царскими подарками. Онъ привезъ туда 105 рублей, красный кумачный шатеръ, соболей на 50 рублей, всякихъ *нствъ и питій и въ грамотѣ царское милостивое слово*. Возвращаясь въ Москву, онъ ѣхалъ на Царицынъ, Саратовъ, Тамбовъ и Козловъ и дорогою передавалъ нашимъ украиннымъ воеводамъ царскій приказъ дѣйствовать заодно съ Калмыками. Вслѣдъ за Козловымъ по тому же тракту прослѣдовалъ къ Московскому двору Калмыцкій гонецъ Эркай. Съ нимъ была многочисленная свита: однихъ кашеваровъ было 18 человекъ; и вся эта толпа щедро кормилась на царскій счетъ и вѣроятно высматривала тѣ пути, по которымъ въ слѣдующій набѣздъ удобнѣе было бы напасть на наши стенины поселки; укрѣпленные слабыми деревянными *надолобами*.

Гонецъ Эркай допущенъ былъ къ Царю и говорилъ ему отъ имени Аюки такія рѣчи: «великій государь, буди здравъ на многія лѣта, а я тебѣ великому государю заслужу, какъ укажешь; только ты, великій государь царь, пожалуй меня, пришли мнѣ 100 рублей денегъ да лисицу черную, да 100 жемчужинъ, крестовъ, пороху и свинцу».

Калмыцкая просьба выслушана была благосклонно. Въ Калмыцкіе улусы снова посланы были дворнио Приклонскій, Климовъ и Черниковъ и толмачъ Кучумовъ. Безполезные переговоры все затягивались. Калмыки забирали у гонцовъ всякую рухлядь: бархатныя шапки, сафьянные сапоги, камчатные кафтаны, бѣльчьи шубы и, вмѣсто благодарности за это, при первомъ удобномъ случаѣ снова грабили русскихъ. Судя по воеводскимъ и боярскимъ *отпискамъ*, Калмыки болѣе или менѣе свободно грабили во всемъ обширномъ районѣ нынѣшнихъ губерній Пензенской, Саратовской, Астраханской, Воронежской и Тамбовской. Чаще всего на эту тему писали въ Москву Тамбовскіе воеводы Яковъ Хитровъ и князь Петръ Хованскій, Ломовскій воевода Камынинъ, Воронежскій - Бухвостовъ и вообще всѣ воеводы по

черть. «Деревянные наши крѣпости жаловались они,—тѣ Калмыки посѣгли, порубили и пожгли».

14, 15 и 16 августа 1675 года былъ особенно сильный Калмыцкій набѣгъ на окрестности города Козлова. Въ это время всѣ караулы по *Козловской черть* были вырѣзаны, пашенные брестьяне съ женами и дѣтьми взяты въ плѣны и уведены за Волгу, домашній скоть или угнанъ или истребленъ, а сельскія и деревенскія постройки до тла сожжены. Объ этомъ далъ знать въ Козловъ воеводѣ Пашкову прибѣжавшій туда 17 августа *понтъ Теодоръ*, который и самъ едва едва спасся отъ разбойниковъ, между тѣмъ какъ семью его полонили, а имущество до чиста разграбили. Козловскій воевода наскоро собралъ своихъ стрѣльцовъ и казаковъ и погнался въ стени за Калмыками, но ихъ уже и слѣдъ простылъ...

Надобно замѣтить, что Калмыцкая Торгоутская орда представляла въ гостепрѣмной для нея Россіи весьма странное явленіе. Она считалась въ Московскомъ подданствѣ и ея тайши именовались царскими вѣрными слугами и холопами, и она же нерѣдко бывала, какъ мы говорили, какъ бы воюющею странюю, съ которою Московскіе дипломаты договаривались, руководствуясь инструкціями изъ посольскаго приказа... Такое неопредѣленное положеніе, свидѣтельствующее о слабости внѣшней Московской политики XVII вѣка, особенно тяжело отзывалось на нашей обширной юго-восточной украинѣ...

Въ царствованіе Теодора Алексѣевича Астраханскій воевода князь Константинъ Осиповичъ Щербатовъ снова устроилъ Калмыцко-Русскій дипломатическій сѣздъ. При этомъ Калмыки обязались *принимать Московскихъ посильщиковъ съ великою честію, вставъ и слызъ шанку*. Впрочемъ, дружба наша съ Азіатскими кочевниками, по обыкновенію, продолжалась недолго. Въ 1678 году Калмыки ходили заодно съ Русскими полками въ количествѣ трехъ тысячъ всадниковъ подъ Чигиринъ, а въ 1681—82 и 83 гг. Аюка—тайша, соединившись съ Татарами и Башкирами, громилъ

опять наши украинныя поселенія: Тамбовскія, Саратовскія, Казанскія, Уфимскія и Воронежскія, и все по пути жегъ, Русскихъ людей въ полонъ бралъ, домашнюю скотину и лошадинныя табуны отгонялъ, и отрѣзалъ отъ Москвы Астрахань. Въ это время на Балмыцкую орду ходило все Донское войско и въ 1684 году принудило ее къ миру. Мирный договоръ заключилъ князь Иванъ Андреевичъ Голицынъ.

Настоящее умиротвореніе Калмыковъ совершилось при Петрѣ Великомъ. Въ 1696 году Аюка—тайша, по царскому указу, ходилъ съ тремя тысячами всадниковъ подъ Азовъ. Въ 1705 году онъ же помогалъ Борису Петровичу Шереметьеву усмирять извѣстный Астраханскій бунтъ. Въ 1708 году Калмыки пошли было на Шведовъ и Банкирцевъ, но раздумали: отчасти присоединились къ бунтовщикамъ, отчасти вернулись въ улусы и дорогой захватили много плѣнныхъ, Измѣническая политика Калмыковъ съ особенною рѣзкостію обнаружилась при усмирении Булавинскаго движенія. Только спуску за это имъ не было; Петръ 1-й не любилъ своевольниковъ и улусы Калмыцкіе разорялъ, плѣнныхъ освободилъ и *никогда* смирилъ орду. Съ этого времени Калмыки разбойничали только мелкими партіями и для нашей украины уже не представляли никакой серьезной опасности. Случалось, въ ихъ улусахъ бывали голодовки. Тогда они толпами шли на Тамбовъ... Продавать дѣтей въ рабство, или же креститься... Вотъ почему въ прошломъ столѣтїи наиболѣе богатые и прихотливые наши помѣщики непремѣнно въ дворовой своей свитѣ имѣли Калмыковъ и Калмычатъ. И вотъ почему мѣстный великорусскій тишь такъ сильно поражаетъ иногда Монгольскими чертами.

Въ настоящее время Калмыцкая орда, когда-то столь грозная, скромно и совершенно певнино обитаетъ въ предѣлахъ Астраханской губерніи и земли Донскаго войска, привлекая вниманіе своихъ Русскихъ сосѣдей исключительно этнографическою и религіозною оригинальностію, да изумительнымъ богатствомъ Тибетскихъ церковно-Богослужбныхъ книгъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ по нашимъ пустырямъ носилсь хищныя Казмыцкія ватаги, много пронеслось годовъ, принесшихъ отечеству не мало и счастья и бездоля; измѣнились условія жизни; надъ тучными нивами Тамбовскими лишь облака небесныя, да вольныя залетныя птицы, да русская пѣсня удалая носится; мирно пахарь нашъ и всякій иной обыватель дѣлаетъ свое дѣло, и тѣмъ пріятнѣе вспомнить намъ давноминувшую бранную тревогу, какъ путнику тѣмъ радостиѣ послѣ бури понасть въ уютный и теплый уголокъ.

Переходимъ къ вопросу о Булавинскомъ движеніи.

III.

Булавинское движеніе въ Тамбовскихъ предѣлахъ.

1708-й годъ, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ къ числу самыхъ политически-смутныхъ и вообще тяжелыхъ для Тамбовскаго народонаселенія эпохъ. То было время, когда по всему Донскому и отчасти Цнинскому бассейну на всей Казацкой волѣ буйствовали удалые Булавицы. Волею и неволею шли за ними и наши Тамбовскіе, Козловскіе, Усманскіе, Борисоглѣбскіе и иные степняки, покидая свои привольныя нивы, своихъ женъ и дѣтей, свои бревенчатые *изъ облаго лѣсу жилья, животы и худобу...* Шли они, оти слѣпые и подневольные люди, за счастье—за волей и разными угодами, а находили замѣсто того и чаще всего свою гибель: то въ широкомъ полѣ, въ бою съ царскими служилыми людьми, складывали они свои буйныя и неразумныя головы, то въ разныхъ застѣнкахъ среди лютыхъ мукъ суроваго XVIII-го вѣка расплачивались они за свои ошибки, за умственно-нравственную незрѣлость свою,— и приносили кровавую дань суровому вѣку...

Память объ этихъ грозныхъ временахъ, забытая нашими современниками, живо однако сохраняется въ нѣкоторыхъ столичныхъ государственныхъ архивныхъ хранилищахъ, между прочимъ и въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Мы пользовались документами этого послѣдняго учрежденія, именно воеводскими *доношеніями изъ разряду въ ближнюю канцелярью*. И вотъ результаты нашей работы, проливающіе нѣкоторый свѣтъ на былую тяжкую долю нашихъ предковъ—Тамбовцевъ, какъ видно—не вдругъ основанныхъ съ суровыми Московскими порядками и съ воз-

дѣлсіемъ помышлявшихъ о казацкихъ общинныхъ обычаяхъ и о народно-земской волѣ.

Бъ осени 1707-го года въ Донской землѣ скопилось множество бѣглыхъ *голутовенныхъ* людей, которые въ казацкихъ необозримыхъ стѣняхъ и подъ защитою казацкихъ вольныхъ обычаевъ искали полнаго простора, котораго не давалъ имъ суровый царь—преобразователь, донная свою землю рекрутчиной, даровой работой и усиленною податью... Эти бѣглецы по степени своего умственнаго развитія и по самому своему нравственному складу никакъ не могли проникнуть въ великіе царскіе замыслы, идеальная и государственная сторона которыхъ совершенно и непосредственно закрывалась для нихъ крайне суровою дѣйствительностію. Для поимки бѣглецовъ царь Петръ Алексѣевичъ отправилъ на Донъ князя Юрія Владиміровича Долгорукаго, который, угождая суровому своему повелителю, сталъ дѣйствовать слишкомъ быстро и рѣшительно. И вотъ вся казацкая земля, давно уже недовольная Москвою, по всему бассейну *тихого* Дона заволновалась. Удалые станичники угрюмо сравнивали прежнюю волю свою съ тогдашнею неволею и потихоньку сговаривались при случаѣ постоять за давнюю казацкую привилегію—принимать къ себѣ невозбранно всякихъ бѣглыхъ людей, государевыхъ и вотчинныхъ. Сигналъ къ открытому мятежу поданъ былъ Бахмутскимъ атаманомъ Кондратіемъ Афанасьевымъ Булавинымъ, у котораго дѣятельнѣйшими помощниками были слѣдующіе казаки: Игнатій Некрасовъ, Лука Хохлачъ, Семенъ Драный и Сергѣй Безналый. 9-го октября 1707-го года Бахмутская казацкая ватага съ самимъ Булавинымъ во главѣ напала на Долгорукаго и истребила весь его отрядъ и его самого. Съ этого времени мятежъ быстрѣе и быстрѣе сталъ распространяться во всѣ стороны, захватывая теченіе средней и нижней Волги, Нижней Оки, Днѣпра, Десны, Самары, Медвѣдницы, Бузулука, Хопра, Воронежя, Вороны и Цны. Мятежники проникли далеко на сѣверъ и *межъ Кинешми и Юрьевца Новоиского стали многолюдствомъ и проъзду не дава-*

ли. И близъ Нижняго на струахъ промышленниковъ и цѣловальниковъ били и отъ такого воровства государевы рыбныя промыслы остановились. Нижегородскіе воеводы поэтому совершенно справедливо опасались, какъ бы не было такого бунту, какъ и въ прошлыхъ годахъ, при *Стенькѣ Разинѣ*. Въ веснѣ 1708-го года Булавинъ на столько окрѣпъ, что рѣшился открыто напасть на самого Черкаскаго атамана Лукьяна Максимова, у котораго отнялъ царскую казну, нарядъ и зелье, при чемъ многіе дотогѣ вѣрные Петру казаки *добровольно* перешли на сторону иятежниковъ. Это было 8-го апрѣля. А 1-го мая Булавины штурмовали уже городъ Черкасскъ, взяли его, атаману и старшинамъ Черкасскимъ отсѣкли головы и всѣхъ Черкасцевъ принудили присягнуть себѣ («привели къ вѣрѣ»). Въ это время подъ начальствомъ Булавина въ строю было 15,000 человекъ. Такимъ образомъ положеніе дѣлъ на нашей юго-восточной окраинѣ становилось слишкомъ серьезнымъ и грознымъ. Затрудненія усложнялись еще только что потухавшимъ Башкирскимъ возстаніемъ и надвигавшеюся съ запада изъ Польши Шведскою грозою... Было надъ чѣмъ призадуматься Петру Алексѣевичу, но тѣмъ сильнѣе возбуждалась необыкновенная энергія нашего царя—работника, выросившаго свою имперію среди бѣдъ и затрудненій, почти непобѣдимыхъ.

Въ мартѣ 1708-го года казацкое движеніе настолько захватило Тамбовскую провинцію, что съ трудомъ поддерживались сношенія Тамбовскаго воеводы Данилова съ Козловскимъ воеводою княземъ Григоріемъ Волконскимъ. Жители нашихъ городовъ со страхомъ ожидали казацкаго нашествія, потому что мѣстнымъ воеводамъ лазутчики дали знать о намѣреніи Булавина *во многолюдствѣ придти подъ Тамбовъ и Козловъ для разоренія*. А между тѣмъ въ Тамбовѣ войска было только 100 человекъ; не болѣе того было вѣроятно и въ Козловѣ; правительственная помощь по Московскому обычаю замедлялась; большинство городскихъ и посадскихъ жителей возбуждало сомнѣніе въ

ихъ политической благонадежности, и *многие Тамбовцы и Козловцы*, по словамъ Григорія Ивановича Волконскаго, *склонились къ воровской прелести*, стали на переправахъ и проѣздахъ и ловили царскихъ людей.

Въ ожиданіи Булавинскаго нападенія князь Волконскій сдѣлалъ въ Козловѣ войску и жителямъ смотрѣ и вотъ что писалъ онъ внослѣдствіи по этому поводу въ ближнюю канцелярію: «Козловцевъ служилыхъ всякихъ чиновъ людей я собралъ и началъ смотрѣть, при которомъ смотрѣ изъ нихъ явилось старухъ и страшныхъ и въ осадное сидѣнье негодныхъ многое число, а въ службу годныхъ явилось немногое число и безоружны; а хотя ружье и будетъ имъ роздано и они тѣмъ ружьемъ владѣть и палить безъ науки не умѣютъ и за тѣмъ въ отпорѣ будетъ остановка»¹⁾.

Въ апрѣлѣ Тамбовско-Козловская тревога усилилась вслѣдствіе новыхъ угрожающихъ слуховъ съ береговъ Дона. Козловскіе лазутчики доносили своему воеводѣ, что *воръ Булавинъ, собрався въ пристанскомъ городкѣ въ нѣсколькихъ тысячахъ, сухимъ путемъ и водою пошелъ на Черкасскъ и Азовъ*. Съ нимъ, по словамъ тѣхъ же лазутчиковъ, были Хоперскіе, Бузулуцкіе, Медвѣдницкіе и иные казаки, и кромѣ того бурлаки, Тамбовцы и всѣ казенные судорабочіе Донскаго бассейна. На Тамбовскихъ и Козловскихъ площадяхъ толпами сталъ собираться народъ и отъ разныхъ заѣзжихъ людей охотно выслушивалъ между прочимъ такія новости: «Кондратій Афанасьевичъ скоро пойдетъ до самой Москвы и во всѣхъ російскихъ городахъ выведетъ бояръ, прибыльщиковъ и нѣмцевъ».

Другіе къ этому прибавляли: «Теперь по атаманскому приказу земли намъ не пахать и хлѣба на государеву казну не сѣять, нигуда не отлучаться и ждать перемирья».

Охотно выслушивались толпою и извѣстныя Астрахан-

¹⁾ Для обученія Козловцевъ военному искусству князь Волконскій требовалъ изъ Москвы старыхъ служилыхъ людей *человѣкъ съ 30*, а для починки пороченнаго оружія вызывалъ изъ Тулы пятерыхъ слесарей и двухъ станочниковъ.

скія бредни Стеньки Москвитянина: «царь у насъ теперь подиѣнный, перемѣнилъ вѣру, носитъ нѣмецкое платье и велитъ брить бороды».

Въ это же время по нашимъ городамъ и селеніямъ читались подметныя Булавинскія письма слѣдующаго страннаго содержанія: «атаманы молодцы, голь кабацкая, голытба непокрытая, дорожные охотнички и всякіе черные люди! Кто похочетъ съ атаманомъ со Кондратьемъ Афанасьевичемъ погулять, по чисту полю красно походить, сладко попить-поѣсть, на добрыхъ коняхъ поѣздить, то приѣзжайте на вершины Самарскія. Да худымъ людямъ, и князьямъ, и боярамъ и нѣмцамъ за ихъ злое дѣло не спущайте, а своихъ людей, посадскихъ и торговыхъ, не троньте, а буде кто напрасно станеть кого обижать, и тому чинитъ смертную казнь».

Такимъ образомъ въ нашихъ краяхъ повторялась Разновщина и предназначалась Пугачевщина: тѣ же дѣятели, тѣ же побужденія къ бунту, средства и цѣли, и таже первоначальная правительственная вялость въ подавленіи мятежа... Тогда, подъ вліяніемъ разныхъ слуховъ и подметныхъ писемъ, почти во всѣхъ селахъ Тамбовской провинціи жители назвались казаками, выбрали своихъ атамановъ и есауловъ и ежедневно стали собираться *въ круги* для обсуждения разныхъ благопріятныхъ Булавину мѣропріятій. Дерзость Булавинцевъ въ Козловѣ и его уѣздѣ выразилась между прочимъ въ томъ, что Донской казакъ Зишовей Борыбинъ *многихъ Козловцевъ склонилъ въ злое согласіе и къ вѣрѣ привелъ и выбралъ атамана изъ Козловцевъ же*. Слѣдовательно въ городѣ Козловѣ, рядомъ съ представителемъ царской власти, уживался, конечно тайно, и Булавинскій представитель, дѣятельность котораго, судя по нашимъ документамъ, выражалась главнымъ образомъ въ заготовленіи для мятежниковъ *стрѣльнаго и огненнаго оружія* и въ возбужденіи и поддержаніи возстанія. Этимъ другимъ Козловскимъ начальникомъ былъ нѣкто казакъ Скрылевъ. Полномочія его простиралась на весь Козловскій

уѣздъ и держали весь мирный народъ въ значительномъ страхѣ.

Въ описываемое нами время въ Тамбовскомъ уѣздѣ были *государевы драгунскіе дворы*, на которыхъ разводились табупы породистыхъ лошадей для дворцовыхъ и военныхъ потребностей. И всѣ они сдѣлались *воровскою* добычею. Похитителемъ царскихъ табуновъ былъ извѣстный Лука Хохлачъ, который до возстанія служилъ царю въ званіи атамана Бузулуцкаго и Островскаго городка. Въ мартѣ и апрѣлѣ 1708-го года этотъ мятежникъ съ летучею стапницею въ 300 человекъ наводилъ ужасъ на всѣ села по Цѣ съ притоками и по Битюку: «всѣ тѣ селенія, говорится въ отпискахъ князя Волконскаго, тотъ воръ Лука Хохлачъ разорялъ и онъ же сжегъ всѣ казенные корабельные припасы, и кто казался ему Хохлачу подозрительнымъ, тѣхъ онъ приказывалъ *перемавъ сажать въ воду*». Это обстоятельство, что казачья станица въ 300 человекъ наводила ужасъ на нѣсколько уѣздовъ, объясняется конечно тѣмъ, что у Булавищевъ въ нашемъ краѣ вездѣ были болѣе или менѣе явные и усердные единомышленники. 16-го апрѣля 1708-го года князь Волконскій писалъ князю Меньшикову («свѣтлѣйшему римскаго и россійскаго государствъ князю Ижорскому, и генеральному губернатору надъ провинціями Ингрією и Эстляндією, Его Царскаго Величества государственныхъ тайныхъ дѣлъ министру, и генералу главному надъ всею кавалерією, кавалеру и подполковнику Преображенскаго регименту, и капитану компаніи бомбардирской отъ первѣйшей гвардіи, и полковнику надъ двумя конными и надъ двумя пѣшими полками—А. Д. Меньшикову»): «марта въ 30-ое число пришли на Бетюкъ воровскіе люди съ Хопра, сказываются Донскіе казаки, человекъ съ 200 и воеводу Федора Тинкова и попа и подъячпхъ и иныхъ многихъ Бетюцкихъ жителей разграбили и воеводу держутъ скована и волостныхъ людей къ себѣ призываютъ и хотятъ воеводу на градскихъ вратахъ повѣспить; и многіе бурлаки къ тѣмъ ворами пристали, которымъ они ружья и лошади дали; а *Бетюцкаго бурмистра*

въ томъ городѣ пыляли, привязавъ къ двумъ лошадямъ къ хвостамъ волочили сквозь окно». Даже въ самомъ Тамбовѣ многіе посадскіе жители не слушались воеводы Данилова: въ крѣпость не шли, молебнаго пѣнія о дарованіи царю побѣды слушать не хотѣли и не скрываясь выражали удовольствіе по поводу Булавинскихъ успѣховъ... Въ такомъ положеніи дѣла были у насъ въ теченіе всего марта и до конца апрѣля.

Всеобщая паника въ нашемъ краѣ была причиною того, что поставка казеннаго провіанта съ Козловскихъ и Тамбовскихъ обывателей въ количествѣ 10,844 четвертей ржи, муки и крупъ, назначенная въ Азовъ и Воронежъ на 13-ое апрѣля, не состоялась и *того окладнаго и запроснаго провіанта съ двѣнадцати тысячъ пяти сотъ сорока четьрехъ Тамбовскихъ и Козловскихъ дворовъ ничего не явилось*. Отъ этого царскіе служилые люди терпѣли голодъ и оборона нашего края ослабѣвала и замедлялась. Въ то же время Воронежскій вице-губернаторъ Степанъ Колычовъ, подъ начальствомъ котораго состояли всѣ воеводы Тамбовской провинціи, такъ перепугался по поводу Булавинскихъ успѣховъ, что съ цѣлымъ пѣхотнымъ полкомъ заперся въ городѣ Воронежѣ, *якобы для охраненія кораблей*. «Воръ Кондраки Булавицъ, отписывался онъ впоследствии, — во многочисленномъ людствѣ имѣеть воровскую свою станцію въ устьѣ рѣки Хопра, и тѣмъ кораблямъ, которые определены въ Азовъ, есть многое опасеніе, чтобъ надъ ними тѣ воры какой шкоды не учинили». На этомъ основаніи Степанъ Колычовъ *ограничился самымъ тѣснымъ сидѣньемъ* и до самаго конца Булавинскаго бунта какъ бы не существовалъ для края. А Булавицамъ то и надо было, и они съ малыми силами свободно хозяйничали въ Воронежской провинціи, кстаті набѣгая и въ Тамбовскіе предѣлы. Такъ 30-го марта въ село Бобровское пріѣхали Булавицы въ количествѣ ста человекъ и *великаго государя денежную казну и лошадей разграбили, и всякія приказныя письма изодрали, и кабацкаго голову пытали, и многіе дома ра-*

зоряли, и колодниковъ распустили, а иныхъ взяли съ собою. По окончаніи грабежа, мятежники вспомнили про Бобровскаго атамана Лукьяна Михайловича и были его смертными босми и оставили едова жива. И въ то время Тамбовскій крестьянинъ Романъ Желтопятый такъ говорилъ ворамъ.

— Для чего вы измѣнниковъ не убиваете, и буде дадите мнѣ хотя рубль и я многихъ убью до смерти...

Атаманъ Булавинъ прибылъ къ устью Хопра въ самое вербное воскресенье. Въ то время всѣ Хоперскіе и Бузулуцкіе и Медвѣдницкіе городки передались на его сторону и изъ каждаго городка, станицы и села тѣхъ мѣсть половина жителей шла за атаманскимъ войскомъ, а другая половина оставалась дома. Такимъ образомъ опасность постепенно увеличивалась и все ближе и ближе подходили къ Тамбову и Козлову. Оставшіеся вѣрными правительству жители названныхъ городовъ съ нетерпѣніемъ ожидали царской военной помощи, но вмѣсто того отъ 14-го апрѣля получили слѣдующій приговоръ изъ ближней канцеляріи: «имѣйте отъ воровъ опасеніе и осторожность и промыслъ надъ ними чините, а сами къ тѣмъ ворами не приставайте и на ихъ прелести не склоняйтесь, а буде которые жители къ воровству пристанутъ, и тѣмъ за то учинена будетъ смертная казнь». И грамоты отъ царскаго имени въ Тамбовской провинціи читали такого же содержанія: «и вы бѣ (жители) къ тому воровству не склонялись и о сохраненіи отъ тѣхъ бунтовщиковъ указъ нашъ учиняли бѣ и тамошнія мѣста до нищяго разоренія не допустили бѣ». Уже въ концѣ апрѣля изъ Москвы тронулись съ великимъ поспѣшностію къ Тамбову и Козлову два отряда: Стенана Бахметева и Ефима Гулица. Въ то же время дѣятельное участіе въ подавленіи мятежа приняли—бригадиръ Шидловскій и полковникъ Тевяшевъ. Но рѣшительное и быстрое усмиреніе Булавинскаго мятежа началось только тогда, когда на Украину прибылъ царскій уполномоченный, гвардіи подполковникъ, князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, братъ убитаго Булавиннымъ князя Юрія. 28-го апрѣля царь писалъ Долгорукому:

«Понеже нужда есть нынѣ на украинѣ доброму командиру быть и того ради приказываю тебѣ опую команду. По полученіи сего письма тотчасъ поѣзжай къ Москвѣ и оттоль на Украину, гдѣ обрѣтается Бахметевъ, а кому съ тобою быть, о томъ посылается роспись».

Тогда же во всё украинные города разосланы были грамоты царевича Алексѣя Петровича о томъ, чтобы всё *тамниіе воеводы во всемъ послушны были князю Долгорукому и отправляли бз оное дѣло не мыкавъ и томъ оги зарань утушили бз*. Всѣхъ войскъ въ распоряженіи князя Долгорукаго дано было около 20.000 человекъ *другуизъ, черкасовъ, куминейцевъ, людей полковой службы, црредворцевъ, Москвичей и городовыхъ*. И прежде чѣмъ явились въ нашемъ краѣ правительственныя войска, мѣстные жители по однимъ грознымъ Московскимъ слухамъ попомногу стали смириться и явиться съ повинными къ властямъ.

2-го мая къ князю Волконскому въ Козловъ *прибѣжали* Борисоглѣбскіе подъячіе Василій Протопоповъ, Иванъ Томилинь, Прокофій Польшинъ, Константинъ Жильцовъ и крестьянинъ Филимоновъ.

«На шестой недѣлѣ великаго поста, сказывали они,— пріѣзжали отъ вора и бунтовщика Булавиша въ Борисоглѣбской Хонерскаго городка попъ Алексѣй со многими ворами и Борисоглѣбскихъ жителей наговаривали; и тѣ воры всѣхъ колодниковъ распустили и государевъ порохъ весь за городъ вынесли».

Князь Волконскій сталъ выговаривать имъ: для чего де Борисоглѣбцы противъ тѣхъ поровъ не постояли... И они вновь говорили Козловскому восводѣ:

«Подъячій Катасоновъ останавливалъ злодѣевъ и его многожды билъ, и онъ ушедъ въ городъ ударилъ въ набать и по тому набату градскіе жители никто къ нему не пошолъ и отбивать егѧ не стали».

Въ великую субботу Булавишцы снова пріѣхали въ Борисоглѣбскъ, собрали всѣхъ жителей и велѣли имъ выби-

рать себя атамана и есауловъ. *А въ полковники по нѣвольнѣ выбрали подъячю Катасонова.*

«И приводили всѣхъ насъ, говорили Борисоглѣбскіе бѣглецы, — къ вѣрѣ, чтобы служить намъ Булавину вѣрно, и во всѣхъ селеніяхъ Борисоглѣбскаго уѣзда они жъ вору выбрали атамановъ, и послѣ ихъ воровскаго съѣзду были у всѣхъ Борисоглѣбскихъ жителей круги по вся дни, чтобы итти съ Булавинымъ заодно».

На Оумной недѣлѣ въ Борисоглѣбскѣ прискакалъ гонецъ съ письмомъ къ мѣстному атаману отъ Луки Хохлача: велѣно было половинѣ Борисоглѣбцевъ идти за ворами въ походъ на Витюгъ противъ государевыхъ полковъ. И Борисоглѣбскіе жители *воровскихъ прелестей послушались*. А непослушныхъ атаманы *безъ мотчанья сажали въ воду*.

Вышеназванные подъячіе тоже пошли противъ царскаго войска, по 28-го апрѣля убѣжали *тайнымъ обычаемъ* изъ мятежнаго лагеря близъ деревни Токая и, какъ мы сказали, явился къ Козловскому воеводѣ князю Григорію Волконскому съ повинною.

— Воръ Булавинъ и его единомышленники, откровенно показывали наши раскаявшіеся бѣглецы, — *дѣло свое починили якобы для льготы маломочныхъ людей, и въ томъ явилось у насъ сумнѣе...*

Это сумнѣе явилось главнымъ образомъ потому, что Булавины, слѣдуя Разинскимъ традиціямъ, не давали ходу всѣмъ торговымъ людямъ *и товары ихъ грабили безъ остатку*, причѣмъ нѣрѣдко слишкомъ сурово и безпardonно обращались и съ самою жизнью торговцевъ. Вслѣдствіе этого народная масса научалась видѣть въ приверженцахъ Кондратія Булавина не политическихъ дѣятелей и не социальныхъ реформаторовъ, а обыкновенныхъ *добрыхъ молодцевъ* придорожнаго характера.

Въ Булавинскихъ разбояхъ нѣрѣдко принимали участіе и лица духовнаго званія. Мы уже указывали *на попа Алексию*, который овладѣлъ Борисоглѣбскомъ и жителей его склонилъ къ мятежу; теперь указываемъ еще на *Азовскаго чер-*

нца, имя котораго въ нашихъ документахъ не значится. Между тѣмъ безымянный Азовскій чернецъ, между Булавинскими атаманами былъ лицомъ не мало важнымъ, онъ былъ товарищемъ извѣстнаго Семена Дранаго и предводительствовалъ ватагою въ тысячу человѣкъ. Впослѣдствіи бригадиръ Шидловскій такъ доносилъ о подвигахъ нашего чернца: «отъ него въ народѣ слабость росла часъ отъ часу иной же чернецъ разорилъ Ямболь и всѣ Ямбольцы къ тѣмъ ворамъ пристали и пошли съ ними подъ Маяки»...

Участіе духовныхъ лицъ въ Булавинскомъ движеніи, безъ всякаго сомнѣнія, объясняется какъ преждею бытовою и нравственною близостію духовенства къ народу, такъ еще болѣе тѣмъ, что изображаемые нами факты не чужды были религіознаго характера, т. е. Донцы и ихъ приверженцы, въ томъ числѣ и наши Тамбовцы, сильно проникнуты были старобрядческими тенденціями и посредствомъ борьбы надѣялись дать имъ торжество.

Все это наводитъ насъ на мысль, что расколъ есть явленіе во всякомъ случаѣ совершенно національное, требующее особеннаго вниманія и разсудительнаго снисхожденія.

Какъ во времена Разина и Пугачева, и при Булавинѣ мятежники не чуждались породческой помощи, Калмыцкой и Татарской. Такъ, 2-го мая въ деревню Ураеву, Валуйскаго уѣзда, во многомъ числѣ приехали Булавинцы съ Калмыками и Татарами, со знаменемъ; и той деревнѣ жителей пограбили и били смертнымъ боемъ, и конскія стада отогнали, и провѣдывали про войско государево, гдѣ и сколько, и прельщали народъ страхомъ и ласкою къ вору Булавину, сманивая всѣхъ идти подъ Черкасскъ...

Къ половинѣ мая 1708-го года правительственная побѣда стала несомнѣнною. Наша украиня противъ Булавина стояла во всеоружіи. Царевичъ Алексѣй Петровичъ выполнилъ свои нинтендантскія обязанности относительно войскъ князя Василя Долгорукаго вполне исправно. Онъ быстро снабдилъ ихъ порохомъ и свинцомъ, деньгами, канцелярскими принадлежностями, аптекою и врачами, священниками и походною цер-

ковію, дьяками, сторожами и мастеровыми, какъ это видно изъ донесенія князя Долгорукаго въ *разрядъ* отъ 14-го мая, изъ Воронежа.

«Изъ монастырскаго приказа, по царевичеву указу, писалъ онъ, попы съ церковною утварью въ полкъ ко мнѣ посланы; изъ суднаго приказа дьяки съ сторожами тожь посланы; изъ провіантскаго и адмиралтейскаго приказа провіантъ весь посланъ: будары, пушки, порохъ, свинець, ружья и пушкари; изъ аптекарской палаты лѣкаря съ лѣкарствами отпущены, да изъ оружейной палаты дано 40 знаменъ.»

Напрасно Булавинъ усиленно началъ разсылать *прелестныя* письма и обѣщать каждому человѣку за приходъ къ нему *по 10-ти рублей на мѣсяцъ*. Такая щедрая приманка дѣйствовала на немногихъ, преимущественно на запорожцевъ и бѣглыхъ солдатъ, которые уходили изъ своихъ пограничныхъ полковъ цѣлыми десятками. Но перебѣжчиковъ ловили и со всѣхъ сторонъ дружно сокрушали мятежъ: съ юга начали дѣйствовать противъ Булавинцевъ, гетманъ И. С. Мазепа и Кіевскій губернаторъ Д. М. князь Голицынъ, съ востока Казанскій комендантъ Бударцевъ и бояринъ князь Хованскій, съ сѣвера и запада князь Долгорукій съ подручниками. Когда же въ окрестностяхъ Тамбова князь Долгорукій разбилъ ватагу Луки Хохлача, стоявшаго подъ Тамбовомъ *болѣе десятихъ дней*, то Булавинское дѣло разомъ остановилось и окончательное его уничтоженіе явилось вопросомъ времени.

Въ началѣ іюня въ борьбу съ возставшимъ казачествомъ вступилъ самъ *свѣтлѣйшій* и изъ Ижорской канцеляріи сталъ разсылать царскіе указы восводамъ, полководцамъ и *въ разрядъ*. Вмѣстительство ближайшаго царскаго сотрудника сразу обнаружилось всегда отличавшею его дѣловитостью и хозяйственностью. Между всѣми городами юго-восточной Россіи, находившимися въ районѣ возстанія, князь Меньшиковъ учредилъ правильную правительственную почту. На всѣхъ переправахъ и проѣздахъ между Дономъ и Волгой поставлены были сильные караулы. *Для земляного и ка-*

меннаго строенія въ Казань и на Волгу вызванъ былъ извѣстный крестьянинъ Посошковъ, который и эту царскую службу исправилъ по обычаю быстро и дѣльно, не хуже любаго инженер-пѣмца. Донцамъ и Балмыгамъ отосланы были безъ *мончанья* обычныя годовыя деньги: 7865 рублей, да множество пороху, свинцу, хлѣба, вина ¹⁾). Нѣкоторыя команды, поколебавшіяся въ вѣрности правительству, примѣрно и жестоко были наказаны: третьяго солдата казнили передъ товарищами, двухъ были плетью и ссылали на каторгу... Недорослей, укрывавшихся отъ службы во *многомъ числѣ*, стали *сыскивать съ большимъ поспѣшнѣемъ*; все это дѣлалось вслѣдствіе *повелительнаго письма* князя А. Д. Меншикова. Въ это время и самъ царь напряженно сталъ слѣдить за событіями на нашемъ юго-востоку. Въ этихъ видахъ онъ получалъ отъ всѣхъ воеводъ Приволжскихъ и Придонскихъ *ежедневныя ведомости*.

15-го іюня князь П. И. Хованскій писалъ царю, что Башкирцы совершенно повинились. «Начальнѣйшій Кучумъ-батырь, писалъ онъ, — и другіе набольшіе Башкирцы въ винахъ своихъ добили великому государю челомъ и въ вѣрной своей службѣ куранъ цѣловали и нынѣ за тѣмъ кураннымъ цѣлованіемъ у тѣхъ Башкирцевъ шатости не слышно». Это обстоятельство еще болѣе развизало руки Московскому правительству и содѣйствовало окончательному пораженію мятежа. Впрочемъ около того же времени и иныя не столь утѣшительныя вѣсти сообщалъ правительству изъ Кіева князь Голицынъ. «Мая 29-го, писалъ онъ, Сумскій полковникъ сталъ въ урочищѣ у рѣчки Уразовой и іюня противъ 8-го числа въ ночи, передъ свѣтомъ за часъ, воры Булавицы пришли многолюдствомъ безвѣстно и съ тѣми ворами былъ у нашихъ бой часа два и больше, и нынѣ воры многолюдствомъ со всѣхъ сторонъ ворвались въ нашъ обозъ и полковника подлѣ пушекъ застрѣлили и Воронежскаго сотника разстрѣляли въ кругу, и иныхъ старшинъ и

¹⁾ Провіантъ на время застрѣлъ въ Воронежѣ.

урядниковъ и рядовыхъ казаковъ многихъ побили и весь обозъ разобрали и 4 пушки со всякимъ ружьемъ взяли; а у тѣхъ воровъ побиты полковникъ и атаманъ и рядовыхъ казаковъ человекъ съ триста, было жъ у тѣхъ воровъ всѣхъ человекъ съ 20,000. Ясно, Булавинцы чуяли свой конецъ и потому напрягали всѣ свои силы до крайности. Но такіе случаи были очень рѣдки. Силы Булавина къ концу іюня были уже совершенно раздѣлены и окружены войсками князей Хованскаго и Долгорукаго. Въ началѣ іюля самъ Булавинъ застрѣлился. Игнатій Некрасовъ ушелъ на Кубань. Довъ стихъ. Вся украинна покорилась царю. Началась правительственная расправа...

Замѣчательна та вѣроломная роль, которую играли во время Булавинскаго движенія Калмыки и ихъ тайша Аюка. По договору съ царскими воеводами, Калмыки должны были идти вмѣстѣ съ правительственными войсками на Башкиръ и Булавинцевъ. Противъ тѣхъ и другихъ они должны были отдѣлать по 10,000 человекъ. Между тѣмъ наши минимые союзники дѣйствовали вотъ какъ.

15 іюля 1708 года Верхнеломовскій воевода Владычкинъ писалъ въ ближнюю канцелярію:

«Мая и іюня въ разныхъ числахъ по вѣдомостямъ изъ Нижняго Ломова воровскіе казаки, *также и Калмыки*, многія села и деревни разорили и людей грабятъ и побиваютъ, и Чембаръ разорили, и Верхнеломовцевъ мучили и жгли огнемъ и въ воду сажали. Да въ городъ Мокшанъ пришедъ подъячаго, которому былъ городъ приказанъ, убили и разоренье всякое чинили, и нынѣ тѣ воры собираются въ разныхъ мѣстахъ для воровства и отъ приходу ихъ въ Верхнемъ Ломовѣ опасно, потому что за отсылкою въ Казань служилыхъ людей стало у насъ малоллюдно и тѣ надежны и безоружны».

Изъ Верхнеломовскаго уѣзда Калмыцкіе и казацкіе мятежники проишли въ сѣверные уѣзды нынѣшней Тамбовской губерніи и стали отгонять у крестьянъ стада и табуны, *и отъ того воровскаго набѣгу крестьяне съ женами и*

дынями бьгаючи жмаутъ по лѣсамъ и помираютъ. Эти Калмыцко-казацкія ватаги разсѣяны были сотникомъ Григоріемъ Зражевскимъ.

Между тѣмъ другая Калмыцкая ватага, приѣздно въ тысячу человекъ, пробралась на Битюгъ и въ нижній Борисоглѣбскій уѣздъ. Появившись въ нашихъ южныхъ предѣлахъ совершенно внезапно, Калмыки *многихъ тамошнихъ жителей побили и покололи, и хутора и слободы осадили.* Тогда противъ Калмыковъ пошелъ полковникъ Тевяшевъ *съ компанейцы и со многими жителями.* Дняе кочевники настигнуты были царскими войсками близъ Острогояска. «И дошелъ я ихъ—Калмыковъ, писалъ Тевяшевъ,—и былъ у меня съ ними бой жестокій 30-го іюня, и многіе Калмыки побиты и ранены, а было ихъ *съ тысячу человекъ и больше.*» Калмыцкое *воровство* было причиною того, что царь Петръ отправилъ къ Аюкѣ-тайшѣ нарочнаго для *сыску и казни* тѣхъ ордынцевъ, которые *подбѣгали* подъ украинные города и *разореніе чинили.*

6-го іюля 1708-го года Калмыки, соединившись съ мятежными казаками, рѣшились вступить въ бой съ правительственными войсками близъ самаго Азова, какъ писалъ объ этомъ Азовскій губернаторъ Толстой. «Наши солдаты, доносилъ онъ въ своей реляціи,—на тѣхъ воровъ наступали мужественно и стрѣльба была у нихъ 3 часа непрестанно съ самаго утра; и во время того бою изъ Азова и отъ морскаго флота съ кораблей была пушечная стрѣльба и тою пушечною стрѣльбою *многихъ воровскихъ людей побили.*»

Къ вечеру характеръ боя совершенно опредѣлился. Калмыки на всѣхъ пунктахъ поспѣшно отступили въ степь, унося съ собою своихъ многочисленныхъ раненыхъ и убитыхъ.

«Помощію всемогущаго Бога, доносилъ Толстой,—и заступленіемъ Пресвятыя Богородицы и честнаго славнаго крестителя Господня Іоанна и великаго Государя счастіемъ тѣхъ воровъ побито многое число и прогнали ихъ въ степь.»

Калмыковъ и Булавинцевъ подъ Азовомъ было болѣе

5000 человекъ. Изъ этого числа въ бою побито было 423 человекъ, около 400 потонуло въ Дону и въ плѣнь взято 60 человекъ. А съ нашей стороны, увѣрялъ Толстой, — убить одинъ человекъ и ранено 10 человекъ. ¹⁾

Результатомъ Азовской побѣды была добровольная сдача князю Долгорукому четырехтысячной воровско-казацкой партіи съ атаманами Голымъ и Безпалымъ. Дѣло было на рѣчкѣ Боровой, близъ Сухаревского городка. Отъ имени сдававшегося ополченія посланъ былъ къ царю съ повинною казакъ Василій Поздѣвъ, которому между прочимъ поручено было хлопотать въ Москвѣ о томъ, чтобы виновныхъ въ Булавинскомъ возмущеніи и не получившихъ прощенія казнить на Дону и не везти въ столицу.

На другой день послѣ Азовской битвы, именно 7-го іюля произошло самоубійство Булавина. 8-го іюля тѣло его привезено было въ Азовъ атаманомъ Ильею Зернщиковымъ. «По осмотру у того вора, писали Азовскія власти, — голова обазалась прострѣлена знатно въ лѣвый високъ изъ пистолы и отъ тѣла его смердитъ».

По приказанію Азовскаго губернатора, у Булавинскаго трупа отсѣкли голову и положили ее въ спиртъ *до государева указу*. А туловище за ноги повѣсили на перекладинѣ. Въ то же время заковали въ цѣпи и посадили въ Азовскую тюрьму брата и сына Булавина, да воровскихъ заводчиковъ: Сеньку Драного, Иванку Гайбца, Лучбу Хохлача, Мишку Голубятникова, Кирюшку Курганова съ 50-ю товарищами.

Такимъ образомъ 8-го іюля 1708-го года мы можемъ считать послѣднимъ днемъ Булавинскаго движенія.

Во второй половинѣ іюля отъ всѣхъ станицъ и казачьихъ городковъ собраны были повинныя. «Булавинъ и его атаманы, плакались раскаявшіеся преступники, — презцалъ насъ и къ себѣ приворачивалъ неволю. И отъ такого его

¹⁾ За Азовскій бой 1708 года всѣмъ солдатамъ выдано по 1 рублю на человекъ.

озорничества мы пришли въ немалый страхъ, и просимъ великаго государя о милосердіи».

24-го іюля изъ Ближней Канцеляріи отъ царскаго имени посланы были грамоты И. С. Мазепѣ, князю Д. М. Голицыну, князю П. И. Хованскому, Астраханскому воеводѣ П. М. Апраксину и другимъ воеводамъ, въ томъ числѣ Тамбовскому стольнику Василю Васильевичу Данилову и Козловскому князю Григорію Ивановичу Волконскому о томъ, что воры Булавицы побиты въ разныхъ мѣстахъ, а воръ Булавинъ самъ себя убилъ до смерти; и милостію Божіею, и великаго государя молитвами и счастьемъ, оное воровство искоренило и всякъ о томъ да въдаемъ.

Съ этого времени и нашъ Тамбовскій край относительно умиротворился. Правда, общественной безопасности отъ дорожныхъ гуляшниковъ у насъ долго еще не было, до самаго начала XIX столѣтія, но это уже другая тема, требующая особаго разсмотрѣнія.

Заканчивая нашу рѣчь о Булавинскомъ движеніи въ Тамбовскомъ краѣ вопросомъ о томъ: почему Булавинское дѣло нашло себѣ сочувствіе среди нашего народонаселенія? Думаемъ—потому, что въ началѣ прошлаго столѣтія въ нашихъ степяхъ и лѣсахъ, сравнительно безопасныхъ отъ воеводскаго и приказнаго произвола, слишкомъ много было пришлаго, вольнолюбиваго, бродячаго люда, усиливавшаго мѣстную русскую колонизацію, вслѣдствіе чего въ нашихъ актахъ многія села и деревни указываемаго времени именовались новонаселенными; къ намъ же, въ нашу сравнительно тихую глушь шли толпами и раскольники и даже заводили у насъ свои городки. Оба эти элемента какъ нельзя болѣе гармонировали съ характеромъ Булавинскаго движенія, развивавшагося во имя казацкихъ вольностей и древле-русскаго благочестія.

Послѣ Булавинскаго движенія Тамбовскій край, какъ мы сказали, повидимому, надолго умиротворяется; по крайней мѣрѣ онъ перестаетъ быть театромъ Татарско-Казацкимъ и казацкихъ операцій, и въ этомъ случаѣ, несомнѣнно, наша

безопасность отъ вѣшнихъ враговъ установилась не безъ воли царя—Петра. Что могъ, то онъ сдѣлалъ для насъ, но было и для него много неоспѣннаго, невозможнаго, недомысленнаго...

По смерти Петра Великаго всероссійская жизнь повсемѣстно нравственно ослабѣла. Явилась дикая и нелѣпая бюрократизма, съ ея чужеземными хищными проходимцами. Со дня на день укрѣплялся бюрократизмъ и народная жизнь видоизмѣнилась по нѣмецкому шаблону... Очень плохо приходилось въ тѣ дни и нашему краю и потому лѣтописи его, приводимыя нами ниже, представляются по преимуществу самыми скорбными. Къ нимъ то, т. е. къ изображенію мѣстнаго внутренняго быта прошлаго вѣка, мы и обращаемся теперь, желая дополнить то, что лишь очень кратко высказано было нами въ нашихъ двухъ первыхъ выпускахъ.

Тамбовскія были прошлаго вѣка.

Въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтія нашъ Тамбовско-Шацкій край быстро прославился плодородіемъ почвы и вслѣдствіе этого привлекалъ къ себѣ отовсюду, со всѣхъ четырехъ сторонъ, русскихъ переселенцевъ, между которыми были и такія особы, какъ бояринъ Петръ Самойловичъ Салтыковъ, основатель села Салтыковыхъ Буть ¹⁾. Рядомъ съ русскими селились у насъ также и Башкиры, Ногайцы, Калмыки, Черкасы, Поляки и даже *люди жидовской націи*. Но всѣ названные нами искатели счастья болѣе или менѣе обманулись въ своихъ ожиданіяхъ, такъ какъ нашъ край въ началѣ прошлаго столѣтія, славясь своими плодородными полями, въ то же время представлялъ обширное поле для всевозможныхъ аномалій общественной жизни. Отъ этого была у насъ великая бѣдность и на всемъ обширномъ пространствѣ нашихъ провинцій (Тамбовской и Шацкой) не было ни одного поселенія, имѣвшаго городской характеръ. Самый Шацкъ отличался величайшею убогостію, что видно изъ слѣдующаго донесенія провинціальной канцеляріи *высокому сенату*, отъ 10 января 1729 года: «хотя воеводскій и канцелярскій дворъ въ провинціи и имѣются, и тѣ весьма ветхи и сгнили и безъ починки во оныхъ дворѣхъ намъ приказнымъ людямъ для отправленія дѣлъ сидѣть невозможно». Эта невозможность увеличивалась отъ того, что Шацкія присутственныя мѣста часто вовсе не имѣли дровъ,

¹⁾ Арх. б. Шацк. пров. капц. № 7090.

Къ числу Тамбовскихъ вотчинниковъ принадлежалъ и знаменитый князь Д. М. Пожарскій.

свѣчь, чернилъ, бумаги и сургуча. «*Сего*, кратко говорить вышеуказанное провинціальное донесеніе, *намъ не отпущается*».

О тюремной избѣ, по обычаю XVIII вѣка переполненной арестантами, Шацкіе канцеляристы доносили сенату такъ: «въ Шацку въ городской крѣпости имѣется тюремный дворъ, который весьма сталъ быть ветхъ и стѣны вывалились, отчего колодниковъ стало содержать невозможно и имѣется не малое опасеніе, чтобы колодники не учинили утечки, понеже довольноаго числа солдатъ опредѣлить некого. А опредѣлено въ Шацкую провинцію штатныхъ солдатъ самое малое число и тѣ всегда въ посылкахъ».

Сенатъ взглянулъ на заявленіе Шацкой провинціальной канцеляріи синеходительно и поручилъ Шацкому восводѣ Ивану Григорьевичу Карташову для возобновленія казенныхъ построекъ рубить около Шацка дубовую рощу. Кромѣ того, ему же и для той же цѣли выдано было триста рублей изъ таможенныхъ, канцелярскихъ и кабацкихъ сборовъ, вся сумма которыхъ въ Шацкой казнѣ не превышала въ то время 1725 рублей. Вслѣдствіе этого сенатскаго распоряженія Шацкая дубовая роща исчезла навсегда, 300 казенныхъ рублей было истрачено, но уже на слѣдующій 1730-й годъ Шацкія присутственныя мѣста снова нуждались въ серьезномъ ремонтѣ ¹⁾.

Тамбовская и Шацкая провинціи отличались въ описываемое время многочисленными аномаліями общественной жизни, на что отчасти мы указывали еще въ 1-мъ своемъ выпускѣ. По разнымъ причинамъ нелегко жилось обывателямъ нашихъ провинцій и вотъ многіе изъ нихъ массами начали уходить въ бѣга и производить, очертя голову, самые дерзкіе разбои. А неспособные тогдашніе администраторы и слабыя военныя команды, наѣзжая въ опустѣвшія и разоренныя села и деревни, только еще болѣе стѣсняли народъ

¹⁾ Архивъ Шацкой провинціальной канцеляріи № 333-й.

и усложняли своимъ опекунствомъ тяготу народную ¹⁾. Вотъ почему въ архивныхъ связкахъ бывшей провинціальной канцеляріи постоянно встрѣчаются обывательскія жалобы на всевозможныя притѣсненія. Въ числѣ народныхъ обидчиковъ и нарушителей общественнаго спокойствія не послѣднее мѣсто занимали иногда монастыри и приходское духовенство.

Въ 1753 году крестьяне Починковской волости Сармійскаго Майдану подали въ Шацкую провинціальную канцелярію такую жалобу: «Саровской пустыни стронтель Ефремъ съ братією завладѣлъ нашею мельницею на рѣкѣ Самѣ, и травятъ тѣ Саровскіе монахи собаками овецъ нашихъ, гусей и утокъ, отняли у насъ рыбную ловлю въ устьѣ Сатиса, завладѣли нашими сѣнными покосами, а межевую нашу выписъ, взявши для прочтенія, удержали; и еще владѣютъ наглостью дачами нашими по рѣкѣ Пуцѣ и лубки и мочала наши свезли» ²⁾.

Въ томъ же году Шацкой пригородной слободы крестьянинъ Иванъ Поповъ жаловался на своего приходскаго священника въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «города Шацка церкви Живоначальныя Троицы попъ Афанасій Алексѣевъ наглымъ озорничествомъ поселился на моей землѣ и разломалъ у меня тыновую городьбу, которая и употреблена имъ на отопленіе собственнаго дома. Да еще тотъ же попъ за разломаніемъ дворовой и огородной городьбы немалое число земли моей въ пустошь занустишил и и остался безъ огороднаго ошца; и то попъ творить надѣясь на свое богатство и бранить меня, яко дѣйствительную скотину, свиньею» ³⁾.

¹⁾ *Примѣчаніе.* Неспособность давнихъ Тамбовскихъ администраторовъ видна, наприм., изъ такого факта. Въ 1760 году въ Шацкомъ острогѣ держали и подвергали разнымъ канцелярскимъ мтарствамъ нѣсколько человекъ крестьянъ за кражу ошучъ. А разбой въ подъ самыхъ Шацкомъ тѣ же администраторы и въ томъ же году никакъ не могли прекратить.

²⁾ Арх. б. Шацк. провинц. канц. № 68.

³⁾ Тамъ-же, связка безъ №. Есть только общее заглавіе: явочныя челобитныя.

А пѣсколько ранѣе, именно въ 1744 году, въ Темниковскомъ уѣздѣ былъ слѣдующій случай. Однажды въ деревню Киргу прѣѣхалъ съ солдатами протопопъ-миссіонеръ Казанскій. Не долго думая и не трата протопопѣдическаго криспориѣчія, онъ приказалъ своимъ спутникамъ визать Киргинскую Мордву и приготовились насильно крестить ее. *Такая проповѣдь* язычникамъ не понравилась и они съ трудомъ *отбились отъ протопопа* и ускакали въ лѣсъ. Между тѣмъ имуществомъ ихъ вполне воспользовался побѣдоносный Казанскій... Какъ онъ доносилъ потомъ своему начальству о своихъ миссіонерскихъ опытахъ—неизвѣстно... ¹⁾.

Укажемъ еще на одинъ случай грубаго насилія со стороны духовныхъ лицъ. «Сего 1744 года, бьетъ челомъ одинъ Анаевскій Мордвинъ, имѣлся я именованный въ селѣ Спаску и села Покровскаго Селища поплъ Федосей Ермиловъ отпаялъ у меня близъ того села лошадь, цѣна—10 рублей, сани—цѣна 30 к., хомуть и рукавицы—цѣна 60 к.» ²⁾.

Простыхъ людей въ прошломъ столѣтіи именитые люди, какъ извѣстно, называли *подлыми людьми* и въ обращеніи съ ними нисколько не церемонились. Такъ князь А. А. Черкаескій въ первой половинѣ прошлаго вѣка игралъ роль Тамерлана для всего Темниковскаго уѣзда и *у многихъ крестьянъ наглымъ своимъ насильствомъ и наряднымъ дѣломъ* отымалъ земли и угодія. За великими господами тянулись иногда и ихъ управители, сатрапское величіе и самоуправство которыхъ доходило до крайностей, напр. въ такомъ родѣ. Лѣтомъ 1753 года прикащикъ князя Н. А. Долгорукаго Григорій Николаевъ, *собрившись съ множествомъ княжескихъ холопей*, началъ на Елатомскія дворцовыя рыбныя ловли, прогналъ со струговъ всѣхъ рыболововъ, а рыбу и снасти, цѣпностію въ двѣсти рублей, взял себѣ ³⁾. При такомъ безначаліи и безправіи сами крестьяне ожесточались и

¹⁾ *Примѣчаніе.* Изъ дѣлъ Шацкой провинціи находящихся въ распоряженіи Тамб. арх. комиссіи.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Архивъ б. Шацк. провинц. канц. № 78. (Дѣла 1763).

рѣшали свои поземельные споры и недоумѣнія своеручною расправою. Цѣлыми толпами, человекъ въ 200 и болѣе, выѣзжали они на рубку чужаго лѣса или на сосѣдскія поля и сѣнные покосы, и послѣ ожесточенныхъ схватокъ омаздѣвали чужимъ добромъ, или же, пораженные, въ безпорядкѣ бѣжали домой, подбирая убитыхъ и раненыхъ и списаясь отъ разсвирѣпѣвшихъ сосѣдей. Во время одного изъ такихъ побойщъ между жителями селъ Ачадова и Богдановки убитыхъ оказалось 11 человекъ; раненыхъ было несравненно больше. Но это были сравнительно миролюбивыя села. Въ самымъ буйнымъ Тамбовскимъ селамъ описываемаго времени слѣдуетъ отнести извѣстное село Сисово. *Собирались многочисленнымъ повѣствуя наши документы, — Сисовцы запахили чужія поля и тѣхъ чужаки были смертнымъ боемъ многими.*

Въ царствованіе Анны Іоанновны Тамбовскій край раздѣлялъ со всюю русскою землею ту великую бѣду, которую измыслилъ и осуществилъ въ своемъ родѣ приспомятитель пѣмецъ Виронъ. У насъ стали собираться недоимки, никоннишія съ 1718 года, и все это дѣлалось съ крайнимъ ридѣніемъ и неусыпнымъ попеченіемъ безъ ослѣдка ослабленія. Описки подвергали рѣшительно все имущество обывателей. У одного Тамбовскаго крестьянина продали, наприм., гуся съ 3-мя гусятами, у другаго—пѣтуха съ 5 курами, у третьяго—шапку, у четвертаго—избу съ чуланомъ, огороженную тыномъ съ воротами... Все это въ публичной продажѣ пошло за 1 рубль 30 коп. Отъ этого край нашъ сталъ все бѣдѣе. «По многимъ посылкамъ, писали сборщики податей,—обыватели не платятъ и деревни ихъ описаны и чаемо будетъ уплата». Неплательщиковъ были и еще были, а въ концѣ концовъ всетаки получался слѣдующій результатъ: оная недоимка ко взысканію ненадежна». Тогда ихъ снова волочили въ тюрьмы и они отговаривались: «тое недоимки мы не заплатили за совершенною скудостію, а по немѣнью у себя двора едва имѣемъ дневное пропитаніе, за содержаніемъ же подъ карауломъ, претерпѣваемъ немалыя

болѣзни». То было время по истинѣ не выносимое для мѣстнаго большинства: многія крестьянскія поля стояли *пусты* и заросли бурьяномъ, крестьянскія избы были безъ крышъ и стеколъ, покривившіяся и неогороженныя; и такимъ образомъ цѣлыя села представлялись *совершенною пустошью*. Тогда сборщики податей поневолѣ оставляли раззоренныхъ обывателей въ покоѣ и такъ писали про нихъ въ Тамбовскую и Шацкую провинціальныхъ канцелярій: «за пустотою взыскать въ тѣхъ деревняхъ подати не съ кого». Подобные отзывы писались не про однихъ крестьянъ. Въ спискахъ владѣльческихъ имѣній намъ не разъ попадались такія отмѣтки: «владѣлецъ за укрывательствомъ податей не платитъ».

Собираниемъ недоимокъ въ нашемъ краѣ, какъ и во всей Россіи, занимались воинскія команды. Этимъ командамъ предписано было, чтобы они *не чинили въ народѣ слабыхъ поступковъ*, и потому онѣ позволяли себѣ иногда относительно единокранныхъ и единовѣрныхъ своихъ согражданъ такое дерзкое самоуправство, которое напоминало ихъ пациентамъ времена бесерменскихъ купцовъ, баскаковъ и подобныхъ имъ дѣльцовъ ордынскаго выхода.

Въ 1737 году черезъ Шацкую провинцію проходили команды поручиковъ Штрейта и Мочалина. Квартировать пришлось имъ въ вотчиннахъ знатнаго сенатора Нарышкина и всетаки онѣ *чинили обывателямъ многія обиды и разоренія, фуражъ безденежно брали, а женъ и дочерей ихъ насиловали* ¹⁾.

Немного поздиѣ въ Темниковскій и Спасскій уѣзды, для разсѣянія воровскихъ шаекъ, прибылъ Донской полкъ Ребрикова; *и тѣ Донскіе казаки, записано въ Шацкихъ провинціальныхъ документахъ,—дѣлали озорничества, озобляли народъ на морозъ и забивали многихъ плетью и саблями до смерти*. При этомъ истязуемые перѣдко были привязываемы къ столбамъ и висѣли такъ по цѣлымъ днямъ ²⁾.

¹⁾ Арх. б. Шацк. провинц. канц. № 2644.

²⁾ Тамъ же.

Говоря о мѣстныхъ бытовыхъ тяготахъ начала прошлаго вѣка, мы не можемъ умолчать о рекрутчинѣ. Эта народная повинность была тѣмъ тяжелѣе, что новобранцевъ обыкновенно заковывали въ кандалы и въ указанныя, болѣе или менѣе отдаленныя, мѣста доставляли этапнымъ порядкомъ *за крики и карауломъ*. Поэтому, избѣгая тяжелой солдатской неволи, многіе наши обыватели уродовали себя въ виду отдатчиковъ или же запирали передъ ними ворота и отчаянно защищались. Такъ, въ Кадомской деревнѣ Дурновкѣ крестьянинъ-рекрутъ Борисъ Кириловъ заперся въ своей избѣ съ женой и дѣтьми, и когда сельскія власти всетаки ввалились къ нему, онъ рогатинной закололъ до смерти старосту Еникѣева.

Другой подобный случай былъ въ селѣ Земетчинѣ. На мѣрскомъ сходѣ рѣшено было отдать въ рекруты крестьянина Василия Христофорова, и вотъ ночью, передъ свѣтомъ, 7 человекъ пошли въ его избу взять его и сковать. Во главѣ этой деревенской команды пошелъ староста Рвачовъ.

— Пойдемъ на сходъ, сказалъ староста вовсе неспавшему и ожидавшему непрошенныхъ гостей Христофорову.

— Куда мнѣ идти — отвѣчалъ онъ упавшимъ голосомъ, — я и тутъ, если приказъ какой есть, слушать буду.

Въ это время Христофоровъ плелъ лапти и въ рукахъ у него былъ ножъ.

— Берите его, командовалъ Рвачовъ своимъ подчиненнымъ, при чемъ ударилъ Христофорова палкой по головѣ и навалился на него всею тѣлою. Началась отчаянная борьба. Христофоровъ бросилъ лапти и ударилъ Рвачова ножомъ въ спину. Тутъ же въ избѣ староста и умеръ.

И замѣчательно, до описываемаго времени убійца былъ человекъ смирный, степенный, и только непобѣдимый страхъ передъ ненавистною рекрутчиной помутилъ всѣ его мысли и натолкнулъ на невольное преступленіе ¹⁾.

Случалось впрочемъ инымъ крестьянамъ и отбиваться

¹⁾ Арх. б. Шацк. провинц. канц. № 2167.

отъ рекрутчины, какъ это видно изъ слѣдующаго факта. Въ 1760 году въ селѣ Ушенгѣ, Беренскаго уѣзда, набирали рекрутъ, въ число коихъ попали братья Тома и Петръ Анисины. Мирскіе выборные по обычаю пошли арестовать ихъ, но Анисины встрѣтили ихъ съ ножами и рогатинами, двухъ убили, а сами немедленно скрылись въ Керенскихъ дремучихъ лѣсахъ ¹⁾).

Рекрутская повинность до того озабочивала сельскія общества, что многія изъ нихъ постоянно занимались покушкою и кражею чужихъ дѣтей. Купленныхъ или краденыхъ подростковъ держали подъ карауломъ, воспитывали и затѣмъ въ свое время сдавали въ солдаты. На этомъ поприщѣ въ 1760 году особенно отличались старосты селъ Введенскаго и Спасскаго Герасимъ Трофимовъ и Естифей Федоровъ. Отъ этихъ ловкихъ старостъ въ хозяйственной предпринимчивости не отставали и помѣщики: и они, сберегая свой живой товаръ, ловили чужихъ крестьянъ для отдачи въ рекруты ²⁾).

Не легки были для Тамбовскаго народонаселенія и старинные Петербургскіе порядки извѣстнаго тайноканцелярскаго режима. Мѣстныя власти, желая выслужиться передъ столпыми вельможами, цѣплялись за всякія мелочи, сочиняли по поводу ихъ болѣе или менѣе обширныя слѣдственныя дѣла съ допросами и пытками, и такимъ образомъ увеличивали и безъ того очень значительную массу подсудимыхъ и обездоленныхъ людей.

Въ 1726 году Шацкій инквизиторъ священникъ Василій Пихтелевъ въ одной своей *промеморіи* сдѣлалъ такую погрѣшность: вмѣсто того, чтобы написать—по Указу Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской, онъ написалъ просто—по Указу Ея Императорскаго Величества. Объ этомъ донесъ Преображенскому Приказу Шацкаго Проломскаго монастыря поповскій староста Иванъ Кириловъ и неосторожнаго инквизитора потребовали въ провинціальную

¹⁾ Арх. 6. Шацк. провинц. канц.

²⁾ Тамъ же, № 6711.

канцелярію. Но онъ убѣжалъ въ лѣсъ и скрывался тамъ нѣсколько дней, пока не попалъ въ руки сыщиковъ. Привели Пихтелева къ Шацкому воеводѣ Афанасію Дубасову и тотъ объявилъ ему слѣдующее рѣшеніе И. Ѳ. Ромодановскаго: «позже учинилъ оный попъ ту погрѣшность сирота и безъ умыслу, того ради наказать его на торгу плетью». Приговоръ привели въ исполненіе и радъ былъ злополучный священникъ, что *такъ дешево* отдѣлался отъ грозившей ему опасности, и считалъ произведенную надъ нимъ торговую казнь *за великую милость*. ¹⁾

Бывали однакоже у насъ и неудачные доноскини, которымъ доставался такъ называемый первый кнутъ. Такимъ несчастливцемъ въ 1737 году былъ пономарь села Зарубкина Иванъ Пономаревъ, который *сказалъ въ городъ Керенскъ государево слово и дѣло за попомъ того же села Василіемъ*. Доносчика и отвѣтника допрашивали въ Шацкѣ. И оказалось, что *государева дѣла* тутъ не было, а было неисполненіе одного указа Московской духовной дикастеріи. Тогда послѣдовала слѣдующая резолюція Шацкой провинціальной канцеляріи: «какъ пономарь въ доносѣ своемъ сталъ виновенъ и того ради учинить ему наказаніе и бить его кнутомъ нещадно». Зарубкинский іерей Василій повидимому былъ оправданъ, но и его отправили въ Московскую дикастерію *за кривкиимъ карауломъ* и духовные отцы, конечно, не поцеремонились и съ нимъ. ²⁾

Другимъ неудачникомъ въ доносѣ былъ у насъ архитекторъ Федоръ Васильевъ. Въ 1718 году онъ сказалъ за собою слово и дѣло. Его за это били кнутомъ, допытываясь, какое это слово. Въ сенатѣ Васильевъ сознался, что государева слова за нимъ нѣтъ и что доносъ свой учинилъ онъ *безпамятствомъ и дуростію*. За это опять велѣли бить его батогами и послѣ того отпустили. Изъ этого примѣра видно, какъ мало дорожили у насъ въ ту странную эпоху своею шкурою...

¹⁾ Арх. б. Шац. провинц. канц. № 167.

²⁾ Тамъ-же, № 3632.

Самымъ выдающимся мѣстнымъ государственнымъ мученикомъ Бироновской эпохи былъ помѣщикъ Федоръ Ивановичъ Соймоновъ, извѣстный составитель карты Каспійскаго моря, одинъ изъ сподвижниковъ Петра 1-го и ревнителей отечественнаго просвѣщенія. Какъ приверженецъ Волинскаго, онъ былъ битъ плетью и сосланъ въ Сибирь...

До какой степени неосновательны были причины, вызвавшія грозныя судныя дѣла по тайной канцеляріи, видно изъ слѣдующаго факта.

17-го Апрѣля 1754 года въ селѣ Спасскомъ былъ большой мірской сходъ. Въ толпѣ сначала пошумѣли, а потомъ подрались. При этомъ особенно досталось крестьянину Филипу Сидорову. Тогда онъ, спасаясь отъ разъяренной толпы, сказалъ за собою *слово и дѣло* по первымъ двумъ пунктамъ. Толпа шарахнулась въ стороны, но дѣлать было нечего. Староста Башмаковъ донесъ объ этомъ воеводѣ и пошла переборка: чуть не весь сходъ забрали въ тайную контору. Когда же дѣло болѣе выяснилось, то въ Воронежъ повезли только главныхъ подсудимыхъ, именно 40 человѣкъ.

Черезъ два года *изъ единаго высоко-монаршаго милосердія*, какъ писалъ въ Шацкѣ оберъ-секретарь тайной канцеляріи Хрущевъ, *тѣ Спасскіе колодники отпушены*. Намъ неизвѣстно, всѣ ли 40 человѣкъ вернулись домой цѣлыми и невредимыми... ¹⁾

Сказываніе слови и дѣла практиковалось у насъ и по отбѣнѣ тайной канцеляріи. 25 ноября 1762 года было у насъ, судя по прочитаннымъ нами Тамбовскимъ документамъ, послѣднее сказываніе государева слова и дѣла. Въ Темниковской ратушѣ въ это число былъ наказываемъ за беспорядочное домашнее поведеніе, по жалобѣ его жены, купецъ Димитрій Михайловъ Нѣмцовъ. Подъ батогами, вспоминая горькую, немилую семейную жизнь свою съ женою — старухою (Нѣмцову было 20 лѣтъ, а женѣ Авдотѣ Васильевой за 30-ть), Димитрій Михайловъ сказалъ за собою и

¹⁾ Изъ дѣлъ Тамб. историч. архива.

женою государево слово и дѣло по первому пункту. Его заперли въ чуланъ при ратушѣ и два дня не давали пить-ѣсть. На третій день Нѣмцовъ, измученный и больной, сознался: сказывалъ де онъ тѣ рѣчи, избавляясь отъ ностылой жены... ¹⁾

Донимая мѣстное народонаселеніе разными судебными процессами по поводу *слова и дѣла*, наши Тамбовскіе воеводы въ своихъ областяхъ слишкомъ обильно *кормились* и этимъ разоряли и безъ того небогатый край. Подвиги всероссійскихъ воеводъ и приказныхъ служилыхъ людей въ этомъ направленіи настолько общезвѣстны, что мы въ данномъ случаѣ уклонимся отъ подробностей и ограничиваемся слѣдующими крестьянскими заявленіями.

«Темниковскій воевода Великопольскій, жаловались въ 1753 году высшему правительству обыватели деревень: Дашкиной, Шурбиной и Пичиморги,—взялъ съ насъ 731 рубль, жена его—38 рублей, людямъ его выдано 64 рубля, прогонныхъ и кормовыхъ денегъ воеводой взято 73 рубля; да меду 8 пудовъ, пшеницы 36 четвертей, ржи 80 четвертей, овса 58 четвертей, рыбы свѣжепросольной 10 пудъ, икры 2 пуда; и еще увели на воеводскій дворъ лошадь мерина гнѣдова».

Тогда же съ новокрещенной Темниковской Мордвы Великопольскій собралъ 589 рублей, 5 волковъ, 4 лисицы, 6 медвѣдей и 1 бунцу.

«И отъ этихъ поборовъ, писали ограбленные,—жительства стали у насъ весьма убогія; и пожитковъ мало и лошадей нѣтъ» ²⁾.

Надобно замѣтить, что положеніе нашихъ новокрещенъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія дѣйствительно было самое плачевное. За переходъ изъ язычества и магометанства въ православіе правительство освобождало ихъ на три года отъ всѣхъ податей и повинностей. На самомъ же дѣлѣ

¹⁾ Изъ дѣлъ Тамбов. историч. арх.

²⁾ Арх. б. Шацк. провинц. канц. № 5619-й.

подати и съ нихъ сполна собирались. Въ тому же прежніе еднновѣрцы ненавидѣли ихъ и обижали, а начальство не обращало на это никакого вниманія. Даже духовныя лица обижали новобращенъ и нѣкоторые изъ нихъ *чинили имъ разоренія и похвалялись разорить ихъ въ конецъ* ¹⁾.

Въ томъ же 1753 году свирѣпствовалъ въ Кадомскомъ уѣздѣ смотритель казенныхъ лѣсовъ прапорщикъ Савельевъ. «И тотъ Савельевъ, писалъ про него Кадомскіе новобращенныя правительствующему сенату,—безъ всякой нашей виновности и резоновъ мучить насъ тирански и вымучиваетъ великія взятки хлѣбомъ, медомъ и деньгами. И въ великія колодки забиваетъ, обнажа, въ однихъ рубахахъ занираетъ зимою въ албары и моритъ голодною смертью. Да еще моритъ работою и та работа бываетъ—копать мерзлую землю и переносить ее безъ дѣла съ мѣста на мѣсто. Да еще однажды тотъ прапорщикъ въ селѣ Кириловѣ заказалъ двѣ подводы: четверку и тройку и тѣхъ лошадей намъ спротама не отдалъ» ²⁾.

Приказныя обиды въ первой половинѣ прошлаго вѣка безконтрольно и безнаказанно практиковались у насъ не въ одной только крестьянской средѣ. И въ городахъ обыватели не мало терпѣли отъ подъяческаго произвола, какъ это видно изъ слѣдующей жалобы Темниковской ратуши въ главный Московскій магистратъ:

«Въ Темниковской воеводской канцеляріи у отправленія всякихъ дѣлъ состоитъ канцеляристъ съ приписью подъячій Василій Григорьевъ, сынъ Поповъ, который чинитъ обывателямъ всякія неспосныя обиды и разоренія и озорничества и всѣхъ членовъ ратуши съ бургомистромъ Кириловымъ держитъ въ тюрьмѣ въ великихъ колодкахъ и оттого пришли мы въ немалое оскудѣніе и въ казну Ея Величества платить не можемъ ни деньгами, ни звѣрьми».

Началось дѣло. Поповъ отвѣчалъ: «челобитчики соста-

¹⁾ Арх. б. Шацк. провинц. канц. № 3-й.

²⁾ Арх. Тамб. губ. правл. № 6572-й.

вили на меня затѣяное и поклепное дѣло... Въслѣдъ затѣмъ онъ подалъ на доносчиковъ встрѣчный искъ и въслѣдствіе того *учинилась на многіе годы волоките* ¹⁾).

Въ описываемую нами эпоху обращать на себя вниманіе жалкое положеніе нашего приходскаго духовенства. Въ особенноти трудно было жить тагъ называемымъ церковнымъ бобылямъ, людямъ безъ опредѣленной осѣдлости и безъ опредѣленныхъ занятій. Въ обѣихъ нашихъ провинціяхъ этихъ бобылей было не мало. Въ одномъ Елатомскомъ Богоявленскомъ погостѣ ихъ проживало около 70-ти человекъ, да въ Темниковѣ при соборной церкви кормились 30 церковныхъ бобылей. Всѣ они, *работал на причты ослкии работы*, пользовались церковною землею и назывались по церквамъ Успенскими, Троицкими, Воздвиженскими, Знаменскими и Никольскими бобылями. Если къ нимъ прибавить церковниковъ, т. е. священно-церковно-служительскихъ дѣтей, по пристроенныхъ къ приходскимъ мѣстамъ, то получалась дѣйствительно значительная масса совершенно праздныхъ людей. Ихъ-то и стремилось правительство утилизировать посредствомъ извѣстныхъ *разборокъ*, въслѣдствіе которыхъ нѣмѣ бобыли и церковники поступали въ подушное и даже крѣпостное состояніе, а другіе шли въ военную службу. Церковные разборы совершались съ замѣчательною энергіею и суровостію и ложились тяжелымъ бременемъ на наше духовенство. Въ 1768 году велѣно было доставить въ Шацкую провинціальную канцелярію всѣхъ Шацкихъ церковниковъ съ ихъ родителями. Многіе изъ нихъ стали укрываться отъ этой бѣды въ лѣсахъ, оврагахъ и болотахъ. Тогда провинціальныя власти пошли на нихъ облавою съ военными командами и въ мартѣ мѣсяцѣ, въ самое половодье, этапнымъ порядкомъ доставили ихъ въ Шацкъ. Между тѣмъ наступили страстная недѣля и пасха и многія приходскія церкви отъ той великой церковнической бѣды *стали пусты* и не было

¹⁾ Арх. б. Шацк. провинц. канц. № 4320-й.

въ нихъ божественной службы ¹⁾). Тяжесть положенія духовенства еще болѣе увеличивалась отъ того, что въ Шацкую канцелярію вызывали и почетныхъ духовныхъ лицъ: протоіереевъ и священниковъ со всѣми ихъ дѣтьми, даже младенцами. Отговорокъ никакихъ не принимали. Тянули въ Шацкъ больныхъ и разслабленныхъ. И многія духовныя лица бѣжали тогда изъ Шацка отъ воеводскаго и приказнаго грабежа и побоевъ. Особенный страхъ наводилъ на духовенство Шацкой провинціи воеводскій товарищъ Кудашевъ, который разбѣжжалъ по селамъ, хваталъ церковниковъ, дьячковъ и пономарей, заковывалъ ихъ въ желѣза и колодки и отдавалъ подъ караулъ въ рекрутское присутствіе. Не спасались отъ него и дѣти, которыхъ онъ тщательно переписывалъ, произвольно прибавляя имъ лѣта. А защитниковъ у нашего духовенства, какъ и во всей Россіи въ теченіе *вольтерьянскаго* XVIII вѣка, не было; архимастыри же безмолствовали и смиренно покорялись губернскимъ и провинціальнымъ вельбнямъ... Правда, Тамбовскій епископъ Теодосій сталъ было пристраивать церковниковъ въ усиленномъ комплектѣ къ разнымъ приходамъ, но за это попалъ подъ судъ и два года маялся, какъ мы сказали уже въ 1-мъ своемъ выпускѣ, въ Воронежской губернской канцеляріи.

Въ солдаты попадали преимущественно тѣ церковники, противъ именъ которыхъ въ епархіальныхъ спискахъ стояли такія отмѣтки: «читаетъ тупо, а писать не умѣетъ; азбукѣ, часослову и псалтыри не обучался»...

Такова была жизнь нашихъ провинціальныхъ захолаустій въ первой половинѣ прошлаго вѣка. Большинство Тамбовско-Шацкаго населенія, по старой привычкѣ, выносило свою судьбу, но иные не мирились съ своимъ положеніемъ и бѣжали, какъ мы замѣтили выше, босые и нагіе, на вѣкъ покидая свои дома и семьи, или же забирали съ собою и самыя семьи, оставляя на родинѣ совершенную *пустоту*. Бѣжали старики и дѣти, забывая немощи своего возраста; бѣжали священнослужители, спасаясь отъ мірской неправды

¹⁾ Арх. б. Шац. провинц. канц. № 2210-й.

въ раскольничьихъ скитахъ; бѣжали даже дворяне-недоросли, укрываясь отъ царской службы и отъ школьнаго ученія. Нѣкоторымъ бѣглымъ удавалось поступать въ монахи и даже священники, или же подъ чужими именами переходить границы. Но большинство ихъ пропадало безслѣдно и гдѣ горе свое они мыкали, про то слабая тогдашняя полиція не знала. А мыкали они бѣду свою по степямъ и дебрямъ Россійскимъ и жутко приходилось отъ нихъ, отъ бездомныхъ и озлобленныхъ странниковъ, мирнымъ людямъ русскимъ, прохожимъ и проѣзжимъ.

Между бѣглыми попадались и такіе, какъ дворовая помѣщанка Перепечина Анисья Акимова, которой въ годъ ея побѣга съ барской усадьбы было 80 *мытъ*. Значить желаніе свободы и условія этого желанія были слишкомъ сильны.

Наибольшій контингентъ бѣглыхъ какъ и слѣдуетъ ожидать,—доставляли барскія вотчины. За одинъ 1734 годъ и въ *одной связкѣ* намъ попало больше 200 явочныхъ прошеній о вотчинныхъ бѣглецахъ, уходившихъ куда глаза глядятъ десятками и сотнями. И замѣчательно, большинство бѣглыхъ приходится на долю богатыхъ нашихъ помѣстій, наприм., помѣстья царевны Имеретинской Даріи Арчиповны, князя М. П. Лобанова-Ростовскаго, князя Ѳ. В. Сибирскаго, князя С. А. Голицына, Е. И. Пашкова, стольника Я. Г. Порошина, князя М. М. Волконскаго и Кирилло-Бѣлозерской вотчины села Успенскаго. Бѣглецы въ прошломъ столѣтіи назывались у насъ *утеклецами*, въ числѣ которыхъ, какъ мы сказали уже, было немало дворянскихъ недорослей, которые укрывались, конечно, не отъ горя-злосчастья, а отъ службы и ученія. Одинъ изъ нихъ, Кадомскій дворянинъ Разгильдѣевъ, спасаясь отъ правительственныхъ агентовъ, поселился среди собственнаго дремучаго лѣса въ глухомъ болотѣ и вотчинный староста тайкомъ приносилъ ему туда нищу. Случай съ Разгильдѣевымъ былъ далеко не единственный. Еще въ 1726 году снаряжена была въ Шацкую провинцію особая экспедиція для поимки Шацкихъ недорослей и надобно замѣтить, что

труды этой экспедиціи увѣнчались значительнымъ успѣхомъ. Изъ нашихъ дебрей и болотъ извлечены были слѣдующіе Шацкіе педоросли: Борисовъ, Ишеевъ, Леонтиій и Матвѣй Азѣвы, вназь Тепишевъ и пр. Всѣ они были люди уже немолодые отъ 35 до 50 лѣтъ, и совершенно неграмотные.

Что касается крѣпостныхъ крестьянъ, то они бѣжали, по словамъ нашихъ документовъ, *съ голоду и отъ неспособныхъ побоевъ* и часто въ чужезадней сторонѣ притворялись юродивыми и жили Христовымъ племемъ. Были случаи, когда вотчинные крестьяне бѣжали, какъ мы сказали, массами. А въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны въ Шацкой провинціальной канцеляріи получено было извѣстіе, что съ разныхъ трактовъ однихъ *работныхъ людей Донской судовой экспедиціи* бѣжало 5380 человекъ. О значительномъ количествѣ однихъ только тѣхъ бѣглыхъ, которые укрывались въ Шацкой провинціи, можно судить потому, что съ нѣкоторыхъ Шацкихъ селъ брали ежегодно правящихъ штрафныхъ денегъ за держаніе бѣглыхъ по нѣсколько сотъ рублей. Напримѣръ въ селѣ Кажлоткѣ въ 1767 году взяли съ міру такихъ штрафовъ *400 рублей*.

Иные крестьяне, собираясь уходить отъ своихъ господъ, предварительно такъ или иначе мстили имъ: или *уносомъ ножницовъ*, или *огненнымъ спаленіемъ хоровъ*, или отбрытымъ буйствомъ. Такъ, дворовая Шацкой помѣщицы Свищевой Катерина Клеменова въ день своего побѣга пришла къ барынѣ и въ ея присутствіи *виѣпилась въ виски* ея горничной-наушницы и *уничтожила ей великое волосное тасканіе*. Покончивши съ оторонѣвшею первою своею жертвою, копитвенная баба такой же участи подвергла свою барыню и въ суматохѣ скрылась невѣдомо куда ¹⁾.

Озлобленіе крѣпостныхъ крестьянъ противъ помѣщиковъ происходило между прочимъ отъ того, что владѣльцы продавали ихъ въ розницу, родителей въ одні руки, дѣтей въ другія; иногда же мѣняли на лошадей и собакъ, или

¹⁾ Арх. б. Шацк. провинц. канц. № 266-й.

проигрывали въ карты, или просто дарили... Въ первой половинѣ прошлаго вѣка въ нашихъ провинціяхъ, т. е. Тамбовской и Шацкой, цѣны на крѣпостныхъ людей стояли самыя низкія. Въ 1758 году Спасскій помѣщикъ Рогожницъ продалъ въ Темниковъ коллежской регистраторшѣ Евсюковой цѣлую семью въ 6 душъ, *съ хоронимымъ изъ строеніемъ и пожитками, скотомъ и хлѣбомъ*, за 15 рублей ¹⁾. Въ царствованіе Екатерины II-й цѣна на людей повысилась: за одного взрослого и здороваго парня брали уже рублей по 30 и болѣе.

Укрывавсь въ разныхъ лѣсахъ и степяхъ, многіе бѣглецы находили также пріютъ у тѣхъ украинскихъ помѣщиковъ, у которыхъ было много земли и мало людей. Такъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія укрывательствомъ бѣглецовъ занимался Саратовскій воеводскій товарищъ Родіоновъ. Бѣглецы жили и работали въ его помѣстьяхъ лѣтъ по 20-ти, не получая за это никакой платы. А нѣкоторые бѣглецы находили возможнымъ укрываться у ближайшихъ своихъ сосѣдей. Такъ, напримѣръ, въ 1723 году у Кадомскаго помѣщика Ротиславскаго убѣжалъ съ женой и дѣтьми дворовый Алексѣевъ. Онъ былъ въ бѣгахъ ровно 37 лѣтъ. Гдѣ же онъ былъ все это время? Въ сосѣднемъ Темниковскомъ уѣздѣ въ имѣніи у князя Тенишева. Тамъ онъ овдовѣлъ, женился, обзавелся домомъ и хозяйствомъ и никто ни разу не беспокоилъ его ²⁾... Всѣ эти бѣглецы-работники были большею частію люди смиренныя, скромныя. Но нѣкоторые изъ нихъ были не таковы. Формируя разбойничьи шайки, они представляли въ описываемое нами время серьезное и трудно побѣдимое общественное зло.

До какой степени распространились разбои въ Шацкой провинціи въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, видно изъ того, что для ихъ искорененія составлены были особыя воинскія команды и особая слѣдственная коммиссія подѣ

¹⁾ Арх. б. Шацк. провинц. канц. № 228-й.

²⁾ Изъ дѣлъ Тамб. историч. арх.

начальствомъ главныхъ сыщиковъ Татищева и Адаурова ¹⁾). Кроме того, къ тому же дѣлу *обязательно* привлечены были сельскія власти и вотчинные владѣльцы.

Разбойники собралась въ нашихъ провинціяхъ партіями человекъ во 100 и болѣе и на лодкахъ разбѣзжали по рѣкамъ Цпѣ, Мокшѣ, Окѣ и Вышѣ, *учиня многія грабительства и смертныя убійства*. 13 Апрѣля 1735 года одна разбойничья шайка подплыла къ селу Фроловскому. Мѣстный священникъ Васильевъ служилъ въ это время заутреню, но разбойники вывели его изъ церкви и привели къ своему атаману.

— Какъ ты смѣлъ явиться ко мнѣ съ пустыми руками? закричалъ атаманъ на оробѣвшего священника, — ступай сейчасъ же домой и поскорѣй неси дорогимъ гостямъ хлѣба, соли и яицъ.

Все это было приписано немедленно. Между тѣмъ Фроловскіе крестьяне стояли на берегу и отсчитывали разбойникамъ обычную денежную дань. Тогда атаманъ смягчился, *пожертвовалъ на церковное приходское Евангеліе* пригоршню серебряныхъ денегъ и въ ту же церковь отдалъ шелковую женскую юбку на эпитрахиль, а мѣдною мелочью сталъ бросать въ пародъ и въ воду.

Въ полдень разбойники поплыли далѣе. Прощаясь съ Фроловскими крестьянами, атаманъ вручилъ имъ слѣдующее письмо на имя Шацкаго воеводы Любовникова: «что не ловишь меня? А со мной 80 человекъ и сіе письмо писалъ я—атаманъ для оправданія крестьянамъ, дабы имъ не разориться. А были мы у села Фроловскаго съ полдня, только пообѣдали».

Та же партія вскорѣ послѣ того посѣтила села Сасово, Агламазово и Чершевъ монастырь. Въ Сасовѣ разбойники ограбили тамошнюю, кабакъ разбили и все *пойло* вылили на

¹⁾ Въ 1710 году въ нашемъ граѣ наводили ужасъ на мирное население воры и разбойники Никита Шипковъ и Максимъ Комахицъ. Оба изловлены и доставлены въ Тамбовскую приказную палату. Въ Тамбовѣ же ихъ и казнили.

землю, да кабатчиковъ убили. *И былъ то дневной грабежъ, жаловались потомъ Сасовскіе крестьяне.* Въ селѣ Агламазовѣ атаманъ заставилъ священника кропить святою водою свои лодки, при чемъ всѣ разбойники подходили къ кресту и клали на тарелку по копѣйкѣ. Черніевъ монастырь ограбленъ былъ слегка: монаховъ не тронули и только монастырскую кружку взломали.

Послѣ небольшого отдыха атаманъ повелъ свою шайку на усадьбу помѣщика Тюменена, который со всѣмъ семействомъ и дворовыми успѣлъ укрыться въ лѣсу, между тѣмъ въ его отсутствіе домъ его былъ совершенно ограбленъ и сожженъ. Тутъ только настигла разбойниковъ воинская команда и вступила съ ними въ бой, результатомъ котораго былъ плѣнъ воровскаго эсаула Шустова. Въ Шацкѣ плѣнника подвергли розыску *и съ того розыску разбойниковъ во всемъ повилися.*

Однако шайка не унывала. Скоро она ограбила Вышенскую пристань и тамошній постоялый дворъ. Разбойники пріѣзжали на Вышу *со огненными оружіемъ, палашами, кистенями и бердышами,* и по окончаніи грабежа нѣсколько дней шировали ¹⁾.

Главные разбойничьи притоны въ первой половинѣ прошлаго столѣтія были у насъ въ окрестностяхъ Морши, Пичаева, Кадома и въ Шацкомъ Залѣскомъ стану. Въ этихъ темныхъ трущобахъ со всѣхъ сторонъ собирались бѣглецы крестьяне, солдаты, драгуны, матросы и даже лица духовнаго и дворянскаго званія. Однажды въ 1753 году въ Шацкіе лѣса отправлена была для поимки разбойниковъ значительная воинская команда. Командѣ на тотъ разъ посчастливилось: она захватила въ плѣнъ цѣлую шайку, въ которой атаманомъ былъ попъ Андрей Андреевъ, а эсауломъ сынъ его Василиій. Атаманъ Андрей Андреевъ, повиднмому, баловалъ своихъ подчиненныхъ, потому что въ подвалахъ у разбойниковъ найдены были бочки съ водкой и разные съѣстные припасы ²⁾.

¹⁾ Арх. б. Шацк. провинц. канц. № 36-й.

²⁾ Тамъ-же, № 7079.

Въ тѣхъ же Шацкихъ лѣсахъ и около того же времени угрывался дьячекъ Федоръ Поповъ съ братьями: пономъ Степаномъ и дьякономъ Иваномъ, да съ нимъ же были дѣти его церковники: Гаврилъ и Василій, и *все тѣ люди съ рогатицами ходили по селамъ и чинили разбой и огнемъ людей жгли и было отъ нихъ огненное хоромное запляснѣе.*

Въ 1764 году жители села Сосновки, Завадскаго стану, подали въ Шацкую провинціальную канцелярію на своего приходскаго священника заявленіе такого рода: «попъ нашъ Федоръ съ братомъ и дѣтьми по часту невѣдомо куда отъ дому своего отъѣзжаетъ и съ невѣдомыми людьми ночнымъ временемъ возвращаясь пьянствуетъ весьма безобразно...»¹⁾

Подобныя же *разбойныя подвиги* въ Шацкой провинціи совершалъ прапорщикъ Кареевъ, имѣвшій главную свою приставъ въ селѣ Алексѣевскомъ. Часто ходили смирять его команди, но онъ *чинился тѣмъ командамъ весьма противенъ и за тою его противностію были въ помѣсть воровъ крайняя остринка.* Шайба Кареева въ одно лѣто разгромила усадьбы троихъ помѣщиковъ: Волкова, Бунина и Вышеславцева. При этихъ набѣгахъ были убиты и плѣныы, наприм. майоръ Короваевъ, схваченный разбойниками во время боя и впоследствии умерщвленный въ селѣ Алексѣевскомъ²⁾.

Въ то же время, т. е. около половины прошлаго вѣка, по Окѣ разбойничалъ помѣщикъ Самсоновъ. Онъ грабилъ купеческія и казенныя суда, а судовыхъ пассажировъ билъ плетью и палками³⁾. А подѣ Темниковомъ занимались грабежами новокрестьянъ Кашаевъ, помѣщикъ села Уренъ, да Темниковскій посадскій человекъ Данила Тюрисовъ⁴⁾. Даже помѣщцы выходили иногда на разбойное поприще. Такъ,

¹⁾ Изъ дѣлъ Тамб. истор. арх.

²⁾ Арх. б. Шацк. провинц. канц. № 54.

³⁾ Тамъ-же, № 8285.

⁴⁾ Изъ дѣлъ Тамб. истор. арх.

4 февраля 1744 года Кадомская помещица унтеръ-офицерша княгиня Марья Алексѣевна Енгальчева встрѣтилась въ полѣ съ дворовыми людьми пижевернаго корпуса кондуктора Савельева и била ихъ дубьемъ смертными боемъ и сняла съ нихъ господскихъ денегъ пятидесять рублей да шубу новую, цѣны 2 рубля, кушакъ новый верблюжий, цѣны 30 копѣекъ, да шапку съ рукавицами, цѣны 50 коп. „И стали мы отъ тое лютой едва живы — писалъ дворовый чловѣкъ Василій Миханловъ; а нанжесточае била насъ княгининъ дѣлчекъ села Матчи Силантій Семеновъ“ ¹⁾).

Этотъ поступокъ княгини М. А. Енгальчевой былъ далеко не единственный. Въ актахъ Тамбовскаго историческаго архива встрѣчается множество жалобъ разныхъ пострадавшихъ лицъ на ту же неугомонную княгиню. Такъ, наприм., былъ такой случай. 1746 года 10 марта дворянинъ Веденяпинъ, проѣздомъ изъ Елатымы въ свое имѣніе Зубово, остановился въ селѣ Большомъ Никитинѣ, Кадомскаго уѣзда, у дворянки Чурмантѣевой. «И въ то число, жаловался онъ,—въ полночь къ оной вдовѣ Чурмантѣевой пріѣхала воровски М. А. Енгальчева съ людьми своими и со крестьяныи и села Матчи попомъ Семеномъ Акимовымъ да церковникомъ Силою Семеновымъ, и связавъ меня били смертно и топтали и деньги 70 рублей моихъ отняли, и лошадь мерина гнѣдова отняли жъ» ²⁾).

Вообще, Кадомскій уѣздъ въ прошломъ столѣтіи почему-то отличался особенною воинственностію своихъ дамъ. Еще жива была Енгальчева, какъ на смѣну ей въ 1762 году явилась помещица вдова коллежская регистаторша Моисеева. Вотъ что писали про нее жители деревни Турмандеевой: «въ разные мѣсяцы и числа деннымъ и почнымъ временемъ съ ружьями и со всякимъ дреколіемъ та Моисеева со своими дворовыми умышленно, яко разбойники, пріѣз-

¹⁾ Изъ дѣлъ Тамб. истор. арх.

²⁾ Арх. б. Шацк. провинц. канц.

жаеть въ нашу деревню и безъ всякаго милосердія бьетъ и разоряеть насъ напрасно и то чинить со многими по-
часту ¹⁾).

Дерзость разбойниковъ въ былое время доходила у насъ до того, что сами провинціальныя воеводы въ домахъ своихъ не были отъ нихъ безопасны. Такъ въ 1730 году ограбленъ былъ разбойниками Шацкій воевода Карташевъ. Онъ самъ доносилъ объ этомъ высшему правительству въ слѣдующихъ выраженіяхъ. «Въ нынѣшнемъ, государь, 1730 году со втораго на третье февраля въ ночи имѣющіяся въ Шацку воеводскія хоромы зажжены отъ нѣкоторыхъ пришлыхъ невѣдомыхъ злодѣевъ, и въ нихъ имѣющіеся образы въ надлежащихъ обладѣхъ и всякіе мои пожитки, что при мнѣ было, притомъ и данныя мнѣ жъ высокаго сената инструкціи и всякія крѣпости—все безъ остатку погорѣло. И я отъ жестокости того пожара съ домовыми моими едва изъ хоромъ вышелъ и пришолъ во всеконечное разореніе, понеже заженіе тѣхъ хоромъ было не въ одномъ мѣстѣ, а занялись оныя все вдругъ и самую скоростію» ²⁾

Сильныя разбои въ нашихъ провинціяхъ вызывали со стороны правительства болѣе или менѣе энергическія мѣры къ ихъ подавленію. Въ каждый изъ нашихъ уѣздовъ опредѣлены были воинскіе начальники съ подчиненными имъ командами. Сельскимъ властямъ, старостамъ и сотскимъ, подъ страхомъ смертной казни, вмѣнено было въ обязанность слѣдить за безопасностію селеній и дорогъ и обо всѣхъ случаяхъ нарушеній этой безопасности немедленно доносить воеводскимъ канцеляріямъ. Всѣмъ обывателямъ приказано было покрѣпче заираться на ночь и имѣть при себѣ на всякій случай хоть какое нибудь оружіе. Съ особенною энергіею разбои искоренялись въ Шацкой провинціи во вторую половину царствованія императора Петра 1-го, который для этой цѣли собственноручно или черезъ кабинетъ-секретаря Макарова перенесывался съ мѣстными воеводами: Шац-

¹⁾ Изъ дѣлъ Тамб. историч. арх.

²⁾ Арх. б. Шацк. провинц. канц. № 10.

кимъ Ляпуновымъ, Кадомскимъ Башкаровымъ и Темниковскимъ Брюковымъ. Въ апрѣлѣ 1714 года въ Тамбовско-Шацкій край командированъ былъ для истребленія разбойниковъ поручикъ Шишковъ съ драгунами и дѣтьми боярскими. Въ одномъ мѣсу, послѣ долгихъ поисковъ, онъ настигъ разбойниковъ и вступилъ съ ними въ бой, окончившійся пораженіемъ и бѣгствомъ шайки. Трофеями побѣдителей были раненные плѣнные (10 человекъ), 6 телѣгъ съ разными пожитками и 11 лошадей. Кромѣ того разбойники оставили на мѣстѣ сраженія 6 труповъ. Продолжая свой путь далѣе, поручикъ Шишковъ изловилъ въ селѣ Пятаковѣ *поповъ—воровъ Ивана и Никиту. Оба они сисканы были въ Шацкую воеводскую избу и допрашиваны и на томъ допросѣ чинили записательство.*

Посылались команды на Шацкихъ разбойниковъ и по смерти Петра 1-го, въ слѣдующія царствованія, но дѣйствовали они вяло и никакъ не могли сладить съ многочисленными шайками, *а проложимъ и промъжающимъ чинили между тѣмъ не малую остановку и разореніе,* какъ это видно изъ переписки сыщика Ададурова. ¹⁾ Иногда впрочемъ команды ловили разбойниковъ, связанныхъ и скованныхъ привозили ихъ въ Шацкъ къ допросу, и тогда праздные люди собиравшись на городскую площадь и смотрѣли, какъ вырѣзывали ворами ноздри и клеймили имъ лбы и какъ полосовали ихъ плетью и батогами...

Въ первой половинѣ прошлаго вѣка Шацкимъ заплочнымъ мастеромъ былъ нѣкто Молоствовъ. Это былъ человекъ, отличавшійся крайнею жестокостію и въ свое суровое время и исполнявшій свои обязанности съ виднымъ удовольствіемъ. Онъ убилъ своего сына-младенца и питался молокомъ своей жены, грудь которой сосалъ до крови. ²⁾ На его то *мастерство* и приходили любоваться Шацкіе обыватели, когда въ ихъ городъ привозили плѣнныхъ разбойниковъ.

¹⁾ Арх. б. Шацк. провинц. канц. № 54.

²⁾ Тамъ же, № 6700.

Такова мѣстная бытовая исторія за первую половину XVIII-го вѣка, по сохранившимся документамъ Шацкой провинціальной канцеляріи. Не весела и не спокойна была жизнь нашихъ предковъ-Тамбовцевъ, и тѣмъ съ большимъ довѣріемъ должны мы отнестись къ нашему настоящему и будущему. Я не сомнѣваюсь, что въ описываемую эпоху были у насъ и радостныя явленія. Несомнѣнно, бывали у насъ и добрые патриархальные помѣщики, и безкорыстные чиновники, и ревностные, благочестивые пастыри, такъ какъ въ жизни человѣческой горе обыкновенно перемѣшивается съ радостію, злоба съ милосердіемъ, богатство съ нищетою, сила съ слабостію, покой съ тревогою—и мы первые искренно обрадовались бы, если бы положительныя бытовые черты нашего края кѣмъ либо были научно, т. е. по несомнѣннымъ документамъ и инымъ памятникамъ, установлены. Тогда эта послѣдняя наша догадка о существованіи и свѣтлыхъ сторонъ отжившаго нашего быта стала бы неопровержимымъ фактомъ.

Что касается частной, домашней жизни нашихъ предковъ первой половины XVIII-го вѣка, то вотъ отзывъ на этотъ предметъ Преображенскаго, города Тамбова, пона Трифона Иванова: «живутъ у насъ въ городѣ Тамбовѣ народы простые беззаконно, Бога едва знающіе, женящіеся четвертыми браками»...

Съ открытіемъ въ 1779 году Тамбовскаго намѣстничества бытовые условія нашего края весьма медленно и понемногу стали улучшаться. На первыхъ порахъ это улучшеніе выразилось пока въ сравнительно лучшихъ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ, въ относительной об-

щественной и частной безопасности и въ нѣкоторомъ стремленіи къ просвѣщенію, такъ какъ внѣшняя обстановка городовъ оставалась у насъ прежняя.

Городъ Тамбовъ, ставшій во главѣ обширнаго края, подходилъ на большое черноземное село. Почти всѣ дома его крыты были соломой, а болотистыя улицы выложены были фашинникомъ, изрыты ямами и пересѣчены сорными буграми. Бѣдность Тамбова была такъ велика, что городское управление, распорядившееся ежегоднымъ городскимъ доходомъ только въ 1500 рублей, отказалось содержать пожарныхъ лошадей. Даже храмы Божіи лишены были приличной обстановки. Въ самомъ соборѣ, нижній этажъ котораго былъ каменный, а верхъ деревянный, *звонъса церковная была ветхилъ и изотмлялал, пелена сдѣлана изъ саржеваго платка, а сосуды употреблялись мѣдные и старыя.* Въ то же время Тамбовскій женскій монастырь имѣлъ кельи *малыя, черныя, крытыя драпью, съ волоковыми окнами.*

Жалкая картина нашего губернскаго города дополнялась слѣдующими подробностями. На главной улицѣ весною и осенью протекалъ широкій и тихій ручей; на западныхъ окраинахъ города стояли болота, поросшія лѣсомъ и кустарникомъ, богатымъ дичью; на базарной площади разстилалось большое озеро, въ которомъ въ лѣтнюю пору Тамбовскіе обыватели купались. По всему городу въ разныхъ мѣстахъ стояли гумна и овины. Пріѣзжему человѣку остановиться въ Тамбовѣ было негдѣ, кромѣ грязныхъ постоянныхъ дворовъ, герберговъ и харчевень. Общественныхъ увеселеній никакихъ не было. Только въ интимныхъ домахъ, свободно развивавшихъ и тогда свою коммерцію на счетъ скудныхъ кошелей простонародья, широкая русская натура по своему развѣртывалась; да еще прохлаждались любители шумныхъ удовольствій *въ сбитенныхъ и квасныхъ курсняхъ*, залывая тамъ свою скуку ендавами хмѣльной русской браги, и въ пріютахъ нѣмецкихъ дѣвницъ Шульцъ и Фалькъ, ознаменовавшихъ своимъ прібытіемъ открытіе намѣстничества.

Въ 1779 году въ городѣ Тамбовѣ открыто было мно-

жество присутственных мѣстъ и всѣ они помѣщались кое-какъ. Управление губернскаго прокурора заключалось въ одной малой комнатѣ. Помѣщеніе верхняго земскаго суда и магистрата было въ развалинахъ старинной воеводской избы. Но особенно плохи были Тамбовскія тюремныя избы. Г. Р. Державинъ называлъ ихъ *мерзкими хлѣвами*. О тамбовскихъ же присутственныхъ зданіяхъ онъ отзывался такъ «Всѣ сіи присутствія весьма ветхи, бревна согнивши выпятились, рамы сгнили и отъ сего стекла трескаются, печи и боровья разсѣлись черезъ крышу течь проходить и чинить сіи строенія невозможно».

Съ 1786 года начинается виѣшнее улучшеніе города Тамбова. Объ этомъ особенно хлопотали какъ самъ Державинъ, такъ и тогдашніе Тамбовскіе городскіе головы, купцы Максимъ Бородинъ и Николай Толмачевъ. Вблизи Тамбова они устроили большой кирпичный заводъ и приступили къ постройкѣ большаго каменнаго гостиннаго двора, чему много помогли купцы-капиталисты: Степанъ Суворовъ, Матвій Малинъ, Степанъ Самгинъ, Иванъ Сипринъ, Гаврилъ Пустоваловъ и Феоктистъ Сусоровъ. Немного поздиѣ купецъ Сухановъ на Ерикѣ устроилъ большую мельницу и далъ рѣкѣ Циѣ болѣе быстрое теченіе. Съ 1788 года на сѣнной площади (теперь базарной) стали строить деревянныя лавки для мелочной торговли. Въ томъ же году учреждены у насъ такъ называемые цехи и такимъ образомъ положено начало мѣстному мастерству... Около того же времени инженеръ Соймоновъ урегулировалъ подѣ Тамбовомъ рѣку Циу и, наконецъ, въ 1796 году послѣдовалъ слѣдующій любопытный губернаторскій ордеръ Тамбовскому коменданту Булдакову. «Довольно извѣстно, что осенью и весною по всѣмъ улицамъ города Тамбова и наиболѣе по большой Астраханской грязь бываетъ столь чрезмѣрна, что и проѣзду нѣтъ и приказнослужителямъ въ присутствія ходу не бываетъ,—и цѣны на все увеличиваются; того ради по Астраханской улицѣ прокопать канавы для стока воды и покрыть оную фашиинникомъ, а колья и хворостъ собирать съ жителей»¹⁾.

¹⁾ Арх. Тамб. губ. правл. № 33-й.

Между тѣмъ въ уѣздныхъ городахъ Тамбовскаго намѣстничества присутственныя и всѣ казенныя зданія были по лучше Тамбовскихъ и нѣкоторые сообразительные чиновники воспользовались этимъ. Такъ, когда обвалился Кирсановскій винный подвалъ, то винный приставъ, доноси объ этомъ несчастіи, между прочимъ выразился такъ: «отъ того обвалу въ винѣ произошла немалая утечка».

Всѣ эти внѣшніе безпорядки увеличивались на первыхъ порахъ страннымъ поведеніемъ главныхъ лицъ Тамбовской администраціи, которыя между собою открыто ссорились. Такъ, въ 1781 году Тамбовскій губернаторъ князь Михаилъ Михайловичъ Давыдовъ до того поссорился съ директоромъ экономіи княземъ Василиемъ Вяземскимъ, что запрещалъ ему выѣзжать изъ Тамбова для обозрѣнія казенныхъ селеній, приказывая ему сидѣть въ губернскомъ городѣ безвыѣздно; и такъ какъ князь Вяземскій всетаки выѣхалъ изъ Тамбова, оправдываясь служебнымъ долгомъ и приказаніями графа Воронцова, то князь Давыдовъ послалъ за нимъ въ погоню военный отрядъ. Директоръ Тамбовской экономіи настигнуть былъ при переправѣ черезъ Цну, причемъ суматоха поднялась такая страшная, что одинъ ящикъ князя Вяземскаго потонулъ... Самъ Вяземскій однако вырвался и уѣхалъ ¹⁾...

Въ чемъ же именно сказывались сто лѣтъ назадъ высшіе интересы нашего края?

Слабо проявлялись они въ первыхъ попыткахъ къ развитію учебнаго дѣла, во главѣ котораго стояли тогда въ мѣстныхъ дворянскихъ семействахъ странствовавшіе учителя-французы: Продонъ, Дюре и Лятуръ, или же мѣстные грамотѣи-церковники. Всѣ они не могли похвалиться своимъ житіемъ и постоянно плакались на своихъ панимателей, которые не доплачивали изъ догворнаго жалованья и слишкомъ небрежно относились къ нимъ лично. Слѣдующій примѣръ довольно ясно, по нашему мнѣнію, указываетъ на характеръ взаимныхъ отношеній панимателей и ихъ домашнихъ педагоговъ.

¹⁾ Арх. мин. юстиц. № 6513-й.

Въ ноябрѣ 1762 года помѣщикъ села Архангельскаго, Берескаго уѣзда, Ларионовъ по контракту нанялъ себѣ домашняго учителя церковника Федора Попова. Поповъ обязался выучить сына Ларионова Егора россійской грамотѣ, да пѣнію партесному, да тому жъ пѣнію онъ долженъ былъ обучить еще трехъ дворовыхъ и *выуча привести ихъ всѣхъ въ согласіе*. За все это домашній педагогъ имѣлъ получить *15 рублей, кромѣ особаго покая и ежедневной пищи*. Сдѣлка была по тогдашнему очень выгодная для Попова и однако онъ *почти въ все время бѣжалъ невѣдомо куда*, потому что за нимъ учрежденъ былъ въ барскомъ домѣ строжайшій надзоръ и его изъ учительской комнаты *безъ караула никуда не пускали...*¹⁾ Была у насъ также, какъ мы говорили уже во 2-мъ своемъ выпускѣ, при мѣстной военной командѣ гарнизонная школа, ученики которой съ особеннымъ рвеніемъ занимались *барабитною наукою*, но въ то же время еще съ большимъ рвеніемъ помышляли о томъ, какъ бы имъ избѣгнуть пріютившаго ихъ суроваго заведенія. Школьники гарнизонной школы, малые и великовозрастные, часто бѣгали изъ своей школы и прятались отъ сыщиковъ въ лѣсахъ и оврагахъ. Здѣсь ихъ ловили и за карауломъ представляли въ намѣстническое правленіе, которое конечно придерживалось въ этихъ случаяхъ самой суровой педагогической системы.

Учителемъ Тамбовской гарнизонной школы въ описываемое нами время былъ нѣкто, *исслужившій дворяннз*, Савостьянъ Петровъ. Жалованья ему *на одежду и пропитаніе* положено было *по 15 рублей въ годъ*. Каковы были научныя познанія этого Петрова, можно судить потому, что съ открытіемъ въ 1786 году мѣстнаго главнаго народнаго училища онъ поступилъ туда въ число учениковъ и совершенно затерялся въ разнообразной толпѣ школьныхъ новобранцевъ.

Въ самый годъ открытія Тамбовскаго намѣстничества

¹⁾ Изъ дѣлъ Тамб. историч. арх.

появилась въ нашемъ краѣ, сперва въ Нижне-Домовскомъ монастырѣ, и духовная семинарія, на первыхъ порахъ отличавшаяся слишкомъ сомнительнымъ составомъ преподавателей. Перезвѣтные и малознавшіе учителя нашей семинаріи старались восполнить свои недостатки въ преподаваніи излишнею придирчивостію къ молодежи и подвергали ее суровымъ наказаніямъ. Про одного тогдашняго учителя ариѳметики, сапомъ іеромонаха, сохранилось преданіе, что во всю свою педагогическую службу онъ ни разу не рѣшился подойти къ доскѣ и хоть что нибудь объяснить на ней ученикамъ. Такое странное уклоненіе отъ своей обязанности онъ объяснялъ тѣмъ, что *у него рукиши широкіе и оттого у доски легко могутъ испачкаться*. Между тѣмъ безпощадное стѣченіе практиковалось этимъ самымъ педагогомъ безпрерывно. Отсюда происходило въ средѣ духовенства нерасположеніе къ семинаріи, а въ учившемся юношествѣ сильнѣйшее желаніе поскорѣе оставить негостепріимную школу и уйти изъ нея куда понало. Вслѣдствіе этого многіе ученики семинаріи, неволью подражая Тамбовскимъ кантонистамъ, бѣжали домой, рискуя понасть подъ родительскія розги, или же *за урослостію и тупоуміемъ* увольнялись въ епархіальное вѣдомство. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ семинарское начальство охотно снабжало своихъ отпущенниковъ аттестатами въ родѣ слѣдующаго: «онъ дѣтина непобѣдимой злобы, свирѣпый, до драки скорый, ни увѣщаніями ни жестокими наказаніями неподолный».

Крайняя наивность семинарскихъ педагоговъ описываемаго времени ясно видна изъ тѣхъ похвальныхъ аттестаций, которыя они выдавали лучшимъ ученикамъ. Такъ, наприм., нѣкто Кириллъ Макаровский аттестованъ былъ семинарскимъ правленіемъ такъ: «онъ Макаровский обучался богословію съ отличнымъ успѣхомъ, философіи—съ наилучшимъ успѣхомъ, математикѣ—съ похвальнымъ успѣхомъ, физикѣ—отличительно, латинскому и русскому краснорѣчію—съ превосходнымъ успѣхомъ, исторіи и географіи—препохвально». Если бы въ этомъ аттестатѣ была и полонина

правды, то и тогда Макаровскій долженъ былъ бы прославить русскую науку не мяте Ломоносова. Между тѣмъ внослѣдствіи онъ пригодился только для весьма скромной должности архиваріуса въ гражданской палатѣ. Тамъ въ архивныхъ подвалахъ и угасъ столь возвелчченный своими педагогами семинаристъ...

Неблагопріятное вліяніе на первыхъ воспитанниковъ нашей духовной семинаріи имѣла, конечно, и та суровая бѣдность, влѣдствіе которой даже и тѣ семинаристы, которые владѣли поповскими жеребьями и получали извѣстные доходы съ своихъ будущихъ приходовъ, платили за квартиры въ годъ только рублей по семи. А щеголяли они въ халатахъ, подпоясанныхъ кушаками, и нерѣдко въ самодѣльныхъ лаптяхъ...

Вскорѣ по открытіи Тамбовскаго намѣстничества высшее правительство справлялось: *„имѣ ли въ Тамбовскомъ край обучавшихся геометріи и прочихъ наукъ?“* Отвѣтъ на это полученъ былъ такой: «только одинъ Шацкій секундъ-маіоръ Андреевъ, будучи въ Преображенскомъ полку въ бомбандирской ротѣ, обучался ариѳметикѣ и геометріи, точію за неимѣніемъ книгъ и будучи въ походахъ много позабыто» ¹⁾. А остальнымъ Тамбовскимъ служилымъ людямъ и забывать было нечего и самодовольно писали они въ своихъ канцеляріяхъ самыя неграмотныя и курьезныя *дѣла*, наприм., *о испойденіи отвѣтника (такого-то) къ засѣдателю, о закрытіи престарѣлаго священническаго мѣста, о войденіи мурзинской жены въ ея защищеніе, о прострѣленіи у предвѣчнаго младшца въ городъ Кадомъ львоню глаза дробью;* и въ то же время тѣ же авторы приносили въ суды челобитныя *въ пошривъ яроваго хлѣба скотомъ бунцомъ Спелельниковымъ.*

Представленные нами черты нашего отжившаго быта свидѣтельствуютъ о медленномъ культурномъ ростѣ нашей родины. Эта медленность зависѣла между прочимъ отъ того,

¹⁾ Арх. Тамб. Обруж. Суда № 1388-й.

что во время открытія Тамбовскаго помѣстничества въ нашемъ краѣ проживало около 3000 помѣщичьихъ семействъ, слѣдовательно предшественники наши жили подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ крѣпостнаго права, антикультурное значеніе котораго въ настоящее время едва ли кто станетъ оспаривать. Подходящею иллюстраціею къ высказанному нами мнѣнію могло бы послужить описаніе одного *дѣвичьяго бушта*, направленнаго противъ нѣкоего помѣщика Пуцина. Выведенныя изъ терѣнія, дворовыя дѣвицы, въ количествѣ 8 человекъ, своеручно расправились съ своимъ грознымъ господиномъ, послѣ того вооружились ножницами, желѣзными гребнями и ножами, заперлись *ог дѣвичей* и два дня мужественно выдерживали со стороны дворовыхъ, которыми предводительствовалъ самъ Пуцинъ, осаду ¹⁾... Но объ этомъ своеобразномъ событіи мы скажемъ подробнѣе когда нибудь въ другой разъ.

Не смотря на разныя препятствія, нашъ край всетаки двигался впередъ. Въ 1781 году у насъ произошло генеральное межеваніе и приступлено было къ новой распланировкѣ городовъ. Тогда же проведены были большія дороги, опредѣлены были разстоянія между селеніями, приведено въ извѣстность количество народонаселенія, между городами въ положенныя дни стала ходить почта, въ средѣ дворянства и чиновничества стали появляться чаще и чаще люди просвѣщенные, добрые и трудолюбивые. Изъ таковыхъ лицъ, напримѣръ губернаторъ Державинъ, помѣщики Рахмановъ и Ушаковъ и пр., уже указаны нами въ 1-мъ нашемъ выпускѣ. Теперь мы остановимъ вниманіе на бывшемъ нашемъ генералъ-губернаторѣ, извѣстномъ М. Ѳ. Каменскомъ.

Личность фельдмаршала Каменскаго доселѣ представлялась далеко не въ привлекательномъ видѣ и на это было и есть фактическія доказательства. Тѣмъ не менѣе мы позволимъ себѣ высказать, что въ болѣе раннюю эпоху

¹⁾ Арх. Тамб. губ. правл. № 3086-й.

дѣятельности графа Каменскаго, когда онъ былъ *государевымъ намѣстникомъ* Рязанскаго и Тамбовскаго намѣстничествъ, т. е. въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, его служебныя дѣйствія отличались весьма гуманнымъ и практичнымъ характеромъ. Такая противоположность въ характерѣ и дѣятельности названнаго нами лица нисколько не должна смущать насъ, такъ какъ бываютъ же съ людьми перемѣны...

Графъ М. Ѳ. Каменскій назначенъ былъ къ намъ генералъ-губернаторомъ въ 1781 году и пробылъ въ этомъ почетномъ званіи до конца 1785 года. Въ теченіе всего этого времени, судя по Тамбовскимъ архивнымъ документамъ, Каменскій задумалъ и привелъ въ исполненіе нѣсколько такихъ мѣръ, которыя несомнѣнно содѣйствовали гражданственности и порядку въ Тамбовскомъ краѣ.

Каменскій не ограничивался однимъ высшимъ надзоромъ надъ вѣренными ему намѣстничествами. Онъ самъ внималъ во всѣ мелочи правленія и отъ всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ властей требовалъ строгой отчетности. Даже сотскіе обязаны были имъ представлять въ нижніе земскіе суды еженедѣльные рапорты о происшествіяхъ. Въ видахъ строгаго надзора надъ управляемымъ краемъ М. Ѳ. часто совершалъ поѣздки по уѣздамъ, ревизуя не только города, но и села и деревни.

До какой степени нашъ генералъ-губернаторъ былъ внимателенъ къ различнымъ мѣстнымъ происшествіямъ, видно изъ слѣдующаго. Въ концѣ 1784 года въ имѣніи помѣщика Сабурова учитель де-ля-Туръ изъ-за чего-то поспорилъ съ капитаномъ Мартыновымъ. Мартыновъ сталъ грубо бранить учителя и приблизъ его палкою. Объ этомъ узналъ Каменскій и немедленно приказалъ выискать *съ обидчика и свосвоильники* по всей строгости законовъ ¹⁾.

7 февраля 1783 года задонскій врачъ Михайловъ *усмотрѣлъ* въ имѣніи Липецкаго помѣщика Хотинцова *скита-*

¹⁾ Арх. Тамб. губ. правл. № 14-й.

ющихся унгарцев подъ названіемъ амакрей съ амакрствами. Унгарцы были арестованы и доставлены въ Тамбовъ, гдѣ ихъ признали австрійскими фельдшерами и воспретили имъ практику. Безъ всякихъ рапортовъ Каменскій узналъ и объ этомъ и дозволилъ арестованнымъ медицинскую практику, основываясь на такомъ соображеніи: «лучше хоть какая ябудь помощь болѣющему народонаселенію, чѣмъ никакой».

Съ особенною строгостію Каменскій относился къ тѣмъ чиновникамъ, которые притѣсняли простой народъ. Въ 1781 году онъ ревизовалъ Борисоглѣбскій уѣздъ и въ это время 19 Новохоперскихъ мѣщанъ подали ему письменную жалобу на уѣздныхъ начальниковъ, которые не платили имъ денегъ за работу у перевоза чрезъ рѣку Хоперь. На этомъ прошеніи Каменскій собственноручно написалъ: «по сей просьбѣ городничій изъяснитса письменно на оборотѣ». Испуганный городничій подполковникъ Страховъ, чтобы оправдаться, оговорилъ казначея прапорщика Салькова: я де не получалъ отъ него денегъ. А казначей въ свою очередь отзывался неполученіемъ резолюціи изъ казенной палаты. Словомъ, начались извѣстныя приказныя уловки. Но отъ Каменскаго трудно было скрыть суть дѣла, онъ хорошо понималъ Борисоглѣбскихъ дѣльцовъ и безъ прошенія удалилъ ихъ отъ службы.

Во время этой же генералъ-губернаторской поѣздки обнаружено было, что Тамбовская казенная палата обижаетъ государственныхъ крестьянъ, ихъ собственные земли отдаеть въ оброчныя статьи, вмѣсто пустопорожнихъ, получая конечно за это извѣстную благодарность отъ заинтересованныхъ лицъ. Раздѣлавшись со всѣми виновниками такого злоупотребленія, Каменскій немедленно разослалъ по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ Рязанскаго и Тамбовскаго намѣстничества циркуляръ съ строжайшимъ запрещеніемъ обирать простой народъ, а по возвращеніи въ Рязань командировалъ во всѣ подчиненныя ему уѣзды землемѣровъ для точнаго опредѣленія крестьянскихъ и пустопорожнихъ земель.

Слѣдующій фактъ еще рельефнѣе представляетъ намъ Каменскаго, какъ начальника чрезвычайно гуманнаго относительно темнаго, простаго народа. Въ 1782 году проводили границу между Тамбовскимъ и Пензенскимъ намѣстничествами. Для этого въ нынѣшній Спасскій уѣздъ командирована была коммиссія изъ чиновниковъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ и изъ землемеровъ, которые, проводя границу, поставили пограничные вѣхи около села «Красной Дубровы». Краснодубровскимъ крестьянамъ это показалось подозрительнымъ. Они подумали, что ихъ землю пережеваютъ и притомъ не въ ихъ пользу, составили мирской сходъ и единогласно порѣшили собственноручно расправиться съ коммиссіею. Сказано—сдѣлано. Въ то время какъ коммиссія спокойно занималась своимъ дѣломъ, изъ «Красной Дубровы» показалась многочисленная толпа крестьянъ, вооруженныхъ чѣмъ попало. Съ крикомъ и при звукахъ набата эта толпа бросилась на чиновниковъ и разогнала ихъ. Мѣстныя власти, сильно перепуганныя, дали знать о случившемся въ Тамбовъ и началось слѣдствіе надъ Краснодубровцами, которые послѣ своего необдуманнаго, сгоряча сдѣланнаго, дѣла усиленно образумиться и были тише воды—ниже травы. Спасскій острогъ, какъ ближайшій къ «Красной Дубровѣ», былъ переполненъ подсудимыми. Въ это время въ городъ Спасскъ прибылъ самъ Каменскій и повелъ дѣло совершенно по своему. Заключенныхъ онъ освободилъ, вмѣнивъ имъ въ наказаніе тюремное сидѣнье, а коммисіи сдѣлалъ строгій выговоръ». Крестьяне, внушалъ онъ чиновникамъ,—народъ темный, имъ нужно было сначала растолковать дѣло и тогда они были бы совсѣмъ покорны и не стали бы буйствовать». Такимъ образомъ, благодаря М. Ѡ. Каменскому, десятки крестьянъ были избавлены отъ Сибири и каторги.

Эта же заботливость графа Каменскаго о крестьянствѣ видна и изъ слѣдующаго его письма къ князю Вяземскому: «слыша жалобы коронныхъ крестьянъ и совершенное порабощеніе бѣдныхъ богатыми, а особливо своеволіе старостъ и сотскихъ, которые явно почти торгуютъ людьми и про-

даютъ своихъ собратій постороннимъ селеніямъ подъ видомъ худаго поведенія, и со опыхъ получа деньги пропиваютъ, но отдавая въ міръ, или дѣлятъ по себѣ: и я для прощѣненія сего неустройства положилъ всемірно предупредить лживыя приговоры при рекрутской отдачѣ; и для того посулы старостамъ за продажу почти прекратились... А хотя жалобы на меня посему и были, но я ихъ не опасуюсь, ибо тѣ жалобы будутъ приносить одни грабители»...

Поддерживая въ войскахъ подчиненнаго ему края строгую дисциплину, Каменскій въ то же время требовалъ, чтобы офицеры, не обижали солдатъ и виновниковъ наказывалъ. Такъ, въ декабрѣ 1783 года припоручикъ Лукинъ избилъ солдата Максимова. Велѣдствіе этого, по личному приказанію генераль-губернатора, печистый на руку офицеръ посаженъ былъ подъ арестъ на цѣлый мѣсяць.

На первыхъ порахъ по открытіи Тамбовскаго намѣстничества мѣстное судопроизводство отличалось крайнею удовлетворительностію. Многіе просители послѣ многолѣтнихъ тяжбъ узнавали отъ извѣстныхъ присутственныхъ мѣсть, что они не туда подавали просьбы. И вотъ, чтобы оказать содѣйствіе всѣмъ неопытнымъ просителямъ, Каменскій приказалъ прибить къ дверямъ всѣхъ Тамбовскихъ и Рязанскихъ присутственныхъ мѣсть объявленія съ изложеніемъ того, куда подавать просителямъ и по какимъ дѣламъ просьбы. Въ случаѣ ошибки просителей подачею прошеній, судьи и другіе присутствующіе обязаны были немедленно, подъ опасеніемъ строгаго взыскація, вразумить ихъ.

Подобными дѣйствіями Каменскій пріобрѣлъ среди Тамбовскаго народонаселенія такое довѣріе, что нѣкоторые купцы обратились къ нему съ жалобою на его предмѣстника графа Р. И. Воронцова. «Графъ (слѣдуютъ его титулы) Воронцовъ, писалъ они,—забиралъ у насъ товары въ долгъ, а денегъ и по сіе время не платитъ».

Нельзя здѣсь пройти молчаніемъ и того, что Каменскій, бывшій впоследствии въ своихъ имѣніяхъ суровымъ крѣпостникомъ, во время своего генераль-губернаторства

содѣйствовали отчасти ослабленію мѣстнаго крѣпостнаго права. Въ то время многіе Тамбовскіе помѣщики, возвратившись изъ Турціи послѣ первой Турецкой войны, привезли съ собою плѣнныхъ Турокъ, Арабовъ, Татаръ и Болгаръ и сдѣлали ихъ своими крѣпостными. Такъ поступилъ самъ Тамбовскій комендантъ полковникъ Булдаковъ. Но когда Каменскій узналъ объ этомъ, то велѣлъ всѣхъ этихъ плѣнниковъ освободить.

Считаемъ не лишнимъ сказать также нѣсколько словъ и о нѣкоторыхъ весьма важныхъ и полезныхъ распоряженіяхъ Каменскаго по Тамбовской губерніи.

При немъ и по его указанію въ Тамбовскомъ намѣстничествѣ начали собирать статистическія данныя объ урожаѣ разныхъ хлѣбныхъ растений, именно о количествѣ посѣва и сбора, о числѣ въ городахъ и деревняхъ новорожденныхъ, умершихъ и о числѣ жителей по сословіямъ. Собираателями статистическихъ данныхъ въ городахъ были городничіе, а въ уѣздахъ капитанъ-исправники. Тѣмъ и другимъ помогали священники ¹⁾). Во время управленія того же Каменскаго заведены были у насъ запасныя хлѣбныя магазины, въ силу указа 1765 года, началась правильная почтовая гоньба и по всѣмъ главнымъ трактамъ устроены были каменные и деревянные мосты и перевозки. Съ особеннымъ вниманіемъ графъ Каменскій отнесся къ проведенію между всѣми Тамбовскими городами большихъ дорогъ. Дороги эти должны были имѣть въ ширину не менѣе 30 сажень, обрыты канавами шириною въ аршинъ и глубиною въ полъ-аршина и обсажены деревьями. «Не для красоты это, пояснилъ Каменскій, — а для безопасности зимою во время мятелей». Работы по проведенію нашихъ большихъ дорогъ шли безпрерывно все лѣто и всю осень 1783 года и время это было исключитель-

¹⁾ *Примѣчаніе.* Въ Тамбовскомъ намѣстничествѣ было въ 1782 году (по собственноручной записи Каменскаго) «муж. пола жителей 314,272. Прибыли въ годъ 3480 душъ, на 90 душъ по одной; на 67 душъ по одному браку. Прибыли въ дунахъ и въ бракахъ въ сытыхъ мѣстахъ гораздо болѣе, нежели въ голодныхъ».

но страдною порою для всего Тамбовскаго крестьянства, работавшаго большею частію даромъ, по наряду отъ нижнихъ земскихъ судовъ ¹⁾. Крестьяне рубили просѣки въ лѣсахъ, сажали деревья и оплетали ихъ кошолками, копали канавы, настилали гати и строили мосты. Въ ноябрѣ 1783 года всѣ большія Тамбовскія дороги были уже совершенно готовы и весело мчались по нимъ почтовые тройки, звеня излюбленными поддужными колокольчиками... А еще раньше въ мартѣ того же года, Тамбовскіе землеѣры Реткинъ, Нѣмцевъ и Лопачевъ составили первую почтовую карту Тамбовскаго намѣстничества.

Наконецъ при Каменскомъ же разные чиновники Тамбовскаго намѣстничества облеклись въ усвоенныя имъ мундиры, чего прежде не было; въ нѣкоторыхъ городахъ построены были новыя зданія присутственныхъ мѣстъ; городъ Тамбовъ выстроенъ по новому плану; основаны были приказъ общественнаго призрѣнія и банкъ и вообще началось болѣе правильное губернскае устройство, результатомъ котораго была между прочимъ сравнительная безопасность для проезжихъ на большихъ дорогахъ, чего до Каменскаго у насъ не было. Выѣстъ съ гражданственностію постепенно стала развиваться у насъ и промышленность, конечно, не столько фабричная, сколько сельско-хозяйственная. Такъ, во время извѣстнаго Крымскаго путешествія Екатерины II-й, для котораго потребовалось лошадей 41,800, выставленныя отъ Тамбовской губерніи лошади, въ количествѣ 1423-хъ, оказались наиболѣе красивыми, выносливыми и рысистыми... Впрочемъ, Тамбовское коневодство прославилось еще въ 1710 году, когда Петръ I-й *за лучшими лошадьми* для кавалеріи посылалъ ремонтеровъ именно въ Тамбовскую провинцію; и сюда же, для лучшей выкормки, высылалъ конскіе табуны изъ подъ Москвы и Азова...

Кромѣ того въ описываемое нами время нѣтъшніе сѣверныя Тамбовскіе уѣзды славились еще своею мѣховою

¹⁾ *Примѣчаніе.* Со ста душъ брали по 2 человека.

торговлею, лѣснымъ и медовымъ промысломъ. Въ Спасскихъ торговыхъ книгахъ заключается слѣдующее любопытное указаніе на пушной товаръ и его цѣны около половныи прошлаго вѣка: куплено кунцомъ Журавлевымъ 13,000 зайцевъ по 30 рублей за тысячу, 100 лисецъ по 8 рублей за десятокъ, 20 волковъ по 12 рублей за десятокъ, 200 кошекъ по 3 рубля за сто, 100 горностаевъ—10 рублей сто и хорей бѣлыхъ, цѣна 3 рубля; да бѣлокъ зеленыхъ и бѣлыхъ 12,000 по 20 рублей за тысячу; да онъ же Журавлевъ купилъ мерлушки черной и бѣлой 20 рублей тысяча».

Пошлинъ съ купца Журавлева взято 38 рублей 47 копѣекъ.

Темниковско-Спасскій край издавна былъ богатъ лѣсомъ, краснымъ и чернымъ, и тамошніе русскіе и инородческіе обыватели усиленно занимались бортнымъ промысломъ и имѣли много пчельниковъ, наприм. у одного Темниковскаго помѣщика майора Ертова въ 1755 году на одномъ *пчельномъ заводѣ* было болѣе 4000 ульевъ. ¹⁾ Медовая торговля сосредоточивалась въ самомъ городѣ Спасскѣ и была довольно значительна, какъ это видно изъ слѣдующей торговой записи: «Московскій купецъ Бѣлозеровъ купилъ на Спасскомъ торгу меду—сырца на 280 рублей 200 пудъ. А пошлины платилъ 24 рубля 50 копѣекъ и оный медъ отпущенъ до Москвы и дана тому Бѣлозерову зачетная выпись».

Въ медовой Спасской сторонѣ много было также красного и бѣлаго воску, который продавали въ половинѣ прошлаго столѣтія въ Москву по 6 рублей 50 копѣекъ пудъ. Тамъ же валили крупныя сосновые бревна и продавали ихъ на Донъ по 5 рублей десятокъ...

Но особенно на нашихъ Тамбовско-Шацкихъ рынкахъ было изобиліе хлѣба, щетины, кожъ, сала, дегти и смолы. Щетина продавалась въ половинѣ прошлаго вѣка по рублю

¹⁾ Изъ дѣлъ Тамб. историч. архива.

пудъ, а яловочныя кожи по 5 рублей за сто, деготь продавали по 20 копѣекъ за ведро и сало-сырецъ по 60 копѣекъ за пудъ.

Тѣмъ не менѣе наша промышленная культура въ прошломъ столѣтіи вообще была крайне бѣдна и выражалась единственно въ изготовленіи толстыхъ сукопъ, желѣза и чугуна, спирта, коневыхъ и бараньихъ голицъ и въ рогожныхъ издѣліяхъ (последніи по 2 рубля 60 копѣекъ за сто). Этотъ послѣдній товаръ отправляли на Оку и Волгу.

Всѣ эти указанная нами прямыя и косвенныя заслуги М. Ѳ. Каменскаго представляются намъ тѣмъ болѣе рельефными, что онъ, прибывши въ нашъ край, долго не имѣлъ добросовѣстныхъ сотрудниковъ. Это видно изъ слѣдующаго письма его къ князю и генералъ-прокурору А. А. Вяземскому: «У насъ идетъ здѣсь одна форма. Ассесоръ казенной палаты Хлюпинъ почти всегда пьянъ. Таковой же и Рязанскій ассесоръ: онъ ко мнѣ въ первый разъ эдакъ пожаловалъ. Вотъ наши помощники! Пришлите мнѣ прокурора верхняго земскаго суда, изберите его сами... Любите меня; я, право, мужикъ изрядный».

Впоследствии графъ Каменскій сумѣлъ справиться съ мѣстными чиновниками и писалъ уже князю Вяземскому на эту тему въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «а мои сослуживцы жалованье берутъ не даромъ, ибо я неустройства по Тамбову усмирялъ и укрощалъ».

Въ концѣ 1785 года графъ Каменскій оставилъ должность генералъ-губернатора Рязанскаго и Тамбовскаго на мѣстничествѣ, и край нашъ, безъ сомнѣнія, въ свое время сильно пожалѣлъ объ этомъ. Даже въ церковныхъ дѣлахъ сказалось отсутствіе Каменскаго. Вотъ что доносилъ консисторіи въ 1786 году Шацкій протопопъ Даниилъ Михайловъ: «въ обращеніи пновѣрцевъ въ текущемъ году никакого успѣха не послѣдовало; потому что къ слушанію слова Божія Мордва собирается не по прежнему, а самымъ малымъ числомъ и одинъ почти мужскаго пола старшіе люди, а молодые и жены ихъ къ оному не приходятъ. Да и тѣ

обыватели, которые считались христіанами, но являются къ исповѣди и причастію...¹⁾

Пресмыикомъ графа М. Ѳ. Каменскаго по управленію Рязанскимъ и Тамбовскимъ намѣстничествами былъ графъ П. В. Гудовичъ, извѣстный между прочимъ своею враждою къ Г. Р. Державину и изгнавшій его изъ Тамбова при помощи вице-губернатора Ушакова и прокурора Огарева.

Просвѣтительное вліяніе Екатерининской эпохи выразилось у насъ между прочимъ въ постепенно возрастающемъ количествѣ людей истинно просвѣщенныхъ. Не прекращая ближайшихъ и сердечныхъ отношеній къ своему отечеству, которое они любили нелицемѣрно, но въ то же время такъ сказать критическою любовью, тѣ люди горячо стремились къ западу и къ его свѣтлымъ и гуманнымъ идеямъ, освѣжая такимъ образомъ родную атмосферу болѣе здоровыми началами... Такъ въ 1791 году Тамбовскій помѣщикъ Иванъ Васильевичъ Вышеславцевъ, имѣя 25 лѣтъ отъ роду, пренебрегъ всѣми своими хозяйственными, семейными и служебными интересами и поѣхалъ въ Берлинскій университетъ учиться. Слушая профессорскія лекціи, Вышеславцевъ въ то же время неутомимо переводилъ на русскій языкъ *Флоріана*. Подлинникъ его переводовъ въ рукописи хранится у одного изъ его внуковъ, Л. В. Вышеславцева. Къ несчастію, нашъ талантливый и трудолюбивый соотечественникъ, о которомъ Берлинскіе профессора отзывались съ полнымъ сочувствіемъ, неожиданно умеръ въ 1794 году, въ Берлинѣ. Но любовь къ литературѣ въ извѣстной степени сдѣлалась въ его родѣ фамиліною и безъ всякаго сомнѣнія нашъ извѣстный писатель, А. В. Вышеславцевъ, вдохновлялся примѣромъ своего замѣчательнаго дѣда...

Еще симпатичнѣе Вышеславцева представляется намъ другой Тамбовскій гражданинъ, Шацкій помѣщикъ и дѣйствительный камергеръ, Александръ Ѳедоровичъ Талызинъ. Въ бурную Пугачевскую эпоху, когда со стороны крестьян-

¹⁾ Арх. Тамб. губ. правл. № 657.

ства совершилась масса извѣстныхъ злодѣяній относительно дворянъ, а потомъ началось грозное правительственное возмездіе, великодушный нашъ соотечественникъ отнесся къ своимъ замучившимся крестьянамъ съ христіанскимъ всепрощеніемъ. Крестьяне его, по приказанію старосты Федотова, *ходили въ лѣса для ловли дворянства и разную добычу денежную въ тѣхъ лѣсахъ дѣлили*; слѣдовательно заслуживали тяжелой кары. И дѣйствительно судъ приговаривалъ ихъ кого къ сѣченію плетью и къ каторгѣ, кого вмѣстѣ съ старостой къ повѣшенію... Но добрый помѣщикъ, руководствуясь христіанскими правилами и опираясь *на великодушіе всемилосердой Монархини*, сталъ ходатайствовать за своихъ увлеченныхъ крестьянъ, за своихъ *сиротъ*... И многіе крестьяне только по его ходатайству спаслись отъ заслуженнаго наказанія.

Просвѣтительныя и гуманныя идеи въ средѣ нашихъ интеллигентныхъ людей, развивались и въ слѣдующемъ поколѣніи. Всѣхъ выразителей этихъ идей мы не знаемъ. Память объ нихъ выясняется постепенно. Въ данномъ случаѣ мы останавливаемся на Николаѣ Ивановичѣ Кривцовѣ. При Александрѣ 1-мъ онъ былъ любимымъ царскимъ флигель-адъютантомъ и послѣ отечественной войны сопровождалъ государя во всѣхъ его походахъ. Во время Лейпцигской битвы у Кривцова была оторвана нога и онъ вынужденъ былъ оставить военную службу. Впослѣдствіи Кривцовъ былъ Воронежскимъ губернаторомъ, на этомъ посту мужественно воевалъ съ чиновными взяточниками, изъ которыхъ двухъ совѣтниковъ онъ даже прибилъ палкою въ присутствіи губернскаго правленія, и за это былъ переведенъ въ другую губернію, кажется Казанскую. Въ началѣ царствованія императора Николая 1-го Николай Ивановичъ почему-то попалъ въ опалу и навсегда удалился въ свое Кирсановское имѣніе, въ село Любичи, въ 40 верстахъ отъ уѣзднаго города.

Мы обратили особенное вниманіе на Николая Ивановича Кривцова потому, что онъ былъ замѣчательно гуманнымъ и образованнымъ человѣкомъ. Оба эти свойства выражены

были имъ въ обширномъ и обстоятельномъ проэктѣ объ освобожденіи вѣрстныхъ крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ. Проэктъ относится къ 1820 году и доселѣ нигдѣ еще не напечатанъ ¹⁾. Къ сожалѣнію, Кривцовъ, слѣдуя направленію Екатерининской эпохи, отличался крайнимъ вольтерьянствомъ. Не скрывая своихъ антирелигіозныхъ убѣжденій, онъ еще при жизни своей приказалъ приготовить для себя могильную плиту съ такою оригинальною и самоувѣренною надписью: «non timeo, non credo».

Довольно обширная біографія Николая Ивановича Кривцова составлена однимъ изъ его Тамбовскихъ друзей—Я. Н. Сабуровымъ. Въ настоящее время она находится въ распоряженіи издателя «Русскаго Архива», П. Н. Бартенева.

Мнѣ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ и еще о двухъ мѣстныхъ дѣятеляхъ: коллежскомъ ассессорѣ Метлинѣ, бывшемъ Кадомскомъ воеводѣ, и о капитанѣ Нестеровѣ. Оба они, по собственному почину, ревностно занимались географическимъ изученіемъ мѣстнаго края и составили *Тамбовскій географическій реэстръ*. Къ сожалѣнію, объ ихъ жизни мы ничего не знаемъ и потому поневолѣ ограничиваемся только указаніемъ на ихъ почетную дѣятельность.

Считаю не лишнимъ упомянуть здѣсь и еще объ одномъ мѣстномъ сравнительно просвѣщенномъ дѣятелѣ. Это нѣкто землемѣръ Каандауровъ, славившійся въ свое время ораторствомъ. Его ораторство, конечно, самаго невысокаго достоинства, но около эпохи открытія нашего намѣстничества и оно имѣло свою цѣну.

Привожу здѣсь одну рѣчь Каандаурова, сказанную имъ 16 декабря 1781 года по случаю вторичнаго избранія, съ открытія намѣстничества, мѣстныхъ дворянъ на общественныя дворянскія должности.

«Сколь многолюдны бывали въ древности при наступленіи олимпическихъ истеченій собранія, то довольно свѣ-

¹⁾ Намъ обѣщали достать проэктъ Кривцова и тогда мы постараемся его напечатать.

домо каждому; ибо чѣмъ знатнѣе и значеннѣе былъ кто либо, тѣмъ паче желалъ оказаться отмѣненъ въ обществѣ при томъ великомъ всея Греціи торжествѣ. Но Богомъ избранныя и превознесенныя владычествовать монархини нашей, матери отечества, испобѣдимы въ войнѣ и милосердіи Екатерины — установленія, по трехъ годичномъ истеченіи времени, собрали насъ по подобію древнихъ Греческихъ обычаевъ къ свидѣтельству жизни, порядка поведеній и соблюденія должности именитаго и благороднаго дворянства. Хранившій осторожно правосудіе избранный судія ожидаетъ благодарности отъ избравшихъ его. Не меньше жъ и тотъ, кто избралъ, чувствуетъ удовольствія, что поручалъ жребій судьбы своихъ совершенному по божественнымъ ея величества уставамъ правосудія хранителю. Но виновницѣ стеченія нашего за все ея ежедневно, ежечасно и ежеминутно изливаемыя щедроты кто, не наведя на себя божественнаго гнѣва, не долженствуетъ принести чувствительныя благодарности, которая по истинѣ не можетъ быть сокрыта и удержана во внутренности сердца... И, будучи изъ числа дворянъ нашего намѣстничества, хотя и не имѣю дара витійства, но отъ усердія и ревности пылая — поставлю за священный долгъ лучше слабо изъяснить святость и пользу общественныхъ избраний, нежели въ молчаніи пропустить столь удобный случай къ принесенію достойной и праведной благодаренія жертвы».

Далѣе авторъ, служащій по нашему мнѣнію, типичнымъ выразителемъ льстиваго, самодовольнаго XVIII вѣка, слегка похваливаетъ Петра, положившаго *только основы благоденствія Россіи*. Затѣмъ съ новою силою восклицаетъ: «возможно ль прославить по достоинству великую Екатерину, совершившую счастье наше и возведшую насъ на высшую благоденствія степенъ; и не прямо ль чувствуемъ мы златой вѣкъ, управляя собою? Уже 15 лѣтъ прошло, какъ пользуемся мы избираниемъ изъ среды нашей предводителя, коему наша и женъ и дѣтей нашихъ поручена судьба къ защищенію отъ нападающихъ... Сколько чрезъ учрежденіе

совѣстныхъ судовъ получаемъ мы выгоды! Того никто довольно выразить не въ силахъ. Но меньшую жъ предводителя пмѣть важность и дворянскій засѣдатель, ибо поставленъ онъ предстателемъ малогласной бѣдности. И уѣздный судья избирается не къ совершенному ль нашему благополучію? Ибо онъ примиряетъ тяжущихся и изыскиваетъ гнусность тяжёлой жизни. Земскому исправнику долженствуемъ мы вручить судьбу, поставя его хозяиномъ всего того, что пмѣемъ».

Ораторъ, довольно утомившись въ похвалахъ Екатерины II и ея учрежденіямъ, послѣ короткой остановки, съ высренней похвалою отнесся и къ генералъ-губернатору Каменскому: «а въ прошлую войну не дознали ль мы, сказалъ онъ,—что неутомимый правитель здѣшней генералъ-губернаторской должности заслужилъ отъ воиновъ совершенную любовь, а отъ сыновъ Россійскихъ великую похвалу и благодарность. И мы, точно подражая ему, вручимъ жребій судьбъ своихъ людямъ свѣдущимъ законы и трудолюбивымъ, старостію и болѣзнями не удрученнымъ».

Здѣсь Каандауровъ снова возвращается къ похваламъ Екатерины II: «и размноженіе всероссійскаго народа преизобильно произведено ею же чрезъ вызовъ изъ другихъ государствъ и поселеніе въ Россіи иностранцевъ. Не усугубляется ли оное и чрезъ спасительное соблюденіе многихъ тысячъ несчастно-рожденныхъ? Несчастно-раненому и чрезъ многіе годы служившему воину по установленію инвалидныхъ командъ отнынь не страшны болѣзни ранъ и старость. Спасительное учрежденіе приказовъ общественнаго призрѣнія не подаетъ ли сладчайшаго унованія всѣмъ бѣднымъ, что они въ болѣзняхъ и нуждахъ благостію великія Екатерины никогда не будутъ оставлены? Отмѣнныя преимущества купечества не нудятъ ли и самыхъ лѣтнихъ къ трудолюбію и прилежанію въ распространеніи торговли?»

Рѣчь оканчивается молитвеннымъ воззваніемъ: «Всеблагій Творецъ вселенныя, огради нашу государыню всеспільною десницею твоею. На изливающую столь щедро благодаренія

на вѣрноподанныхъ излей на насъ таковыя сугубо, соблюди и сохрани ее; и чѣмъ сугубѣе милосердіемъ твоимъ увѣнчаваться будетъ матеръ отечества нашего, тѣмъ паче будемъ мы прензобиловать въ благоденствіи».

Самобытная и сильная умственная жизнь въ описываемое время проявлялась у насъ также и среди крестьянства и выражалась между прочимъ въ замѣчательныхъ опытахъ технической смѣлности. Для примѣра указываю на Моршанскаго крестьянина Дмитрія Петрова, который съ конца прошлаго столѣтія занимался у насъ содержаніемъ плотничьихъ артелей. Онъ-то и удивлялъ весь Моршанскъ слѣдующимъ своимъ искусствомъ.

Прихожане Моршанской Никольской церкви пожелали выстроить каменную церковь, вмѣсто прежней деревянной. Но такъ какъ эта деревянная церковь была еще крѣпка, къ тому же отличалась хорошимъ устройствомъ, то прихожанамъ жаль было ломать ее, и они порѣшили сдвинуть ее съ мѣста, чтобы очистить площадку для новой церкви. Патентованный механикъ, какой-то иностранецъ, запросилъ за это такую большую цѣну, какой никакъ нельзя было дать ему. Въ это время неожиданно является съ своими услугами Дмитрій Петровъ. За 250 рублей онъ взялся сдвинуть деревянную церковь съ мѣста. Начались приготовленія. Подъ церковь подвели толстыя бревна и посредствомъ земляной насыпи слегка ее приподняли. Послѣ этого сдѣлали подъ церковію новый бревенчатый фундаментъ, въ родѣ *милитей*, а подъ бревнами устроили катки. Вся церковь была опутана канатами и по угламъ скрѣплена желѣзными болтами. Когда все было готово, Дмитрій Петровъ попросилъ священника, чтобы звонили въ большой колоколъ. На благовѣсть собрался народъ. Нѣкоторые вошли въ церковь и стали молиться, другіе же остались за стѣнами церкви. И вотъ Моршанскимъ гражданамъ представилась слѣдующая картина. Церковь, наполненная молящимися, оглашаемая пѣніемъ и колокольнымъ звономъ, повинуюсь сотнямъ рукъ рабочихъ—сдвинута была

съ прежняго своего мѣста на 42 аршина и во время этого движенія только крестъ на верху церкви слегка колебался ¹⁾...

И такъ край нашъ понемногу, но безостановочно шелъ впередъ. Одинъ за другимъ являлись у насъ дѣятельные, талантливые и властные люди и понемногу подвигали они косную массу къ лучшимъ формамъ общежитія. Въ слѣдующей главѣ мы намѣрены сказать нѣсколько словъ о двухъ такихъ полезныхъ мѣстныхъ дѣятеляхъ: объ архіереяхъ Теофилаѣ и Іонѣ. Въ первомъ своемъ выпускѣ я уже отчасти говорилъ о нихъ. Здѣсь dokonчу недоконченное.

¹⁾ «Русская Старина» за 1876 годъ, янв. стр. 219—220. Наша записка.

Тамбовская епархія временъ епископовъ Теофила и Юны.

1788—1821 гг.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію внутренняго быта Тамбовской епархіи во времена епископа Теофила, мы кратко познакоимъ читателей съ тѣми біографическими фактами, которые относятся къ нашему достопамятному владыкѣ.

Епископъ Теофілъ (Раевъ) родился въ нѣмѣнской Черниговской губерніи, въ Глуховскомъ или въ Новгородсѣнерскомъ повѣтѣ. Дѣтство его прошло въ самой нищенской обстановкѣ: до 18-ти лѣтняго возраста онъ не имѣлъ обуви и являлся въ церковь и въ архіерейскую школу въ затрапезномъ халатѣ. Поэтому надо думать, что воспитанникъ Раевъ былъ съ самаго ранняго дѣтства сиротою. Впоследствии мы встрѣчаемъ его учителемъ поэзіи въ Новгородской семинаріи. Съ 4-го октября 1770 года онъ уже іеромонахъ и префектъ той же семинаріи. Въ іюль 1774 года Теофілъ въ санѣ архимандрита назначается Новгородскимъ Ректоромъ. Черезъ 8 лѣтъ онъ настоятель Новгородскаго Хутынскаго монастыря, а въ апрѣль 1787 года его рукоположили въ епископа Старорусскаго, Новгородскаго викарія. 6 мая 1788 года преосвященный Теофілъ назначенъ на епископскую кафедру Тамбовскую и Пензенскую, по смерти епископа Θεодосія Голосицкаго оставшуюся вакантною, и въ августъ того же года прибылъ въ Тамбовъ. Скончался епископъ Теофілъ 22-го декабря 1811 года отъ апоплексичес-

баго удара. Могила его находится въ главной церкви Тамбовскаго Базанскаго монастыря у южной стѣны ¹⁾).

Тамбовская епархія передъ прїѣздомъ преосвященнаго Теофила находилась въ полномъ упадкѣ. Бѣдность причтовъ доходила до крайности. Священники ходили по приходамъ въ лантихъ, полушубкахъ и посконныхъ рубахахъ, и только немногіе изъ нихъ имѣли возможность въ торжественные дни надѣвать нанковыя ряски. Жили они въ простыхъ, большею частію курныхъ, избахъ и въ бытовомъ отношеніи почти вовсе не отличались отъ убогаго и невѣжественнаго крестьянства. Нѣкоторые приходы по ихъ бѣдности не могли содержать полныхъ причтовъ. Для примѣра беремъ Кадомскій соборный приходъ. Въ 1786 году при Кадомскомъ городскомъ соборѣ состоялъ одинъ протопопъ Андрей Гавриловъ; діакона, дьячка и пономаря не было. Слѣдовательно почтенный протоіерей и на клиросѣ пѣлъ, и за діакона эктениі говорилъ, и, можетъ быть, даже на колокозвонѣ звонилъ. Да и одному протопопу плохо было жить въ приходѣ, потому что на его долю назначено было только 72 двора, обитатели которыхъ сами не всегда были сыты и одѣты.

Указанный нами приходъ былъ далеко еще не самый плохой въ Тамбовской епархіи. Это видно изъ слѣдующаго краткаго консисторскаго описанія, относящагося къ началу 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

«Шацкаго уѣзда, Ломовицкаго заказу, села Малаго Гагарина церковь Благовѣщенія, а при ней состоитъ попъ,

¹⁾ *Примѣчаніе.* По смерти Теофила осталось множество книгъ духовнаго содержанія, преимущественно на латинскомъ и греческомъ языкахъ и денегъ 34 тысячи рублей, не считая растащенныхъ послушниками и консисторскими чиновниками. Книги, по завѣщанію, поступили въ семинарскую бібліотеку, а деньги достались наслѣднику преосвященнаго, родственнику его, дворянину Камардину, и частію завѣщаны были епархіальнымъ вдовамъ и сиротамъ и служителямъ архіерейскаго дома. Несомнѣнно, Теофилъ былъ весьма богатымъ епископомъ. Это видно между прочимъ изъ того, что по смерти преосвященнаго въ его погребѣ нашли 3000 бутылокъ разныхъ винъ.

дьяконъ, дьячекъ и пономарь и на ихъ долю дворовъ приходскихъ значится 54».

Были въ Тамбовской епархіи и такъ называемые хорошіе приходы, но и отъ нихъ прибыло было мало. Въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія лучшими сельскими приходами считались между прочимъ села Матчерка, Рязь и Моршка. Въ первомъ приходскихъ дворовъ было 138, *нашею церковной земли 20 четвертей въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣнныхъ покосовъ 20 копенъ*. Въ Матчерскомъ приходѣ по штату полагалось 2 священника, 1 дьяконъ, 2 дьячка и 1 пономарь.

Остальные два села описаны въ консисторскихъ документахъ такъ: «Село Рязь. Въ немъ 87 дворовъ, земли 20 четвертей въ полѣ и сѣнныхъ покосовъ 15 копенъ. А поповъ 2, еще дьяконъ, дьячекъ и пономарь». — Село Моршка. Въ ономъ селѣ 83 двора и остальное все, какъ въ Рязѣ».

Бѣдное Тамбовское духовенство въ описываемое время отличалось еще крайнимъ невѣжествомъ. Правда, незадолго до прибытія въ Тамбовъ Теофила основана была мѣстная духовная семинарія, но она долго не могла и сама какъ слѣдуетъ устроиться и вслѣдствіе этого ея вліяніе на епархію выражалось весьма медленно и слабо. Многіе Тамбовскіе священники прошлаго столѣтія съ трудомъ поднимали свои имена и читали плохо. Неудивительно поэтому, если нѣкоторые причты подавали въ консисторію заявленія слѣдующаго наивнаго содержанія: «въ праздникъ Флора и Лавра, писалъ въ 1770 году причтъ села Горѣлаго, — вбѣжалъ въ церковь въ несъемъ видѣ нечистый духъ и отъ сего пришли мы въ великое сумиѣніе, но какъ оградили себя крестнымъ знаменіемъ и уповали на милость Божію, то неизвѣстно куда оное привидѣніе пропало»¹⁾.

Въ 1726 году въ священники Тамбовскаго села Иншакова поставленъ былъ дьячекъ Сила Алексѣевъ. Предвари-

¹⁾ Арх. Тамб. дух. консист. № 247-й.

тельно его проэкзаменовали въ Воронежѣ и вотъ какую резолюцію далъ епископъ Іосифъ послѣ экзамена: «у слушанія въ книжномъ чтеніи оный Алексѣевъ явился неумѣющъ; велѣть ему выучить заповѣди и святыя таины». И этотъ-то экзаменъ признанъ былъ удовлетворительнымъ ..

Бѣдное и невѣжественное Тамбовское духовенство, разумѣется, не имѣло почти никакого авторитета въ обществѣ, тѣмъ болѣе, что сами епархіальныя власти относились къ нему съ крайнимъ пренебреженіемъ. Нерѣдко Тамбовская консисторія посылала кого нибудь изъ своихъ приставовъ *искать* нужнаго ей по какому нибудь *сумнительному* дѣлу приходскаго священника. Приставъ, т. е. простой сторожъ, ѣхалъ въ приходъ, заковывалъ тамъ священника въ кандалы или колодки и въ такомъ позорномъ видѣ, къ крайнему соблазну всѣхъ приходскихъ людей, отвозилъ его къ духовному начальству. Члены консисторіи допрашивали подсудимаго и въ большинствѣ случаевъ до поры до времени *сѣжали* его *въ цѣль со ступомъ*. Если же дѣло доходило до самого преосвященнаго, то приходскому пастырю случалось испытывать и извѣстныя отеческія внушенія. Въ особенности любилъ кулачную расправу Тамбовскій епископъ Пахомій, управлявшій нашею епархіею въ 50-хъ и 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Нѣсколько замѣчаній объ этомъ суровомъ владыкѣ высказано нами въ 1-мъ выпускѣ.

Велѣдъ за епархіальнымъ начальствомъ и все общество обыкновенно относилось къ причтамъ съ крайнею грубостію, о чемъ могутъ свидѣтельствовать приводимые ниже факты.

7 декабря 1770 года въ селѣ Мансыревѣ, Кадомскаго уѣзда, собралась по случаю какого-то праздника церковники Егоръ, Димитрій и Тимофей; съ ними была и сестра ихъ Марья. На утро они думали возвратиться домой, между тѣмъ ночью вотъ что съ ними произошло. Неожиданно явились къ нимъ въ избу дворовые помѣщика Дивѣева, перевязали ихъ и отвезли къ барщину. И стали съ тѣхъ поръ беззащитные церковники ходить на барщину наравнѣ

съ Дивѣевскими крѣпостными, а сестру ихъ помѣщикъ насильно выдалъ замужъ за одного своего двороваго ¹⁾...

Случай такого грубаго самоуправства относительно лицъ духовнаго происхожденія былъ далеко не единственный. Въ теченіе всего XVIII столѣтія священнослужительскихъ дѣтей рѣдко произвольно записывали въ подушный окладъ и отдавали въ солдаты. Причты были въ совершенной зависимости отъ помѣщиковъ и отъ приказныхъ. Тѣ и другіе называли приходскія церкви *своими* и распоряжались въ нихъ *по усмотрѣнію*.

Мы пропускаемъ многочисленные извѣстные намъ факты грубаго, кулачнаго насилія надъ духовными лицами, терпѣвными самыя тяжкія оскорбленія не только отъ помѣщиковъ, но и отъ ихъ дворовой прислуги. Странно, нелѣзно, но было такъ: какой нибудь барскій камердинеръ или приказчикъ изъ крѣпостныхъ считали себя *выше* приходскаго священника и на этомъ основаніи третировали его свысока. Оскорбляемымъ священникамъ, защищаясь, приходилось иногда обращаться къ покровительству тайной канцеляріи и тѣми самыми устами, которыя произносили въ церкви: миръ вамъ—выкрикивать: слово и дѣло ²⁾).

Нѣкоторые прихожане Тамбовской епархіи о нравственномъ достоинствѣ своихъ пастырей имѣли самое грубо-наивное представленіе и вслѣдствіе этого винили ихъ иногда за то, за что слѣдовало бы хвалить. Такъ напримѣръ, однодворцы села Байгоры, Усманскаго уѣзда, серьезно жаловались епархіальному начальству на своего приходскаго священника Ефима Иванова: «нашъ новый попъ хуже стараго, съ нами не сообщается и въ кабакъ не ходитъ, вина самъ не пьетъ и намъ не подноситъ» ³⁾).

При такихъ бытовыхъ условіяхъ нравственныя качества нашего приходскаго духовенства въ прошломъ столѣтіи рѣдко

¹⁾ Дѣло объ этомъ хранится въ арх. Тамб. дух. консисторіи. Оно безъ №.

²⁾ Арх. Тамб. дух. конс. № 238-й; за ноябрь 1760 года.

³⁾ Арх. Тамб. дух. конс. № 74-й.

принимали должное направлѣніе. Поэтому мѣстный консисторскій архивъ переполненъ массами слѣдственныхъ дѣлъ самаго криминальнаго свойства. Вѣроятно, то же самое и въ другихъ консисторскихъ архивахъ, но я говорю только о Тамбовскомъ. Обилію криминальныхъ консисторскихъ дѣлъ содѣйствовало также и то обстоятельство, что наши приходскіе отцы любили о своихъ неурядкахъ увѣдомлять епархіальное начальство въ болѣе или менѣе прѣстранныхъ *доносахъ*. Такимъ образомъ оказывается, что опыты нашей новѣйшей отреченной литературы, т. е. литературы доносовъ и наускиваній, практиковались уже давно... Впрочемъ Теофилъ не потакалъ кляузнической литературѣ и наиболѣе виднымъ представителямъ ея дѣлалъ *собственноручныя* внушенія, не исключая въ этомъ случаѣ изъ района своей дѣятельности и самихъ священнослужителей...

Вступивъ въ управленіе такою неблагоустроенною епархією, епископъ Теофилъ сразу понялъ это и горячо принялъ къ сердцу и до конца своей многотрудной службы велъ неустанную борьбу съ епархіальными пороками и не совершенствами. Теофилъ больше дѣйствовалъ силою своей архипастырской власти и особенное вниманіе обращалъ на исправленіе вѣтшнихъ епархіальныхъ безпорядковъ. Это былъ примѣрный епархіальный администраторъ-хозяинъ.

Прибывъ въ Тамбовъ изъ Новгорода, богатаго знаменитыми древними храмами, преосвященный Теофилъ пораженъ былъ крайнею бѣдностію Тамбовскихъ церквей. Кафедральный соборъ разваливался; Казанскій монастырь былъ въ такомъ состояніи, что многія зданія его отъ ветхости погнулись. Почти тоже надобно сказать и относительно приходскихъ церквей. Про одну изъ нихъ, Христорождественскую, городской благочинный такъ доносилъ новоприбывшему епископу: «оная церковь въ Тамбовѣ весьма ветхая и деревянная и колокольная при ней пришла въ такое горестное состояніе, что при входѣ на нее причетниковъ для благовѣста или звона вся шатается, особенно при большихъ вѣтрахъ совершенно бываетъ къ паденію близка». При

этомъ слабость надзора за церковнымъ имуществомъ была такова, что въ одной церкви города Тамбова *неизвѣстными людьми украли ось колокола*. Въ то же время многіе священники уклонялись отъ церковной службы и нерѣдко городскихя и сельскія церкви Тамбовской епархіи *стояли безъ пѣнія*. Это чаще всего бывало въ городѣ Козловѣ. «Между другими города Козлова священниками, говорится въ одномъ конспиторскомъ документѣ описываемаго времени, — было къ намъ, къ стыду церкви, объясненіе о священникѣ Архангельскомъ, который во всю осень никакой службы въ церкви не чинилъ къ величайшей досадѣ прихожанъ» ¹⁾.

Болѣе всего епископъ Теофілъ смущенъ былъ монастырскими безпорядками, которые дѣйствительно были замѣчательны, что видно изъ слѣдующаго любопытнаго доношенія іеромонаха Вышенской пустыни Авраамія.

«Въ прошлыхъ годѣхъ, писалъ онъ Теофілу, — присланъ къ намъ въ ножныхъ желѣзахъ іеродіаконъ Николай и онъ, снявъ съ себя показанныя желѣза, живетъ въ обители не смирно и всякій церковный доходъ похищаетъ. Невѣдомо куда исалтырь съ часословомъ продалъ. Воску во обитель святую подаютъ и оный воскъ онъ Николай укралъ. Такожде которые подаютъ убрусы и онъ Николай оными убрусамн подносывается, а когда въ церковь Божию придетъ, тоцію мятежъ дѣлаетъ и бьетъ всѣхъ насъ смертно. Монаха Трифілія билъ спешши рубаху кнутомъ и у монаха Филарета вышибъ глазъ. Да онъ же Николай именуется у насъ строителемъ безъ указу и монастырскими доходами корытуется одинъ; земли и луга монастырскіе отдастъ въ наемъ безъ братскаго нашего приговору, а деньги беретъ самъ и намъ на свитки и ряски ничего не даетъ, да онъ же держитъ монастырскій перевозъ, да имъ же Николаемъ дана вкладная книга и по оной книгѣ собрано 40 рублей. Въ монастырѣ онъ ничего не строитъ и монастырь разорилъ весь и насъ моритъ голодною смертію: дни по три и больше ѣдимъ безъ соли» ²⁾.

¹⁾ Арх. Тамб. дух. конс. № 36, 116.

²⁾ Арх. Тамб. дух. конс. № 375.

Послѣ того какъ собраны были обстоятельныя свѣдѣнія о всѣхъ Тамбовскихъ епархіальныхъ *безобразіяхъ, подобныхъ которымъ въ другихъ епархіяхъ omnino не водится* (слова Теофила), приступлено было къ вышнему благоустройству епархіи. Теофилъ немедленно и весьма искусно началъ собирать деньги съ разныхъ благотворителей, дополняя епархіальную кассу многочисленными штрафами съ провинившихся причтовъ и добровольными приношеніями со стороны тѣхъ духовныхъ лицъ, которыя желали получить какую нибудь награду. Результатомъ этихъ финансовыхъ операций было то, что важнѣйшіе храмы города Тамбова, а также и монастыри епархіи, вскорѣ стали неузнаваемы. На мѣстѣ ветхихъ деревянныхъ зданій появились зданія прочныя и каменныя. Въ городѣ Тамбовѣ быстро начали строить корпуса и флигеля духовной семинаріи, возводить второй этажъ кафедральнаго собора и заново отдѣлывать Казанскій монастырь съ архіерейскимъ домомъ и консисторією. Епископъ—хозяинъ любилъ *строиться*; поэтому Тамбовскіе жители часто видѣли своего архимонастыря на верхнихъ подмосткахъ возводимыхъ имъ построекъ. Ко всякой работѣ онъ внимательно присматривался и часто давалъ мастерамъ болѣе или менѣе дѣльные совѣты.

Между тѣмъ за епархіальнымъ духовенствомъ Теофилъ учредилъ самый строгій надзоръ, не чуждый иногда и доносовъ. Лица, пользовавшіеся архіерейскимъ довѣріемъ, стали постоянно доносить владыкѣ о самыхъ мелкихъ произшествіяхъ изъ епархіальной жизни. Такъ, отъ 9 ноября 1795 года Тамбовскій псаломщикъ Павелъ Федоровъ доносилъ ему: «сего ноября 8-го дня пѣвчій Михайла Пензенскій не былъ у всенощной, презрѣлъ архангеловъ и царскую службу, о чемъ Вашему Пресвященству и репортую».

На другой день въ консисторію сдана была слѣдующая резолюція: «пѣвчаго Пензенскаго посадить въ консисторіи на трое сутокъ на хлѣбъ и на воду и обязать его поднискою, чтобы онъ таковыхъ униженій не чинилъ».

22 ноября того же года псаломщикъ Федоровъ снова до-

посилъ: «сего 22 ноября показана царская манихида, а протодіаконъ Георгій у оной не былъ, въ чемъ и репортую по приказанію Вашего Преосвященства».

Вслѣдствіе этого доноса протодіаконъ, по архіерейской резолюціи, ходилъ по всѣмъ Тамбовскимъ церквамъ и въ каждой при народѣ клалъ по 25 поклоновъ ¹⁾.

Даже такія сравнительно высокопоставленныя епархіальныя лица, какъ архіерейскій казначей Аѳанасій, при случаѣ не избѣгали суровыхъ наказаній. 9 ноября 1795 года казначей былъ въ городѣ въ гостяхъ и немного заспѣлся тамъ. Архіерей узналъ объ этомъ и послалъ за нимъ послушника. Вѣроятно, послушникъ не совсѣмъ лестно аттестовалъ Аѳанасія, поэтому въ тотъ же день послѣдовало такое распоряженіе: «іеромонаха Аѳанасія увѣщевать въ консисторіи, а послѣ того велѣть ему положить въ градскихъ церквахъ по 50 поклоновъ на литургіи» ²⁾.

Города Демшинска священникъ Максимовъ въ нетрезвомъ видѣ вошелъ однажды въ свою приходскую церковь во время литургіи. Узнавши объ этомъ, Теофілъ послалъ за нимъ консисторскаго пристава и виновный представленъ былъ къ нему въ окопахъ... Послѣ того священника Максимова полтора года продержали въ одномъ монастырѣ на хлѣбѣ и водѣ и опредѣлили за тѣмъ на пономарскую вакансію ³⁾.

Въ 1801 году преосвященный Теофілъ началъ рѣшительно очищать Тамбовскіе монастыри отъ нетрезвыхъ и вообще порочныхъ монаховъ. Этому дѣйствию предшествовалъ слѣдующій архіерейскій циркуляръ, адресованный ко всей епархіальной монашеской братіи: «слухи доходитъ до насъ, что въ монастыряхъ пьянственные навыки и соблазну народа весьма усиливаются. Того ради велѣть настоятелямъ подъ опасеніемъ жестокаго сужденія отнюдь не допускать сей богомерзкой страсти усиливаться не только

¹⁾ Арх. Тамб. дух. конс. № 615.

²⁾ Тамъ-же, № 595.

³⁾ Тамъ-же, № 613.

между братією, но и между послушниками и служителями монастырскими. Сіе зло надлежитъ искоренять жестокими и неспособными мѣрами, а ежели кто и таковыми мѣрами ко исправленію явится упорствующимъ и непреклоннымъ, то таковыхъ безъ малѣйшей потачки и укрывательства представлять къ намъ».

Забываясь о благообразіи и благочиніи духовныхъ лицъ своей епархіи, Теофілъ сурово и нерѣдко самолично наказывалъ тѣхъ священниковъ, которые очень убого и неряшливо одѣвались; но особенному преслѣдованію подвергались съ его стороны люди нетрезвые. Этнихъ онъ не только неизбѣжно отрѣшалъ отъ мѣстъ, но и входилъ съ ними въ продолжительныя личныя объясненія...

Многіе священники Тамбовской епархіи въ 80 годахъ прошлаго столѣтія были такъ неопытны въ своемъ дѣлѣ, что не умѣли служить преждеосвященной литургіи. Это обстоятельство, конечно, не укрылось отъ зоркаго владыки и вызвало съ его стороны слѣдующій циркуляръ: «во многихъ епархіи нашей церквахъ священники во святую чотырдесятницу не только не служатъ преждеосвященныхъ литургій, но и понятія объ оныхъ не имѣютъ, что самое величайшимъ соблазномъ для народа боголюбиваго бываетъ, а для духовнаго чина порокомъ небреженія. И если какіе священники отселѣ не стануть служить преждеосвященной литургіи, то таковыхъ немедленно отсылать къ намъ».

Строгости Теофила, какъ и слѣдовало ожидать, вызвали противъ него крайнее неудовольствіе въ Тамбовскомъ духовенствѣ. Священникъ села Паревки Антонъ Васильевъ вслѣдствіе этого однажды публично выразился такъ: «мутило бы преосвященнаго владыку животомъ такъ, какъ онъ нами мутитъ»¹⁾. Слова эти дошли до архіерея и онъ приказалъ виновника немедленно доставить къ нему въ кандалахъ...

Теофілъ вообще требовалъ, чтобы въ его епархіи поддерживалась самая строгая дисциплина и чтобы клирики слу-

¹⁾ Арх. Тамб. дух. конс. № 155.

шались своихъ священниковъ-настоятелей. Между тѣмъ многіе дьячки и пономари оказывали священникамъ, по своей грубости, явное неповиновеніе. Таковыхъ ослушниковъ Тамбовскій владыка приказывалъ тѣлесно наказывать въ приходахъ. Это видно изъ многихъ его резолюцій, наприм. изъ слѣдующей: «дьячка Пикиту Васильева за неповиновеніе настоятелю и за разные непорядки при всѣхъ церковникахъ въ страхъ имъ подлѣ церкви наказать лозою».

За одно свойство Тамбовское духовенство особенно любило своего владыку, именно за то, что онъ, по возможности, не давалъ *своихъ* въ обиду и вступался за нихъ при случаѣ со всею силою архіерейскихъ полномочій и связей. Униженному нашему духовенству, вынужденному подобострастно относиться не только къ помѣщикамъ, но и къ ихъ старшимъ холодамъ, такая помощь была весьма кстати ¹⁾.

Ни для кого не тайна, что въ прежнія времена во многихъ епархіяхъ, въ томъ числѣ и въ нашей, архіерейская свита была немалую тягостію для духовенства. Пресвященный Ѳеофилъ обратилъ свое вниманіе и на это обстоятельство и цѣлымъ рядомъ болѣе или менѣе суровыхъ мѣръ поемному смягчилъ отношенія между архіерейскою свитою и епархіальнымъ духовенствомъ. Такъ, въ 1792 году Тамбовскій протодіаконъ Григорій Алексѣевъ, проѣздомъ въ Пензу для свиданія съ родственниками, *чинилъ по трикту съ священно-церковно-служителей незаконные денежные поборы и принужденно бралъ для себя подводы, а сверхъ сего продавалъ у нѣкоторыхъ священниковъ, кои должны были ему въ деньгахъ, ихъ дома безъ всякой оцѣнки* ²⁾. Обо всемъ этомъ доведено было до свѣденія епископа Ѳеофила и вотъ его резолюція: «за такую наглую и нахальную дерзость протодіакона объявить ему въ консисторіи выговоръ, обизавъ

¹⁾ *Примѣчаніе.* Въ какомъ черномъ тѣлѣ у насъ держали духовенство, это видно изъ того, что крѣпостной приказникъ Шацкого помѣщика Яковлева Талачиновъ титулованъ былъ своимъ приходскимъ священникомъ: Ваше Высочородіе...

²⁾ Арх. Тамб. дух. конс. № 33-й.

его подпискою всё кятки возвратить без задержанія и немедленно. Всё деньги внести ему въ консисторію, а консисторіи разослать оныя кому слѣдуетъ. Кроме того велѣть протодіакону положить по 100 поклоновъ въ Предтеченской церкви, въ Покровской и въ Соборѣ, подъ наблюдениемъ градекаго благочиннаго и консисторскаго канцеляриста».

Послѣ этого и подобныхъ взысканій воинственные набѣги на зануганное духовенство со стороны архіерейской свиты количественно и качественно ослабли. Правда, протодіаконы, иподіаконы, пѣвчіе, костыльщики, свѣщеносцы, даже кучеры и фореѣторы все-таки *брали*, но при этомъ *оглядывались* и довольствовались малымъ даніемъ...

До Теофила у насъ были довольно частые случаи возвращенія приходскихъ священниковъ въ расколъ. Они уходили изъ своихъ приходовъ *неведомо куда* и ихъ забывали и не преслѣдовали. Не то стало при Теофилѣ. Онъ тщательно разыскивалъ бѣглецовъ и возвращалъ ихъ, послѣ искусовъ и увѣщаній, въ православіе. Вотъ примѣръ. Священникъ села Несвицкаго Зиновій Ефимовъ убѣжалъ въ Иргизскій Воскресенскій монастырь къ старцу Прохору, прожилъ тамъ около 3-хъ лѣтъ, *упражнялся въ богослуженіи и разныхъ по священству требъхъ*, и думалъ вѣкъ свой свѣковать въ Заволажской гдѣшн. Но его мѣстопребываніе стало извѣстно Теофилу и Зиновій Ефимовъ представленъ былъ въ Тамбовъ...

Въ Тамбовской консисторіи о. Зиновій такъ рассказывалъ о своемъ вступленіи въ скитскую жизнь: «прежде всего старецъ Прохоръ приказалъ мнѣ ходить въ церковь и принимать, какъ старообрядческая служба производится. Это продолжалось четыре недѣли. Послѣ того всё Иргизскіе монахи собрались въ своей церкви и смотрѣли, какъ я исповѣдывался у бѣглаго пона Потанія Семенова, изъ Тамбовской епархіи. По окончаніи исповѣди, продолжавшейся *нарочито долго*, меня облачили въ ризы, и во всё священныя одежды, поставили передъ царскими дверями на амвонъ и велѣли читать книгу: изложеніе проклетія ересей. Я прочиталъ, что велѣли.

Тогда Потанин Семеновъ приступилъ ко мѣ и помазалъ меня масломъ на челѣ, щокахъ, поздрихъ, устахъ и ушахъ. Церемонія закончилась сугубою эктениєю.

Покаявшійся священникъ Зиновій Ефимовъ, не дождав-шись окончательнаго архіерейскаго суда, скоропостижно умеръ въ Тамбовѣ ¹⁾).

Современникъ о. Зиновія Ефимова, священникъ села Краси-вки Васильевъ, надѣлалъ Теофілу хлопотъ еще болѣе, такъ какъ вналъ въ ересь жидовствующихъ или субботни-ковъ и открыто проповѣдывалъ: «Христосъ не настоящій Богъ и родился отъ обыкновенной дѣвницы; пришествія Хри-стова не будетъ и воскресенія его не было». Въ домѣ этого священника собиравлись его единомышленники и вели ночныя бесѣды на разные библейскіи темы. «Слышно было, пока-зывали потомъ свидѣтели, — въ поповскомъ домѣ громкое пѣніе и большой ревъ». Васильевъ вздумалъ было совратить въ свою секту заштатнаго діакона своего прихода Петрова, но тотъ съ такою силою вцѣпился въ бороду своего иску-сителя, что его едва оттащили. Чѣмъ кончилось все это оригинальное дѣло, съ точностію неизвѣстно. Васильева, какъ намъ извѣстно, *запретили* и заключили въ Козловскій мо-настырь, но едва ли этимъ ограничилось наказаніе отступ-ника ²⁾).

Сознавая недостатки причтовъ своей епархіи и серьезно понимая свои архипастырскіи обязанности, пресвященный Теофілъ думалъ исправить зло между прочимъ образованіемъ духовенства. Въ этихъ видахъ онъ горячо относился къ мѣ-стной духовной семинаріи и особенно покровительствовалъ *ученымъ* священникамъ, предпочитая ихъ заслуженнымъ прак-тикамъ. Часто посѣщая епархію, Теофілъ всегда и вездѣ экзаменовалъ священниковъ и клириковъ и въ случаѣ не-удовлетворительныхъ отвѣтовъ задавалъ имъ уроки. Инымъ онъ давалъ уроки по чтенію и пѣнію, другимъ по катехи-

¹⁾ Арх. Тамб. дух. конс. № 524-й.

²⁾ Тамъ-же, № 312.

зису, третьимъ по церковному уставу; про всё такіе уроки неутомимый архипастырь помнить и всё они были выслушиваемы имъ въ указанное время лично.

Заключаемъ нашъ очеркъ изъ временъ епископа Теофила разсказомъ о Синодальной ревизіи, которой подверглись дѣйствія нашего архипастыря по поводу доносовъ на его взяточничество. Доносы эти были небезосновательны только въ томъ смыслѣ, что Теофиль никогда не отказывался отъ денегъ, но за то всё полученныя имъ отъ благотворителей суммы шли на нужды епархіи... Что же касается оставшагося по смерти Теофила довольно значительнаго капитала, то онъ могъ образоваться совершенно безгрѣшно отъ добровольной платы за исполненіе разныхъ требъ...

Главнымъ доносчикомъ былъ архіерейскій казначей Назарій, который въ 1804 году писалъ на высочайшее имя, что *въ Тамбовской епархіи совершается великій грабёжъ, что самъ архіерей беретъ со ставленниковъ и со осьмьхъ просителей немалыя деньги якобы на образъ Богородицы.*

Слѣдствіе по этому доносу производилъ членъ Московской Синодальной конторы протопресвитеръ Лукіанъ. Допозчикъ въ свое оправданіе представилъ слѣдователю записную книжку священника Филиппа Сергѣева, а въ этой записной книжкѣ значилось: «архіерею дано мною за ставленіе 35 рублей, секретарю 42 рубли, повытчикамъ 12 рублей, протоколисту 7 рублей, иподіаконамъ 5 рублей, пошлigny 10 рублей, за исповѣдь 1 рубль 50 копѣекъ, на хлѣбы столько же и на угощеніе 10 рублей».

Слѣдствіе, не смотря на угрожающее начало, кончилось совершеннымъ оправданіемъ Теофила, который съумѣлъ оградить себя отъ всякихъ обвиненій, а іеромонахъ Назарій поплатился сильно: по лишеніи сана его сдали въ солдаты ¹⁾...

Что же сдѣлалъ епископъ Теофиль для своей епархіи?

Получивъ епархію крайне разстроенную во всѣхъ отно-

¹⁾ Арх. Там. д. конс. № 301-й.

шеніяхъ, онъ завелъ въ ней сравнительно строгій порядокъ. Если нравственному епархіальному усовершенствованію онъ только положилъ начало, то внѣшнему благоустройству нашей Тамбовской церкви онъ голова...

Недавно мнѣ пришлось бесѣдовать о Теофілѣ съ однимъ столѣтнимъ старцемъ—бывшимъ Тамбовскимъ семинаристомъ, и вотъ его мнѣніе, которое я привожу буквально: «правда, преосвященный Теофілъ положилъ таксу на всѣ мѣста и просителей бывалъ *налыми*, а все-таки его любили, ибо бралъ онъ не себѣ, а клалъ онъ въ церковную кружку за тремя печатями и если открыть его могилу, то тамъ мощи»...

Премингомъ Теофила въ управленіи Тамбовскою епархією былъ епископъ Іона (Васильевскій)¹⁾. Преосвященный Іона родился въ городѣ Калугѣ въ 1762 году. Какъ сынъ бѣднаго причетника, онъ еще съ пеленокъ былъ подъ гнетомъ той нищеты, отъ которой ежегодно помираетъ у насъ табая масса дѣтей. Безъ здоровой пищи, безъ чистаго воздуха и почти безъ всякаго присмотру маленькій церковникъ Иванъ (такъ звали епископа Іону до принятія монашества) тѣмъ не менѣе росъ и росъ и выросъ изъ него наконецъ видный, здоровый и сильный семинаристъ. 8-ми лѣтъ отъ рожденія Иванъ Васильевскій остался *круглымъ сиротомъ* на попеченіи своей слѣпой бабки и долго питался съ нею въ церковной богадѣльнѣ мірскимъ подаваніемъ. Ему было 15 лѣтъ, когда его взяли въ Лаврентьевъ монастырь въ училище на казенное содержаніе. По воскресеніямъ и праздникамъ молодого семинариста отпускали къ его бабушкѣ и онъ по бѣдности принужденъ былъ ходить съ своею слѣпою ста-

¹⁾ *Примѣчаніе.* Послъ Теофила Тамбовскимъ епископомъ 26 февр. 1812 года назначенъ былъ Платонъ Любарскій, но 11 марта того же года его перевели въ Астрахань, такъ что епископъ Платонъ даже и не видалъ своей паствы.

рушкою по городу для сбора подаянія хлѣбомъ и копѣйками. Ивану Васильевскому минуло 19 лѣтъ, когда знаменитый Московскій митрополитъ Платонъ перевелъ его изъ Лаврентьевскаго монастыря въ Перервинскую семинарію. Это сдѣлалось противъ воли его бабушки, которой крайне хотѣлось поскорѣй пристроить внука къ мѣсту, именно—пономарскому въ Калугѣ. Но Московскій владыка на это замѣтилъ: «оставь, старушка, внука у меня, онъ за насъ съ тобою будетъ Бога молить». Въ 1792 году, по окончаніи курса въ Московской академіи, Васильевскій поступилъ священникомъ въ одинъ Калужскій приходъ; въ 1807 году, овдовѣвъ, принялъ монашество съ именемъ Іоны; черезъ два года его назначили въ санъ архимандрита ректоромъ Калужской семинаріи; наконецъ въ 1812 году была его хиротонія въ епископа Тамбовскаго и Шацкаго.

Въ противоположность своему предшественнику преосвященный Іона отличался кроткимъ характеромъ и не имѣлъ привычки подавлять своихъ подчиненныхъ начальственною суровостію и величіемъ архіерейской обстановки. Особенное вниманіе свое онъ обратилъ въ нашей епархіи на духовныхъ вдовъ и сиротъ и въ видахъ облегченія ихъ участи основалъ епархіальное попечительство. Кажется, въ этомъ случаѣ сказалось его горемычное дѣтство, пріучившее его быть отзывчивымъ на чужую бѣду. Внимательность къ подвѣдомственному духовенству Іона выражалъ между прочимъ и въ томъ, что старательно наблюдалъ за ходомъ ученія въ семинаріи и духовныхъ училищахъ и оказывалъ неизмѣнное и искреннее покровительство тѣмъ священникамъ, которые умѣли сочинять проповѣди. Въ дѣлѣ церковнообщественнаго проповѣдничества епископъ Іона самъ подавалъ примѣръ духовенству и такимъ образомъ положилъ прочное начало развитію проповѣди въ Тамбовской епархіи ¹⁾.

¹⁾ *Примѣчаніе.* До времени еп. Іоны священники Тамб. епархіи не обязывались говорить проповѣди своего сочиненія. Они должны были читать проповѣди по книжкамъ, присланнымъ изъ Св. Синода еще въ 80-хъ гг. прошлаго вѣка.

Вступивъ въ управленіе нашею епархіею послѣ чрезвычайно дѣятельнаго Теофила, Іона однако же не могъ не замѣтить сразу, что и на его долю осталось много работы. Поэтому съ его стороны начался рядъ разнообразныхъ мѣропріятій.

Въ 1814 году онъ назначилъ въ каждое благочиніе по два учителя изъ діаконовъ и лучшихъ дьячковъ. Цѣль этого распоряженія заключалась въ обученіи чтенію, письму, нотному пѣнію, катехизису и церковному уставу малограмотныхъ и неопытныхъ клириковъ. Вместе съ тѣмъ нѣмъ принято было за правило лично испытывать въ чтеніи и пѣніи каждаго ставленника даже и въ томъ случаѣ, если ставленникъ имѣлъ удовлетворительный семинарскій аттестатъ.

Въ томъ же году преосвященный Іона привелъ въ порядокъ епархіальную статистику, т. е. метрики, обыскныя и приходо-расходныя книги, и впоследствии во время частыхъ своихъ поѣздокъ по епархіи лично повѣрялъ всѣ эти книги. Если же онъ посѣщалъ какой либо монастырь, то требовалъ отъ настоятелей свѣденій о рукописяхъ, заключающихъ въ себѣ историческія данныя, и о другихъ предметахъ мѣстной христіанской древности.

Большое вниманіе нашъ архипастырь обращалъ также и на внѣшній порядокъ Богослуженія. Но особенно упорную и непрерывную борьбу Іона велъ противъ нравственной раснущенности духовенства. Въ 1812 году, въ годъ вступленія своего въ управленіе епархіею, онъ отправился въ продолжительное пастырское путешествіе и вотъ что замѣтилъ тогда же относительно нашего приходскаго духовенства: въ нѣкоторыхъ благочиніяхъ происходили *непорядочныя, буйственныя и пьянственныя поступки священниковъ и клириковъ; запрещенныя священники тайно отличали свадьбы; ставленныя грамоты отдавались въ залогъ кабатчикамъ; въ самыхъ алтаряхъ между духовными лицами тогда бывали словесныя и рукопашныя*

междоусобія ¹⁾. А священникъ села Борщевой Васиій Степановъ, поссорившись съ сотскимъ Гончаровымъ, отомстилъ ему такъ. Послѣ заутрени въ полномъ облаченіи вышелъ на средину церкви и *по чину передалъ Гончарову анагемъ*, отслуживши послѣ того благодарственный молебенъ ²⁾. Консисторія была завалена слѣдственными дѣлами. Даже такія особы, какъ Темниковскій протопопъ Аснигритъ, бывали подъ судомъ владычнымъ и консисторскимъ разъ по 40 и болѣе.

Какъ человекъ кроткаго характера, епископъ Іона при исправленіи нравственнаго быта своего духовенства не употреблялъ суровыхъ мѣръ. Онъ вызывалъ виновныхъ священнослужителей къ себѣ и подолгу горячо и искренно бесѣдовалъ съ ними. Бесѣды его нерѣдко сопровождались слезами и со слезами же выходили отъ него его собесѣдники. Нѣтъ сомнѣнія, что доброе слово любвеобильнаго архипастыря падало иногда на добрую почву и вызывало искреннее раскаяніе. Но бывало и не такъ; суровыя и ненормальныя условія приходской жизни вступали въ свои права и жизнь многихъ духовныхъ лицъ текла по прежнему...

Изъ множества примѣровъ, подходящихъ къ данному отзыву, приведу только одинъ, слѣдующій. Села Сергіевскаго, Лебедянскаго уѣзда, дьячекъ Васиій Максимовъ вздумалъ увеличить доходы своего прихода. Съ этою цѣлію 19 октября 1817 года онъ тайно положилъ на престолъ приходской церкви образъ преподобнаго Сергія, а подъ образомъ спряталъ письмо съ такимъ текстомъ: «сіе слово не упустите, что вамъ Господь внушаетъ; гнѣвъ на васъ спущу, если вы по оному не исполните, снадетъ камень съ неба горящъ и поалитъ васъ и будете вы слѣпны и тучею огненною позжени будете. Преподобнаго отца нашего Сергія удовлетворите!... о горе, о горе, о горе вамъ, живущимъ на землѣ! По полученіи сего свитка пойте молебенъ со освя-

¹⁾ Арх. Тамб. д. конс. № 912 и 36.

²⁾ Тамъ же, № 326.

щениемъ воды, собравъ весь народъ онаго храма прихожанъ. А если сіе не исполните, то третій ангелъ придетъ съ огнемъ и мечомъ. И сіе не рукою, но духомъ написася. А кто сему не повѣритъ, тотъ на мѣстѣ уреть».

Въ колокольнѣ въ то же время найдено другое письмо того же анонимнаго автора. «Преподобный отецъ вашъ Сергій Чудотворецъ, гласило это второе письмо, — проситъ и молить безпрестанно слить ему хоть одинъ, пудовъ въ 70, колоколь. И сіе написа апостолъ Петръ не рукою, а духомъ. А кто сему слову не повѣритъ, тотъ будетъ отъ Бога проклятъ».

На другой день начались непрерывныя молебны... Ободренный усердіемъ прихожанъ, самъ Сергіевскій священникъ Проконьевъ сталъ говорить крестьянамъ: «если у насъ новаго большого колокола не будетъ, то начнутся пожары»¹⁾.

Преосвященному Іоуѣ, какъ и Θεофілу, пришлось много хлопотать о защитѣ приходскаго духовенства отъ разныхъ притѣсненій и оскорбленій, иногда самаго возмутительнаго свойства. Напримѣръ:

Въ 1813 году въ село Кобыково, Елатомскаго уѣзда, поступилъ діаконъ Михаилъ Ивановъ. Это сдѣлалось безъ согласія вотчиннаго управляющаго (Иванова же) и потому противъ новаго дьякона начался гоненіи. *Два года* управляющій не допускалъ его до священнослуженія и скрылъ отъ него всѣ стихари. Наконецъ 2 сентября 1815 года Михаилъ Ивановъ какъ-то досталъ стихарь и началъ служить всенощную. Въ это время вошелъ въ церковь управляющій, схватилъ діакона за волосы и вытолкалъ его на панерть. Церковная служба dokonчена была однимъ священникомъ.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ того діаконъ Ивановъ шелъ домой по большой дорогѣ изъ сосѣднаго базарнаго села. Управляющій догналъ его, схватилъ и при помощи прислуги потащилъ къ селу. «Тащили меня, жаловался потомъ пострадавшій,—по землѣ за волосы съ босемъ пастей

¹⁾ Арх. Там. д. конс. № 79-й.

и я падалъ неоднократно безпамятно, но они къ поднятію меня еще больше сѣкли плетью; близъ же села нашего управляющій вынулъ изъ кармана ножницы и въ поруганіе остригъ мнѣ половину головы» ¹⁾).

Возможность фактовъ подобнаго насилія надъ духовными лицами свидѣтельствуешь, конечно, о слабости мѣстнаго религіозно-общественнаго развитія. Не очень еще удалилось отъ насъ то время, когда кощунственныя насмѣшки надъ многими священными предметами и издѣвательство надъ духовенствомъ считались у насъ какъ бы признакомъ свѣтскости и просвѣщенія. Такое отношеніе къ церкви иногда выражалось и въ слѣдующей грубой формѣ.

Однажды священникъ села Хрънаго, Липецкаго уѣзда, Герасимовъ крестилъ въ церкви младенца. Въ это время ѣхавшій на охоту помѣщикъ Доможировъ полюбопытствовалъ посмотреть, что такое дѣлается въ церкви, и вошелъ туда. Съ нимъ же преспокойно вошла въ церковь и любимая его собака, *которую выгнать изъ священнаго мѣста священникъ не осмѣлился* ²⁾).

Разумѣется, бывали иногда и такіе случаи, когда духовныя лица, можно сказать, насильственно вооружали противъ себя свою паству. Въ селѣ Ялтуновѣ, наприм., священникъ Иванъ Ивасовъ пришелъ однажды съ молебномъ къ крестьянину Промзину и вмѣсто эпитрахили для шутки надѣлъ на себя хомутъ... Когда узналъ объ этомъ пресвященный Іона, то на рапортъ благочиннаго написалъ слѣдующую резолюцію: «вышесанпаго мерина надобно сыскать и учинить что надобно» ³⁾).

Заканчивая свой отзывъ о Тамбовской епархіи временъ епископа Іоны, я не могу не замѣтить, что нашъ добродушный владыка иногда слишкомъ былъ спусходителенъ къ проступкамъ своего духовенства. Такъ, 12 марта 1818 года со-

¹⁾ Арх. Тамб. дух. косс. № 715.

²⁾ Тамъ же, № 334-й.

³⁾ Тамъ же, № 232-й.

борный ключарь Наполискій во время богослуженія началъ грубить своему архипастырю и выговаривать ему, что онъ его безчестить, креста бронзоваго за отечественную войну не дастъ... На другой день Наполискаго позвали въ присутствіе консисторіи и прочитали ему тамъ формальный выговоръ. Но онъ занавѣрчиво началъ перебивать членовъ консисторіи и съ азартомъ говорилъ имъ: «не вамъ меня судить, но вашего ума это дѣло; я примѣрный протоіерей въ епархіи и собору принесъ выгоды на 30 тысячъ. А пресвященный хотѣлъ меня поить, да не сдѣлается по его желанію».

За эти продерзости протоіерей Наполискій былъ наказанъ тѣмъ только, что его перевели въ Моршанскъ, между тѣмъ онъ заслуживалъ наказанія и еще по одному дѣлу, именно по обвиненію въ крайне жестокомъ обращеніи съ воспитанниками военно-спротскаго училища. Какъ извѣстно, этихъ воспитанниковъ въ 1815 году подозрѣвали въ поджогахъ и *съ пристрастіемъ* допрашивали: ихъ сбѣли розгами, били кулаками по щекамъ, драли имъ рты, вертели головы назадъ, окровавленныхъ топтали ногами, набивали на руки и на ноги кандалы, а *увѣщатель-протоіерей Наполискій былъ испуганнымъ кинжонистомъ крестомъ по зубамъ* ¹⁾...

Кромѣ всего вышесказаннаго, епископство Юны означено у насъ учрежденіемъ отдѣленія Библейскаго Общества, директоромъ котораго въ Тамбовѣ былъ майоръ Сергѣй Чубаровъ, а казначеемъ кунецъ Праздниковъ. И замѣчательно, большинство нашихъ библейскихъ членовъ принадлежало къ разнымъ сектамъ, въ особенности къ молоканству. Это дѣлалось, безъ всякаго сомнѣнія, въ тѣхъ соображеніяхъ, чтобы членскими дипломами оградиться отъ разныхъ административныхъ и судебныхъ преслѣдованій...

Въ 1821 году пресвященный Іона оставилъ Тамбовскую кафедру для Астраханской. Затѣмъ онъ былъ экзархомъ Грузіи и членомъ Св. Синода. Проѣздомъ изъ Тифлиса въ

¹⁾ Дѣло о Тамб. пожарѣ 1815 года хранится въ архивѣ Тамб. губери. правленія.

столицу Иона посѣтилъ Тамбовъ и радостно былъ привѣтствованъ всѣмъ Тамбовскимъ обществомъ, особенно же духовенствомъ и семинарією. У насъ въ Тамбовѣ есть еще и теперь не мало старожиловъ, которые помнятъ Иону именно какъ добродушнаго архимандрита. Къ этому они добавляютъ, что нашъ приснопамятный владыка имѣлъ величественную осанку, видный ростъ и открытое красное лице. Такой отзывъ современниковъ отчасти подтверждается портретомъ Ионы, украшающимъ, вѣстѣ съ другими архіерейскими портретами, верхній залъ Тамбовскаго архіерейскаго дома.

Преемникомъ Ионы былъ епископъ Теофилактъ. Ему и слѣдовавшимъ за нимъ архіереямъ, не смотря на усиленную епархіальную дѣятельность Теофила и Ионы, предстояла очень большая работа относительно нравственнаго и бытоваго исправленія духовенства, такъ какъ развитіе массъ всегда съ трудомъ подчиняется единичному вліянію самыхъ умныхъ и энергичныхъ дѣятелей... Упорѣ всего держалось въ средѣ нашего приходскаго духовенства сутяжничество. Объ одномъ изъ самыхъ рьяныхъ и несправныхъ сутягъ отжившаго времени, о священникѣ Гавриилѣ Товицкомъ, я уже сообщалъ въ первомъ своемъ выпускѣ. Въ настоящей замѣткѣ я дополняю его характеристику его же собственнымъ авторскимъ опытомъ, именно докладною запискою Тамбовскому епископу Арсенію. Содержаніе докладной записки, надѣюсь, подтвердитъ прежде высказанное мною мнѣніе о Товицкомъ, какъ человѣкѣ по умственнымъ способностямъ далеко не заурядномъ.

«Я былъ подъ запрещеніемъ, писалъ онъ, будто бы за неуважительный отзывъ о святыхъ отцахъ. Но въ чемъ сей отзывъ заключается—не знаю. Говорятъ, будто я называлъ себя святымъ отцемъ. Но это правда, ибо я ношу имя и санъ священника, т. е. освященнаго, святаго. Дѣйствія мои для всякаго вѣрующаго служатъ освященіемъ, а какъ они могли бы быть тѣмъ отъ неосвященнаго, не святаго? *Ничто же можетъ дать немой. Вѣмы, яко Богъ грѣшника не послушаетъ, много же можетъ молитва*

праведного. Да и сами святыя отцы, Иоаннъ Златоустый и Василиій Великій, въ литургіяхъ своихъ предписали діакону говорить къ священнику: *помяни мя, владыко саямый*. И такъ святыя отцы—это архіерем и іерем.»

Высказавъ это, если можно такъ выразиться, анти-епископальное и пресвитеріанское убѣжденіе, отецъ Тоницкій далѣе объясняется по поводу обвиненія его въ разныхъ отступленіяхъ отъ обрядовъ православной церкви.

«Былъ я, говоритъ онъ, судимъ за обливаніе младенцевъ при крещеніи. Справедливо, что въ требникѣ упоминается объ одномъ только погруженіи, по нужды и законъ измѣняютъ. Если младенецъ хилъ и можетъ захлебнуться или простудиться въ холодной, перѣдко со льдомъ, водѣ крещенія, то что прикажете, владыко, дѣлать? Неужели для соблюденія церковнаго обряда надлежитъ ему утопленнымъ быть? Этому повѣрить невозможно. Надлежитъ, напротивъ, избрѣсти средства безвредныя, но равносильныя къ оправданію поворожденнаго. И они избрѣтены. Святой Кипріанъ (въ книгѣ «наставленіе правильно состязаться съ раскольниками, на стр. 274) говоритъ: «крещеніе поливательное равносильно погружательному.» И въ требникѣ Петра Могилы говорится: въ осторожность залитія младенца должно крестить его поливаючи». Въ нашемъ требникѣ предписывается священнику имѣть при совершеніи таинства крещенія ножницы и блюдо, сирѣчь мису, въ коей погружать невозможно. Самъ Иисусъ Христосъ повелѣлъ апостоламъ *крестити*, но не сказалъ: погружати. Такимъ образомъ не въ погруженіи и не въ поливаніи благодать, а въ крещеніи въ три лица святой тройцы».

Оправдывая свои дѣйствія и отстаивая свои священническія права на свободное отношеніе къ обрядности, напѣ *широковѣщательный* и неугомонный діалектикъ продолжаетъ свою полемику такъ.

«Справедливо ли осужденъ я и оштрафованъ за служеніе литургіи при отверзтыхъ царскихъ дверяхъ, по прочтеніи Евангелія до эктени оглашенныхъ? Думаю—нѣтъ, ибо сіе

творилось по обычаю пресвитеровъ честнѣйшихъ мени. Кроме того, когда бываетъ къ литургіи приложеніе, молебень или панихида, служатъ же при отверзтыхъ царскихъ дверяхъ. Консисторія судила меня на основаніи положеній своего устава, но на сіе не грѣхъ сказать: уставъ не есть соборное постановленіе, а только изложеніе обыкновеннаго порядка молитвословія... И сами отцы церкви, *дѣйствующая свѣдѣніе*, не весьма уважаютъ всеобщій церковный уставъ, и не только въ нашей епархіи, но можетъ быть во всей Россіи едва ли есть церковь, гдѣ бы все до послѣдней ноты исполняемо было по уставу. Такъ, вѣрно, чтобы при входѣ въ алтарь священника съ кадиломъ, Евангеліемъ или Святymi Дарами, предшествовали ему два свѣщеносца, но предшествуетъ всегда одинъ, а иногда и того нѣтъ. Написано, чтобы кажденіе совершаемое было по прочтеніи Апостола, между тѣмъ оно и при архіереяхъ совершается при самомъ чтеніи. Написано, чтобы при совершеніи литургіи діаконъ вѣялъ рипидою надъ святыми дарами, но нынѣ и рипидъ въ священническихъ церквахъ нагдѣ нѣтъ. Во многихъ священническихъ служебникахъ написано: діаконъ глаголетъ — и о всѣхъ и за вся. О спасеніи благочестивѣйшаго... и т. д., а либъ поетъ — на многая лѣта, владыко (т. е. священникъ). Но едва ли гдѣ такъ дѣйствуется... Нигдѣ не писано, чтобы при возгласахъ благословлять трапезу или антиминь Евангеліемъ, но не только священники, даже архимандриты и архіереи творятъ сіе, какъ нѣчто таинственное. Антифоны вѣрно нѣтъ съ повтореніемъ, а поютъ и въ крестовой архіерейской церкви безъ повторенія. Благодарный молебень долженъ быть съ кажденіемъ, а его поютъ и архіереи безъ кажденія. Вѣпчая бракъ, должно водить новобрачныхъ образомъ круга, а водить и самые члены консисторіи кругомъ образа на аналоѣ. Но что говорить объ уставѣ! Даже соборныя правила нерѣдко безъ зазрѣнія совѣсти нарушаются. Такъ, правилами запрещается ядшему священнику, а также и въ святую четыредесятницу, крестить, но кто приметъ на себя обязанность дожидаться

рожденія младенца и цѣлыя сутки не ѣсть? И кто увѣритъ священника, что поворожденный съ чистаго поведѣльника доживеть до недѣли вай? 14-е правило Трульского собора запрещаетъ рукополагать во священника ставленника моложе 30-ти лѣтъ, но я принялъ священство на 24-мъ году, а многіе изъ товарищей моихъ и на 20-мъ году. И что жъ изъ этого? Неужели за это штрафуютъ архіереевъ? Стало быть, и я невиновенъ. *Не на лица зряще судъ правосенъ творити должно*.

Отецъ Товницкій въ своей оригинальной докладной запискѣ, очевидно, рѣшился объясниться съ епархіальною властію смѣло, рѣзко и основательно и потому рѣчь его течеть неупорочно. Онъ продолжаетъ.

«Діаконъ кадитъ мнѣ, жалуются на меня доносители, а я его благословляю, точно архіерей. И я дѣлалъ такъ по приличію: низшій бо отъ высшаго благословляется. Что это не написано въ службникѣ, изъ того еще ничего не слѣдуетъ. Въ архіерейскомъ службникѣ о семъ также не упоминается, но преосвященные архіереи кадящихъ имъ діаконъ благословляютъ, да еще обѣми руками. И какому жъ бы это пункту свода законовъ или правилу регламента было противно?»

«До Вашего Преосвященства, допминаетъ епископа Арсенія отецъ Товницкій,—дошелъ слухъ, будто я, ходя по приходу, ругаюсь надъ святими иконами и черкаю ихъ. Но можно ругаться надъ иконами и не черкая ихъ, а украшая богатыми окладами; можно черкать и не ругаться, какъ те дѣлають священники, замѣтившіе соблазнительную несправность на иконахъ».

«Меня оставили въ подозрѣніи, заключаетъ свое объясненіе нашъ смѣлый поелмистъ,—а за что? Судить такъ, значитъ судить по примѣру Іудеевъ, распявшихъ Христа. Справедливо ли я разоренъ и доведенъ до рѣшимости ходить по міру, прося Христа ради на пропитаніе? Справедливо ли поступили со мною, волоча изъ одного прихода въ другой? Не отрицаю, можетъ быть и есть закоиъ: замѣченныхъ въ поро-

какъ исправлять разореніемъ, но онъ не долженъ относиться къ неукоризненнымъ священникамъ. Если бы и дѣйствительно я былъ виновенъ и достоинъ наказанія, то справедливость требуетъ, чтобы наказаніе падало на меня одного, а не на мое семейство, которое, не бывъ участникомъ въ моихъ порокахъ, со мною принуждено раздѣлять изгнаническое горе. О нихъ прошу. А самому мнѣ все равно: я привыкъ уже когда насыщаться, когда алкать. Для жены, Евы малодушной, и дѣтей малыхъ оправдате мя».

Прочитавъ эту докладную записку о Товицкаго, епископъ Арсеній приказалъ *безнокійнаго просителя* отослать въ Трегуляевъ монастырь на 4 мѣсяца ¹⁾.

Бѣднаго и горемычнаго Товицкаго за разныя и оригинальныя выходки и крайне неуживчивый характеръ консисторія и потомъ часто донимала ссылками и штрафами. Однажды велѣно было взыскать съ него 10 рублей въ пользу спархіальнаго попечительства о бѣдныхъ. Товицкій не заплатилъ, потому что платить было рѣшительно нечѣмъ. Тогда консисторія предписала благочинному взыскать съ виновнаго штрафъ, *не смотря ни на что*. И вотъ, минуя благочиннаго, Товицкій написалъ Тамбовской консисторіи: «глупая и наивная консисторія! Я всё глаза проглядѣлъ, все ищу у себя въ домѣ денегъ, и ничего не нахожу, а ты велишь достать эти деньги, за еще не смотря ни на что»...

Въ 50-хъ годахъ Товицкій, какъ это сказано въ первомъ нашемъ выпускѣ, былъ лишенъ священства и вскорѣ умеръ въ крайней бѣдности. Эти свѣденія нуждаются въ поправкѣ. Правда, Товицкій въ 50-хъ гг. лишенъ былъ священства, но еще долго беспокоилъ спархію прошеніями на имя архіерея и консисторій, кляузами въ синодъ и даже доносами на высочайшее имя. Оставшись не у дѣлъ, онъ по видимому единственную отраду своей погибшей жизни находилъ въ сутяжническомъ авторствѣ. Одинъ изъ такихъ его опытовъ, составленный отъ имени его сына Ивана, дьячка Кирсановской соборной церкви, мы приведемъ сейчасъ же.

¹⁾ Арх. Тамб. дух. конс. № 13-й.

Дьячекъ Товицкій, дѣйствуя по отцовскому наученію, прослылъ непомернымъ гордецомъ и *безумно-заносчивымъ* *человѣкомъ*, такъ что многіе причты, въ среду которыхъ его переводили, давали ему *отступнаго*, лишь бы только онъ уходилъ отъ нихъ. Непомерная дьячковская гордость выражалась, между прочимъ, въ томъ, что Товицкій во время всенощной *звонилъ*, *когда ему вздумается*, и *держалъ себя съ старинными чинами причты самыми непринужденными* *обрисомъ*, *даже во время богослуженія*. Кирсановскій протоіерей Колансовскій далъ знать о дьячковскихъ проказахъ спархіальному архіерею. Началось обычное слѣдствіе.

Когда слѣдователь—священникъ Стандровскій приступилъ къ дѣлу, Иванъ Товицкій сразу оборвалъ его слѣдующими словами: «какой ты слѣдователь, заповѣй не знаешь!»

Спасаясь отъ личныхъ объясненій съ неугомоннымъ дьячкомъ, отецъ Стандровскій потребовалъ отъ него письменныхъ отвѣтовъ, и вотъ что написалъ своему слѣдователю подсудимый. Мы будемъ приводить объясненія Товицкаго въ сокращеніи, останавливаясь на болѣе выдающихся мѣстахъ.

«Благочинный Колансовскій жалобную книгу благочинный держитъ у себя въ домѣ и пишетъ въ ней, что захочетъ, или по совѣту своей протопопницы, а протопопница къ клиру не принадлежитъ».

«Движителями протопопскаго пера въ разсужденіи доносовъ на меня были не мои несправности, а протопопская злоба. Посмотрите, отецъ слѣдователь, что благочинный пишетъ про меня: комаръ съ дуба свалился и оттого великій громъ учинился. Между тѣмъ о томъ, что большая корова (намскъ на Колансовскаго) въ болотѣ увязла, умалчиваетъ».

«Отецъ протопопъ говоритъ, что я не бывалъ въ церкви по лѣности. А почему ему извѣстна дѣйствительная причина моего небытія въ церкви? Спрашивалъ ли меня о семъ благочинный и давалъ ли мнѣ отвѣтъ: по лѣности? Вѣроятно, онъ мало уважаетъ того, кто сказалъ: храни незлобіе и виждь правоту».

«Протопопъ любитъ моего товарища, стараго дьячка, а онъ поеть хриплымъ и отъ старости дребезжающимъ голосомъ. Пусть же старикъ передастъ свое мѣсто другому и тогда возрадуется душа его на ложѣ его».

«Протопопъ пишетъ про дьячка Каменецкаго, будто онъ даромъ обучилъ 500 мальчиковъ, но это неправда и на кого же, послѣ того, благочинный походить? На то животное, которое по природѣ своей весьма неопытно и не любитъ почивать на чистой и свѣжей постелькѣ».

«Жалуется благочинный, будто разъ я былъ пьяный въ церкви. Неправда. Можетъ быть-наболѣвшіе злобою протоіерейскіе глазки отразили такое впечатлѣніе. Сему не противорѣчу».

«Я повалилъ будто бы столъ въ церкви и произвелъ соблазнъ. Въ комъ? Развѣ въ томъ, кто всѣхъ насъ называетъ конницею и гриварями, ризы-рогожкамъ, священнодѣйствія-шалостями. Радуюсь за протопопа, поздравляю его съ побѣдою».

«Пустымъ и глупымъ человѣкомъ обзываетъ меня протопопъ. Позволительно дьячковской головѣ быть глупою, но кто позволилъ быть глупымъ и пустымъ доносомъ изъ неисполненной премудростию главы Кирсановскаго протоіерей?»

Въ заключеніе Товицкій пишетъ: «да что долго разговаривать—весь этотъ доносъ хоть брось».

Краснорѣчиваго Кирсановскаго дьячка отрѣшили отъ мѣста и послали въ монастырь на 3 мѣсяца. Начались новыя просьбы и все авторствовалъ самъ бывший отецъ Товицкій. «Я пресмыкаюсь, писалъ онъ уже отъ себя, — по окнамъ чужихъ хижинокъ, а вы сыну моему мѣста не даете»¹⁾.

Закрываю свою замѣтку о Товицкомъ слѣдующимъ сообщеніемъ. Его считали всѣ давно уже умершимъ. Пишущему эти строки именно въ этомъ смыслѣ не разъ говорили въ консисторіи. И вдругъ въ мартѣ текущаго 1884 года жинимый умершій, въ видѣ глубокаго, дряхлаго и бѣдноодѣ-

¹⁾ Истор. вѣсти. Мартъ 1882 г. Наша замѣтка.

таго старца, снова появился въ Тамбовѣ... Это явленіе крайне всѣхъ удивило, но еще больше всѣ *дню дались*, когда узнали, что престарѣлый Гавріилъ Товницкій прибылъ въ снархіальную резиденцію... хлопотать о возвращеніи ему священническаго сана...

Съ цѣлю дополненія мѣстной церковной исторіи, слѣдующую 6-ю главу своего изслѣдованія мы посвящаемъ вопросу о ссыльныхъ въ монастыряхъ Тамбовской епархіи. Въ данномъ случаѣ мы именно укажемъ на значеніе мѣстныхъ монастырей, какъ учреждений исправительныхъ... Такая роль была чужда нашихъ монастырей въ XVII вѣкѣ. Она есть явленіе уже позднѣйшее.

Ссылные въ монастыряхъ Тамбовской епархіи.

Многіе убѣждены, что городъ Тамбовъ въ давнія времена былъ ссылочнымъ мѣстомъ, своего рода Сибирью. Эта мысль выражена также и въ извѣстномъ стихотвореніи Лермонтова «Казначейша». Но это не правда. Ссылные у насъ бывали, но только ихъ сослали не въ г. Тамбовъ, а въ разные монастыри Тамбовской епархіи. Говоримъ такъ на основаніи многочисленныхъ архивныхъ источниковъ. Изъ собственно Тамбовскихъ ссылныхъ мы можемъ указать только на одного извѣстнаго Грузинскаго католикаса и царевича Антонія, о которомъ мы уже немного говорили въ первомъ своемъ выпускѣ. Католикосъ Антоній, прожившій въ нашемъ городѣ около 6-ти лѣтъ, съ 1812 года по 1818 г., былъ четвертымъ сыномъ послѣдняго Грузинскаго царя Праклія. Въ 1783 году, во время переговоровъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи, онъ былъ уже архимандритомъ, 20-ти лѣтъ отъ роду. Сосланъ онъ былъ во внутреннюю Россію за участіе въ тѣхъ антирусскихъ волненіяхъ, которыя произошли въ Грузинскомъ царскомъ семействѣ вскорѣ послѣ присоединенія Грузіи къ русскому царству. Обруженный значительною Грузинскою свитою, ссылный царевичъ проводилъ шумную и веселую жизнь и скоро очутился въ неполатныхъ долгахъ. Въ Январѣ 1817 года долги эти въ количествѣ около 190,000 р. выяснились. Между тѣмъ католикосъ получалъ изъ казны казеннаго жалованья 10,000 р. и на этомъ основаніи наивно отказывался платить кредиторамъ. «Я во время Московскаго разоренья, писалъ онъ чрезъ князя А. П. Голицына императору Александру 1-му,

потерпѣлъ большіе убытки и не имѣю состоянія, а если платить мнѣ долги изъ жалованья, то самому останется мало». На это письмо изъ Петербурга послѣдовалъ такой отвѣтъ: «вычитать у католикоса Антонія треть жалованья и вносить въ Тамбовскій уѣздный судъ для удовлетворенія кредиторовъ»...

Лицъ, въ разное время сосланныхъ въ Тамбовскіе монастыри, можно раздѣлять на 4 группы. Попадались въ наши монастыри помѣщики за крайнее злоупотребленіе вотчинными правами. Везли туда же раскольниковъ, сектантовъ и иныхъ лицъ, такъ или иначе возставившихъ противъ господствующей церкви. Передавали монастырскому заключенію священнослужителей за болѣе или менѣе рѣзкое нарушеніе церковнаго благочинія. Наконецъ въ Тамбовскіе монастыри поступали даже и такіе подсудимые, за которыми зазорныхъ дѣлъ не водилось и которые въ настоящее время заслужили бы правительственную и общественную похвалу. Кромѣ этихъ четырехъ группъ въ концѣ главы мы укажемъ еще на такихъ невольныхъ обитателей нашихъ монастырей, которые отличались или замѣтельной оригинальностью, или же таковою же таинственностью.

Лицъ первой группы у насъ въ монастырскомъ заключеніи бывало очень много, и попадались они къ намъ дѣйствительно за выдающіяся преступленія, нерѣдко по особому высочайшему повелѣнію. Сама Екатерина II-я, не смотря на извѣстный, крайне снисходительный, характеръ ея внутренней политики, вынуждаема была писать напр. такой конфирмаціи: «Тамбовскаго помѣщика Лизунова, лиша чиновъ и дворянскаго достоинства, предать церковному покаянію въ одномъ изъ монастырей Тамбовской епархіи». Этотъ приговоръ вызванъ былъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Лизуновъ часто засѣкалъ своихъ людей до смерти. Но такъ какъ подобныя преступленія слишкомъ извѣстны, да и въ нашемъ первомъ выпускѣ отчасти они указаны, то мы отъ дальнѣйшихъ тяжелыхъ подробностей въ данномъ случаѣ уклонимся. Здѣсь мы отмѣтимъ только тотъ фактъ, что

нѣкоторые сосланные помѣщики и въ монастыряхъ продолжали обнаруживать крайнюю строптивость духа, не призываемаго чѣмъ нибудь ограничиваться. Такъ, сосланный въ Санакарскій монастырь дворянинъ Буткевичъ, по словамъ Санакарскаго строителя Филарета, жилъ въ Санакари *нечисто и грубо, ругалъ монаховъ и богомольцевъ...*

— За что ты бранишь насъ, спросилъ его однажды строитель.

— Богъ явился мнѣ въ видѣнн, посмѣиваясь отвѣчалъ Буткевичъ,—и Богоматерь, и всѣ свитые, и велѣли мнѣ васъ обличать.—Буткевичъ, повидимому, принадлежалъ къ тѣмъ нашимъ доморощеннымъ *философамъ* прошлаго вѣка, которые перѣдко слышали что нибудь про Вольтера, можетъ быть, не безъ труда, конечно,—и прочитали что нибудь изъ него, и на этомъ основанн считали себя въ правѣ смѣяться надъ предметами всенародной вѣры. Часто пьяный ходилъ онъ по монастырю, потѣшаясь надъ монахами и богомольцами. И если спрашивали его: «зачѣмъ ты пьешь?— онъ объяснялъ: «дьяволы въ чудовищныхъ видахъ являлись мнѣ и насильно уводили меня въ кабаки.»

Одновременно съ преступниками противъ общественныхъ порядковъ въ Тамбовскіе монастыри присылаемы были и преступники противъ господствующей церкви. Еще въ 1689 году въ нашъ край присланъ былъ толмачъ Андрей Щербининъ для преслѣдованія *воровъ-раскольниковъ* Ивашки Терскаго и Левки Епифанова. «И буде, предписано было Козловскому воеводѣ Давыдову, отъ того расколу тѣ раскольники не отстанутъ и учнутъ въ расколъ и воровствѣ стоять упорно, и ихъ велѣть казнить—сечь». Вслѣдствіе энергичныхъ мѣръ, предпринятыхъ Козловскими властями, *раскольники обѣщались впредь къ расколу не приставать*. Тогда ихъ за крѣпкимъ карауломъ повезли въ Козловъ и заперли въ тамошнемъ монастырѣ. ¹⁾

Между лицами, которыя заподозрѣны были въ сопротив-

¹⁾ Моск. арх. ин. юстиціи, № 9, связка 18.

леніи господствующей церкви, обращает на себя вниманіе нѣкто пранорщикъ Мошоновъ, котораго въ 1798 году сархiальными власти преслѣдовали за *самовольное прославленіе Тихона, епископа Задонскаго*. У Мошопова, по словамъ слѣдователя—благочиннаго, былъ образъ новаго свитителя Тихона съ надписью: «изображеніе св. Тихона Задонскаго, новаго чудотворца, съ распростертыми руками предъ пречистымъ образомъ стоящаго и о всемъ мірѣ молящагося». Во время допроса Мошоновъ объявилъ благочинному: «я сему образу поклонюсь и справляю ему по общей мнении свитительскую службу».

— Для чего чинить сіе? сурово спросилъ его слѣдователь.

— Ни ты, ни архіерей Феофилъ, отвѣчалъ подсудимый,—миѣ не указъ; знаю, что дѣлаю.

Тогда о. благочинный подбѣждалъ къ изображенію Задонскаго свитителя и выразилъ намѣреніе захватить его, но Мошоновъ взялъ столовый ножъ и принудилъ слѣдователя къ поспѣшному отступленію.—Въ томъ же 1798 году образъ неканонизованнаго свитителя вытребовали въ губернскаго правленіе, а самовольнаго канонизатора препроводили въ Козловскій Троицкій монастырь въ монастырскіе труды, чтобы *неповидно было ему поклоняться такимъ иконамъ, которыя строжайше воспрещены духовнымъ регламентомъ*.

Бывали у насъ въ монастырскомъ заключеніи и такіе люди, которые по разнымъ корыстинымъ и честолюбивымъ соображеніямъ выдавали себя за чародѣевъ. «Отъ Бога и христіанской вѣры, дерзко показывали они своимъ судьямъ,—мы отреклись, кресты снявъ съ себя бросили, отцовъ и матерей, мѣсяць и солнце, землю и воду прокляли». Въ 1789 году между такими преступниками, къ удивленію всего Тамбовскаго намѣстничества, оказался священникъ села Запартинья Макѣевъ. *Онъ напоятывалъ какія-то тайныя слова, смотря на вино, и осмыгалъ въ это вино разныя зелья, отъ которыхъ многіе люди получали порчу* ¹⁾.

¹⁾ Дѣло о свящ. Макѣевѣ хранится въ архивѣ Тамбовской Консисторіи.

Въ 1766 году въ Тамбовской епархіи съ необыкновенною силою обнаружилось то противоцерковное движеніе, которое Тамбовская Консисторія назвала молоканствомъ. Движеніе началось въ селѣ Жидиловѣ открытымъ отпаденіемъ отъ православія 26-ти человекъ крестьянъ. Всѣхъ Жидиловскихъ *церковныхъ мятежниковъ* привезли въ Тамбовъ, въ Консисторію, и епархіальный проповѣдникъ священникъ Александръ Полинскій началъ вразумлять ихъ... Однако, сектанство начало быстро увеличиваться и въ 1769 году въ одномъ селѣ Горѣловѣ, близъ Тамбова, церковникъ Петровъ сразу обратилъ въ молоканство 40 человекъ. Впослѣдствіи, уже въ началѣ XIX вѣка, къ молоканскому обществу присоединился священникъ села Падовъ Васильевъ. Молоканасвященника отослали въ Саровскую пустынь, но и тамъ онъ сумѣлъ образовать вокругъ себя толпу приверженцевъ изъ окрестныхъ крестьянъ.

Примѣръ священника Васильева вовсе не единственный. Мы знаемъ изъ Тамбовскихъ консисторскихъ документовъ священника-молокана Ѳедорова и священника-скопца Петрова. Послѣдній собственноручно отрѣзалъ у себя *ключи ада и ключи безднъ*. Что же касается тѣхъ Тамбовскихъ священнослужителей, которые уходили въ расколъ, то ихъ было такъ много, что мы и перечислять ихъ отказываемся. Въ 1792 году къ раскольникамъ на Пргизъ бѣжалъ изъ города Мокшана самъ о. протопопъ Егоровъ.

Наибольшее число нашихъ монастырскихъ узниковъ принадлежало, конечно, къ духовному сословію. Это объясняется отчасти тѣмъ чрезвычайно неудовлетворительнымъ и бѣдственнымъ состояніемъ нашего приходскаго духовенства, о которомъ въ рескриптѣ на имя архіепископа Димитрія Сѣченова императрица Елизавета Петровна отъ 31 декабря 1757 года выражалась такъ: «многіе священнослужители носятъ убогое и священному чину неприличное одѣяніе, ибо у пныхъ верхнія рясы изъ самаго толстаго холста, да и тѣ раздраныя; а у пныхъ и рясы нѣтъ, но въ кафтанахъ сермяжныхъ подпоясаны кушаками ходятъ; а что касается до

обуви, то почти всё въ лаптяхъ. И сіе происходитъ не токмо отъ скудости, но паче отъ небреженія». Нѣкоторыя преступленія нашихъ духовныхъ лицъ поражаютъ своимъ крайне рѣзкимъ характеромъ. Напримѣръ въ 1764—65 гг. по Хопру разбойничала у насъ партія разбойниковъ, доходившая до Керепска и до Саратова. Атаманами у этой партіи, схваченной въ 1767 году, были *три священника*: Федоръ Ивановъ, Василій Филиповъ и Андрей Васильевъ... Но мы пропускаемъ всё извѣстныя намъ факты въ родѣ вышеозначеннаго и для примѣра переходимъ къ указанію тѣхъ наиболѣе выдававшихся духовныхъ особъ, которыя пересылаемы были въ наши монастыри за нарушеніе церковнаго благочинія. Мы укажемъ только трехъ такихъ лицъ.

Въ началѣ текущаго столѣтія въ Вышенскую пустынь присланъ былъ изъ Черноморской Екатеринолебежской пустыни архимандритъ Іоанникій. Черноморскій архимандритъ провинился тѣмъ, что въ своемъ монастырѣ велъ себя, какъ въ завоеванной непріятельской крѣпости. Онъ былъ въ церкви монаховъ, неприлично бранился, придерживаясь въ этомъ случаѣ образцовъ извѣстнаго тогдашняго военнаго *красноручія*, и неуважительно отзывался о священныхъ церковныхъ предметахъ. Черноморскій монастырь въ описываемое время, повидимому, весь былъ въ неудовлетворительномъ состояніи, такъ какъ весь наличный составъ его *полностію*, вслѣдъ за архимандритомъ Іоанникіемъ, доставленъ былъ на исправленіе въ Темниковскій Санакарскій монастырь.

Около того же времени, именно весною 1804 года, въѣхалъ въ Тамбовъ, для дальнѣйшаго слѣдованія въ Санакарскую пустынь, опальный Якутскій архимандритъ Нифонтъ. Проживая въ Якутской глуши, Нифонтъ возмечталъ о себѣ, какъ о человѣкѣ совершенно независимомъ отъ всѣхъ Сибирскихъ властей, и на этомъ основаніи сталъ грубо спориться съ Иркутскимъ губернаторомъ Леццано и съ епархіальнымъ архіереемъ Веніаминномъ. Кромѣ того, онъ слиткомъ своеобразно относился къ монастырскимъ суммамъ и къ монашескимъ обѣтамъ. Въѣздъ архимандрита Нифонта въ

Тамбовъ означенъ паденіемъ его экипажа въ рѣку Цну, причемъ самъ Нифонтъ уцѣлѣлъ, а ѣхавшій съ нимъ братъ его утонулъ... Въ пользу Нифонта надо сказать, однако же, то, что въ Якутскѣ имъ основана была школа для 100 мальчиковъ. Содержалась она средствами монастырскими и за всѣмъ обученіемъ лично слѣдилъ самъ основатель...

Въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія, по распоряженію Св. Синода, въ одинъ изъ Тамбовскихъ монастырей посланъ былъ бывший ректоръ Пермской семинаріи архимандритъ Рафанъ. Рафанъ отличался близостію къ ученикамъ и постоянною, мелкою борьбою съ архіепископомъ Аркадіемъ. Бывши большимъ оригиналомъ, онъ окружалъ себя сороками, орлами и коршунами, для питанія которыхъ въ особую птичью комнату бросали голубей и галокъ. Въ классахъ Рафанъ выражалъ мнѣніе о дурномъ и невѣрномъ переводѣ книгъ Священнаго Писанія, особенно псалтыри. Когда архіепископъ Аркадій приказалъ ученикамъ богословія ходить въ крестовую и соборную церковь читать и пѣть, Рафанъ возбранялъ имъ это, находя отправленіе причетнической должности униженнымъ для кандидатовъ священства. Къ архіерейской службѣ или не являлся, или являлся позже архіепископа. Съ его дозволенія протоіерей Погостовскій читалъ въ классахъ записки безъ предварительнаго утвержденія ихъ епархіальнымъ начальствомъ. На архіерейское замѣчаніе объ этомъ отвѣчалъ отъ лица семинарскаго правленія: «изъ резолюціи Его Высокопреосвященства нельзя видѣть, что угодно Его Высокопреосвященству. Просить Его Высокопреосвященство изложить яснѣе волю свою. Семинарскія же правила 1838 г., на которыя ссылается Его Высокопреосвященство, стали уже ветхи и несообразны съ новыми». Относительно пѣнія стихирь, каноновъ и подобныхъ принадлежностей клира, для ознакомленія съ которыми Аркадій посылалъ учениковъ богословія на клиросъ, письменно отозвался: «для познанія ихъ недостаточны цѣлыя десятки лѣтъ монастырскаго упражненія, какъ это видно съ перваго взгляда на церковный подробный уставъ. Кромѣ того дѣло религіоз-

ное вообще не терпит насилія». Архієпископъ Аркадій въ своемъ предложеніи указалъ семинарскому управленію на двухъ свѣтильниковъ церкви, Стефана Пермскаго и Василия Великаго, бывшихъ чтецами въ церкви. Рафангъ отвѣчалъ: кромѣ означенныхъ свѣтильниковъ гораздо большее число меньшихъ свѣтильниковъ не слѣдовало сему правилу, да и вообще въ дѣлахъ релігіозныхъ всякое принужденіе ведетъ не къ исправленію, а къ большому злу, къ ожесточенію. Примѣръ Юліанъ»...

Между многочисленными узниками Тамбовскихъ монастырей были и такіе, которые, какъ мы сказали уже, отличались похвальными дѣйствіями и вовсе не заслуживали монастырскаго заключенія. Таковъ былъ села Кангушъ, Краснослободской десятины, священникъ Алексѣй Васильевъ. Онъ былъ священникомъ у новокрещенной Мордвы и положеніе его среди этой номинально христіанской паствы было по истинѣ тяжелое. Вотъ что писалъ онъ въ 1766 году Тамбовскому епископу Пахомію: «новокрещены въ церковь къ молитвословію вовсе не ходятъ и крестнаго знаменія на себя не возлагаютъ, на гайтанахъ вмѣстѣ съ крестами носятъ звѣринныя когти. Въ церковь ходятъ только въ зимнюю Николу. На Пасху пируютъ много, кланяются невѣдомо кому на сѣверъ, отливаютъ немного питья и отламываютъ и отрѣзываютъ пищу кому-то. А еще молодые ходятъ на рѣку и кланяются по три раза въ воду, ломаютъ кусочки хлѣба и бросаютъ туда же. И ежели кто изъ нихъ умретъ, то на седьмой день одѣваютъ они пѣшогого человѣка въ платье покойника, сажаютъ его въ передній уголъ и кланяются ему до земли. Потомъ водятъ по дворамъ и мнѣшій побойникъ велитъ всѣмъ какъ жить. И какъ скотину какую рѣжутъ, то безобразно вонять». Противъ этихъ и подобныхъ изычскихъ обычаевъ священникъ Алексѣй Васильевъ, какъ это видно изъ дальнѣйшихъ строкъ его прошенія, сильно вооружался, но новокрещены надолго еще остались номинальными христіанами, а ревностному Кангушскому миссіонеру выпали на долю одни только неспрїятности. Ночью 27 февраля 1764 г.

Кангушскіе Мордовцы силою вошли въ домъ своего священника и *схватили его неспадно, со всемъ семействомъ, плетми.* «Не мѣшай намъ, попь, приговаривали они, — по нашему молиться». Въ другой разъ о. Васильевъ совершалъ богослуженіе въ церкви. Тогда вошли въ алтарь прихожане, прибили его и за эпитрахиль вытащили на панерть. Обиженный священникъ поѣхалъ въ Тамбовъ и пожаловался на свою полудинкую паству епископу Пахомію. Но и Кангушскіе прихожане явились съ своими встрѣчными жалобами къ тому же Пахомію. Архіерейскій судъ кончился такимъ неожиданнымъ и страннымъ рѣшеніемъ: «попа Васильева наказать плетми и посадить въ Казанскій монастырь». Не находя должной защиты у своего архіерея, Кангушскій миссіонеръ обратился съ жалобою на свою долю въ Св. Синодъ. Въ своемъ прошеніи онъ между прочимъ писалъ: «Его Пресвященство и въ прежнихъ годѣхъ во время бытія моего въ Тамбовѣ въ консисторіи для взятія перехожей грамоты безъ всякой моей виновности билъ меня мучительски плетми и вымогательствы своими взялъ съ меня 50 рублей».

Вскорѣ послѣ этого, 16 декабря 1766 года, Пахомія перевели въ Вологодскую епархію...

Въ концѣ царствованія Екатерины II въ Тамбовскомъ Казанскомъ монастырѣ заключенъ былъ Пензенскій протопопъ Антоновъ. Это былъ человекъ по своему времени замѣчательно образованный, чуть ли не единственный въ своемъ родѣ во всей Тамбовско-Пензенской епархіи. Въ монастырь попалъ онъ по поводу двухъ проповѣдей, неосторожно напечатанныхъ имъ въ Московской типографіи. Проповѣди протопопа Антонова подверглись преслѣдованію за нѣкоторыя выраженія, которыя показались тогдашней мнительной цензурѣ подозрительными. Въ одной его проповѣди сказано было: «Богъ есть единица и этому не противорѣчатъ никакія мнимыя противорѣчія». Къ этимъ словамъ придрались на слѣдующемъ основаніи: «протоіерей Антоновъ говоритъ о бачихъ то мнимыхъ противорѣчійхъ божественной единицѣ, это онъ говоритъ, конечно, съ сомнѣніемъ о тро-

ичности божественныхъ лицъ». Въ другой проповѣди, говоря о христіанской любви, протоіерей Антоновъ совѣтовалъ своимъ слушателямъ *составлять дружескія, а не какія либо другія, общества*. Отсюда вывели заключеніе о томъ, что Антоновъ внушалъ своимъ прихожанамъ масонскія идеи. Нежданно-пегаданно послѣдовалъ Синодскій указъ, по которому протоіерей Антоновъ разлученъ былъ съ семействомъ и перевезенъ въ Тамбовскій монастырь для увѣщанія. Въ указѣ сказано было: «Св. Синодъ находитъ о протоіерей Антоновѣ сумѣніе: не зараженъ ли онъ какою противъ преданій православныя наша церкви ересью или волюмыслиемъ». Къ счастью, опальный проповѣдникъ встрѣтилъ въ Тамбовскомъ архіерей Теофілѣ человека просвѣщеннаго, который отрекомендовалъ его Св. Синоду, какъ истинно православнаго христіанина, виновнаго только *въ наклонности къ суетному красноречію*. Какъ бы то ни было, протоіерею Антонову навсегда воспрещено было говорить проповѣди своего сочиненія...

Изъ нашихъ монастырскихъ ссыльныхъ, отличавшихся замѣчательною оригинальностью, я укажу на дервиша Магомета и на Козловскаго мѣщанина Ряшницева. Первый, пойманный въ 1838 году въ селѣ Разсказовѣ, разглашалъ, что онъ идетъ изъ такой земли, гдѣ податей не платятъ и властей не признаютъ. По-русски говорилъ онъ бѣгло и довольно правильно. Пытался милостыней. Какъ легкомысленнаго и небезопаснаго говоруна, дервиша Магомета заключили на время въ одномъ изъ Тамбовскихъ монастырей, гдѣ и допросили его: кто онъ такой и откуда. И оказалось, что Магометъ родомъ изъ Кокана, что онъ иѣшкомъ исходилъ всю среднюю Азію, Персію, Аравію, Египетъ, Сирію, Малую Азію, Балканскій полуостровъ и почти всю Европейскую Россію. Все документы были у него въ исправности и шолъ онъ черезъ Тамбовскую губернію на Астрахань, чтобы возвратиться на родину. Цѣль всѣхъ его странствованій, по его словамъ, заключалась въ томъ, чтобы разныхъ людей по-

смотреть и при случаѣ поучить ихъ уму-разуму, какъ на свѣтѣ жить ¹⁾).

Въ томъ же 1838 году доставленъ былъ въ Саровскую пустынь за бродяжество и за присвоеніе разныхъ фиктивныхъ званій мѣщанинъ Ряшницевъ. Въ монастырѣ онъ прожилъ шесть мѣсяцевъ, затѣмъ скрылся изъ него въ Елецъ, откуда безъ начпорта ходилъ по разнымъ городамъ, провозглашалъ себя по селамъ знатною особою, довѣреннымъ царскимъ лицомъ, и однажды въ порывѣ своей хлестаковщины написалъ своей родной сестрѣ слѣдующее письмо: «любезной сестрицѣ Дарьѣ Алексѣевой, кунно съ супругомъ твоимъ—звать забылъ. Имѣю честь васъ поздравить съ законнымъ бракомъ, жить въ благочестіи, другъ друга любить, какъ собака палку, а о себѣ я увѣдомляю, что подавалъ и въ Казани Его Высочеству Великому Князю просьбу, по которой и получилъ свободу во всю Россію и службу нынѣ Его Высочеству. Дана мнѣ должность по тайной полиціи въ Муромѣ, Суздаль, Владимірѣ, Ростовѣ, въ Переяславлѣ Залѣскомъ, Москвѣ и Петербургѣ. 4-го мая я пожалованъ чиномъ по тайной полиціи майоромъ, имѣю на шеѣ третьей степени св. Анны, у васъ въ Козловѣ былъ я въ трактирѣ у Алексинцева 3-го іюли, выпилъ двѣ бутылки шампанскаго да чаю напился и лошадей перемѣнилъ и мило васъ проѣхалъ. Ты, Даша, стояла у воротъ. Опять къ вамъ буду скоро по важнымъ дѣламъ, а теперь отправился въ Херсонскую губернію для нѣкотораго слѣдствія. Тестю Алексѣю Ивановичу вѣчная память и тещѣ—также. Матушкѣ Екатериинѣ Петровнѣ и сродникамъ всѣмъ вообще съ дѣтками добраго здравія. Вѣра, Надежда и Любовь не останутся безъ награжденія, а я, благодаря Бога, разъѣзжаю по всей Россіи на перемѣнныхъ по милости Бога и Монарха. Тайной полиціи майоръ, а по старому былъ Василій Ряшницевъ».

Письмо это произвело въ домѣ Дарьи Алексѣевой понятную сенсацию, которая усилена была новымъ посланіемъ того же автора.

¹⁾ Арх. губер. прав. № 20.

«Даша, писалъ доморощенный Козловскій Хлестаковъ,— хотѣлъ было я прислать тебѣ денегъ хотя 500 рублей, да раздумалъ, ибо ты замужемъ и я скоро тебя увижу.—Подателю дать 10 копѣекъ серебромъ» ¹⁾).

Что сдѣлалось потомъ съ нашимъ курьезнымъ писателемъ и *тайной полиціи мнимымъ майоромъ*—изъ нашихъ документовъ не видно.

Въ заключеніе считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ и о нашихъ таинственныхъ заключенникахъ.

Въ 1838 году прислана была изъ Петербурга въ Тамбовскій женскій монастырь вдова генералъ-лейтенанта Бѣлавина. Несомнѣнно, она была политическою преступницею, по въ чемъ именно заключалось ея преступленіе — неизвѣстно. Мы знаемъ только то, что ссылка въ Тамбовъ была для Бѣлавиной облегченіемъ ея участи и что это сдѣлалось по усиленной просьбѣ ея сына—Новгородскаго предводителя.

¹⁾ Арх. губер. прав. № 207-И.

VII.

Изъ школьныхъ воспоминаній.

Послѣднюю главу своего третьяго выпуска я посвящаю воспоминаніямъ о дореформенныхъ мѣстныхъ училищахъ 50-хъ и начала 60-хъ годовъ. Эта глава составлена совершенно внѣ всякаго архивнаго вліянія, но однимъ личнымъ воспоминаніямъ, и я охотно даю ей мѣсто въ своемъ трудѣ по многимъ причинамъ, между прочимъ по важности предмета, по его сильному вліянію на былую жизнь цѣлаго мѣстнаго сословія и по личному желанію почтить хоть какимъ нибудь словомъ и воспоминаніемъ ту мѣстную суровую школу, которая, не смотря на множество вольныхъ и невольныхъ педагогическихъ несовершенствъ своихъ, все-таки неизмѣнно принимала въ себя массу жалкихъ дѣтей и своими жестокими объятіями спасала ихъ отъ болѣе или менѣе вѣрной погибели...

Предлагаемая вниманію читателей воспоминанія составлены назадъ тому лѣтъ десять. Въ данномъ случаѣ я значительно сократилъ ихъ, исправилъ въ нихъ слогъ, смягчилъ нѣкоторыя слишкомъ субъективныя тенденціи и въ этомъ сокращенномъ и смягченномъ состояніи издаю ихъ съ полною увѣренностію, что читатели найдутъ у автора «воспоминаній» и искренность въ рассказѣ, и правдивость, и нѣкоторый объективный интересъ по существу и по формѣ...

Мое дѣтство прошло въ одной глухой Мордовской деревнѣ Тамбовской губерніи, Спасскаго уѣзда. Первые мои дѣтскія воспоминанія относятся къ такимъ двумъ фактамъ,

которые и въ раннемъ дѣтствѣ не могли не поразить меня своею суровостію. Мнѣ было около четырехъ лѣтъ, когда внезапно умеръ отъ холеры мой отецъ священникъ, а черезъ двѣ недѣли послѣ его смерти до тла сгорѣлъ весь домъ нашъ со всѣмъ имуществомъ. Глубокаго житейскаго смысла совершившихся событій, обрекшихъ всю нашу семью на непеходную нищету, я, конечно, не понималъ, но меня потрясали отчаянныя вопли моей матери и неунижаемый крикъ маленькихъ сестеръ, къ которому невольно присоединился и я...

Мы поселились въ простой избѣ и кое-какъ зажили... Когда мнѣ минуло шесть лѣтъ, мать отдала меня въ науку къ заштатному дякону Степану Алексѣевичу, который, изъ жалости къ нашему бѣдственному состоянію, взялся выучить меня азбукѣ за три рубля, а часослову и исалтыри—за восемь рублей. Ученіе мое продолжалось обыкновенно цѣлый день, причеиъ добродушный и недалекій мой наставникъ, слѣди за мной съ *полншею*, требовалъ, чтобы я читалъ какъ можно громче и чаще. Въ этомъ онъ видѣлъ окончательную цѣль своего педагогическаго относительно меня призванія. Иногда мнѣ удавалось чѣмъ нибудь угодить своему учителю. Тогда онъ бралъ меня съ собой, смотря по времени года, или въ лѣсъ за дровами, или на рыбную ловлю, и въ обоихъ случаяхъ доставлялъ мнѣ величайшее удовольствіе. Именно только этими-то удовольствіями и красно было мое суровое дѣтство... Среди высокихъ елей и сосенъ Спасскихъ дремучихъ лѣсовъ или же на зеленомъ берегу тихаго и рыбнаго Вада и забывалъ всѣ свои невзгоды: и щелчки моего учителя, на которые онъ, при всей своей добротѣ, по старой педагогической методѣ былъ очень щедръ, и безтолково цѣлодневное зуденье азовъ, и нищету домашнюю...

Къ концу перваго моего учебнаго года, въ одинъ изъ зимнихъ дней, со мной случилось происшествіе, едва окончившееся роковыми послѣдствіями. Степанъ Алексѣевичъ куда-то ушелъ изъ дому и я остался одинъ въ дыиной и жарко натопленной избѣ въ сотый разъ читать одну и ту же страницу исалтыря. Не помню, долго ли я просидѣлъ

въ такомъ уединеніи. Послѣ мнѣ рассказывали, что я жестоко угорѣлъ и свалился на полъ и что педагогъ мой, вернувшись домой, счелъ за лучшее положить меня головой въ снѣгъ. Отъ этого со мной началась горячка и я пролежалъ нѣсколько недѣль безъ памяти, при полномъ отсутствіи какихъ либо медицинскихъ пособій и въ самой негигіенической обстановкѣ, такъ какъ изба наша въ сильные морозы промерзала насквозь... Весною я поправился, а въ августѣ, въ началѣ 50-хъ годовъ, меня повезли въ Тамбовъ для опредѣленія въ одно изъ духовныхъ училищъ.

У Ч И Л И Щ Е.

Училищныя зданія, въ видѣ длинныхъ и приземистыхъ казармъ растянувшіяся на берегу рѣки Цны, съ самаго перваго раза непріятно поразили меня и своею неуклюжестью, и грязью, и крайне затхлымъ воздухомъ. Это впечатлѣніе только усилилось, когда я на обширномъ бурсацкомъ дворѣ увидѣлъ многосотенную и шумную бурсацкую толпу, состоявшую изъ дѣтей разнообразнаго возраста, отъ 8 до 20-ти лѣтъ, одѣтыхъ въ самые разноцвѣтные балахоны, между которыми преобладала синяя, изъ толстаго домашнего сукна, чуйка. Обувь почти ни у кого не было... Меня провели къ инспектору, высокому и длинноносому старичку, который немедленно и сдалъ меня *подъ началь* одному изъ большихъ школяровъ. Въ то время мнѣ было отъ роду восемь лѣтъ и я скоро почувствовалъ всѣ невыгоды этого обстоятельства... Впрочемъ, къ товарищескимъ колотушкамъ я привыкъ довольно скоро и подъ ихъ вліяніемъ даже сталъ впадать въ какую-то странную чувствительность: мнѣ начинала нравиться роль униженнаго и оскорбленнаго, я забивался куда нибудь въ дровяной уголъ, или подъ кровать—и плабалъ—плакалъ... Очень часто потомъ плачь мой былъ вызываемъ и реальными мотивами. Въ училищѣ кормили насъ, по чрезвычайной бѣдности заведенія, а можетъ быть отчасти и по недосмотру, изъ рукъ вонъ скверно;

хлѣбъ былъ у насъ совершенно черныи и черствый, а мяса давалось приблизительно по четверти фунта на 6-ть чело-вѣкъ. При такихъ обстоятельствахъ я сильно голодалъ и нерѣдко съ плачемъ бѣгалъ по училищному двору и искалъ: пѣтъ ли гдѣ на землѣ какой нибудь хлѣбной корки. Отъ такого голода и училищный обѣдъ могъ показаться замачивымъ. Дѣйствительно, лишь только ударялъ призывный обѣденный колокольчикъ, всѣ мы стремглавъ неслись въ столовую и жадно собственными деревянными ложками принимались ѣсть мутные щи или кашницу. А у кого своей ложки не было, тотъ могъ рассчитывать на сосѣдское великодушіе. И я долженъ сказать, что въ такомъ великодушіи лично мнѣ и другимъ горемыкамъ никто не отказывалъ.

Во время одного изъ нашихъ обѣдовъ мнѣ скоро пришлось познакомиться съ новою подробностію училищнаго быта. Въ столовую вошелъ инспекторъ. Всѣ встали и наступила мертвая тишина. По лицамъ старшихъ школьнико-въ можно было догадаться, что готовится что-то страшное и необыкновенное. И точно, пока мы всѣ обѣдали, нѣко-рыхъ ученико-въ тутъ же между столами жестоко сбѣли. Сбѣченіе производилъ отставной солдатъ, замѣчательный ма-стеръ своего дѣла, а въ рукахъ у него были прутья, пред-варительно вымоченныя въ соленой водѣ и распаренныя.

И такъ, я вступилъ окончательно въ училищную жизнь. Въ небольшой комнаткѣ, куда меня поселили, стояло до 15 косокъ, покрытыхъ сѣрымъ толстымъ рваньемъ; простынь и наволочекъ у насъ, конечно, не было; вмѣсто подушекъ кой у кого валялись скомканныя грязныя тюфячки. парази-товъ, питавшихся нашими голодными тѣлами, было видимо-невидимо. Достаточно было приподнять покрывку съ чьей нибудь койки, чтобы увидѣть ихъ въ несмѣтномъ количе-ствѣ. Все это съ коскъ массами переходило на насъ и я живо помню одного моего товарища, маленькаго, блѣднаго, который былъ писню обсыпанъ паразитами съ головы до пятко-къ. И было отъ чего: у него была только одна пара бѣлья, при томъ такая изношенная, что трудно было узнать

ей первоначальный цвѣтъ. Это бы еще ничего. Но вот что смущало моего маленькаго товарища: его рубашка была пополамъ разорвана сверху до самаго низу и не было никакой надежды на ея зашѣну...

Въ первыхъ числахъ сентября у насъ начались классы. До прихода учителя мы обыкновенно кричали на разные лады, шумѣли. Шумъ то увеличивался, то ослабѣвалъ. Последнее происходило въ томъ случаѣ, когда *цензоръ* (обыкновенно лучший ученикъ) на клочекъ бумаги записывалъ *тумлящихъ* для подачи учителю. Среди этого шума въ разныхъ мѣстахъ класса производилось выслушивание уроковъ *авдиторами*, которые выбиравлись изъ самыхъ прилежныхъ учениковъ. И если аудиторъ ставилъ кому нибудь въ *нотанъ* (тетрадь для отмѣтокъ): *egans* или *pescit*, то таковой навѣрное по приходѣ учителя попадалъ подъ розги. Въ видѣ особенной учительской милости *порки* иногда заимѣялась стоянцемъ на козѣнахъ. Дисциплинарныя распоряженія нашихъ педагоговъ были такъ многочисленны и сложны, что собственно на преподаваніе имъ уже не доставало времени... Въ зимніе мѣсяцы классы наши не топились, поэтому холодъ у насъ былъ страшный и я не знаю, почему мы, въ своей дырявой обуви, изъ которой свободно выглядывали голые пальцы, не всѣ перемерли отъ простуды. Съ цѣлю парализованія морозовъ мы начали развлекаться кулачными побойцами, имѣвшими въ нашемъ училищѣ свои мифическія и историческія преданія и своихъ легендарныхъ героевъ. Битву обыкновенно начинали *маленькіе*, къ которымъ постепенно присоединялись взрослые ученики и наконецъ при всеобщемъ восторгѣ появлялись на сценѣ силачи. Про одного изъ такихъ силачей—моихъ современниковъ, Никольскаго, рассказывали, что онъ во время кулачныхъ битвъ всегда дѣйствовалъ ладонями, опасаясь смертоносныхъ послѣдствій отъ своего могучаго кулака. Кулачные бои прекращались обыкновенно съ приходомъ въ классъ учителя. Мгновенно въ классѣ наступала тишина. Каждый изъ насъ начиналъ трепетать за себя. Учитель садился передъ

своимъ столикомъ на табуретку, бралъ *нотаму* и списокъ шумѣвшихъ, вызывалъ лѣвтяевъ и шалуновъ на середину классной комнаты и приказывалъ *архангеламъ*, обыкновенно отпѣтымъ лѣвтяямъ и тупицамъ, сѣчь ихъ. Сѣченіе иногда было крайне жестокое: сѣкли двумя розгами съ двухъ сторонъ, на голову и на ноги пациента садилась *архангельскіе помощники*... И однако нѣкоторые ученики привыкали и къ такому сѣченію и выносили его съ замѣчательнымъ терпѣніемъ. Напримѣръ одинъ мой товарищъ просверлилъ дыру въ амбарѣ и нѣсколько дней пользовался казеннымъ горохомъ. Вина его была открыта. Голоднаго похитителя принялись сѣчь въ двѣ руки. Между тѣмъ онъ во время сѣченія замѣтилъ на полу въ отдаленіи горошину и подъ ударами тихо сталъ подползать къ ней. Подползъ и сѣлъ...

Въ тамбовскомъ духовномъ училищѣ насъ сѣкли не одни учителя, а также и старшіе ученики, и это домашнее сѣченіе всегда привлекало множество любопытныхъ зрителей. Старшіе ученики могли сѣчь насъ за непослушаніе, напримѣръ такое. Кого либо изъ маленькихъ они посылаютъ за водой. При словѣ: *ити*—вся мелюзга летитъ къ ушату съ водой, желая подслужиться набольшимъ. Но кто нибудь изъ этой мелюзги заупрямится, не почувствуетъ должнаго уваженія къ куражу старшаго и вотъ ему задается порка. При такихъ условіяхъ весьма успѣшно развивались съ одной стороны непомерная спѣсь, а съ другой—приниженность и угодничество, т. е. такія нравственныя черты, которыя въ житейскомъ быту нашего духовенства имѣли далеко не послѣднее мѣсто...

Надобно замѣтить, что ни одинъ училищный учитель *не преподавалъ* намъ своей науки. Каждый изъ нихъ ограничивался задаваніемъ уроковъ, сирапиваніемъ ихъ по книжкѣ и въ особенности сѣченіемъ. Кромѣ того, у насъ не принято было заниматься чтеніемъ книгъ. И однако, и при этихъ обстоятельствахъ, именно я началъ потихоньку читать рзныя, болышею частью, разрозненныя книжки: повѣсти, сказки, путешествія, историческія описанія... Любимыми моими книж-

ками были известны сказки о Гуакъ, Англійскомъ милордѣ, о Францилѣ-Венеціанѣ и географія Арсеньева. Съ этими случайными любимцами я залязалъ подъ кровать, чтобы никто не мѣшалъ мнѣ, и вполнѣ наслаждался чтеніемъ, не смотря на толстыя слои пыли и грязи въ нашихъ комнатахъ подъ кроватями. Результатомъ этихъ уединенныхъ чтеній было то, что я приобрѣлъ кое какія отрывочныя и совершенно ничтожныя свѣденія по географіи и исторіи. Я могъ напр. на чей нибудь вопросъ сразу отвѣтить, что въ Тиролѣ главный городъ Инсбрукъ, что республика Чили въ Америкѣ, что Киръ воевалъ съ Индійскимъ царемъ Крезомъ, а этотъ Крезъ былъ необыкновенный богачъ. Всего этого для нашей школы было ужъ слишкомъ много и я сталъ между товарищами ученымъ авторитетомъ. Бывало, играемъ мы въ *лашту*. Какой нибудь великовозрастный бурсакъ, желая показать передъ толпою все величіе своихъ географическихъ познаній и такимъ образомъ похвастаться мною, кричалъ мнѣ съ середины двора:

— Какой главный городъ въ Испаніи? Я съ торжествующею улыбкою отвѣчаю: Мадридъ, и вслѣдствіе этого *блестящаго* отвѣта становлюсь бурсацкимъ триумфаторомъ на цѣлый день. Слава моя дошла даже до учителей и они стали записывать меня въ *первой разрядъ*.

Къ концу моей училищной жизни, примѣрно за годъ до перехода въ семинарію, я былъ назначенъ комнатнымъ старшимъ и уже окончательно возмечталъ о разныхъ своихъ превосходствахъ передъ товарищами. Во время обѣда и ужина я самодовольно похаживалъ по столовой и смотрѣлъ за порядкомъ. Въ случаѣ громкаго разговора между учениками я начальственно выкрикивалъ: тише! и меня слушались. Но уже близился тотъ часъ, когда мое самолюбіе было жестоко оскорблено, когда я былъ униженъ, поруганъ. Это обстоятельство находилось въ связи съ назначеніемъ въ наше училище новаго инспектора, человѣка крайне жестокаго и драчливаго. Новый инспекторъ, В. И. Сигизмундовъ, встрѣченъ былъ нами съ подобающимъ сердечнымъ трепетомъ. Однако,

педѣли двѣ мы прожили при пемѣ покойно. Наконецъ онъ заявилъ себя. Первый его опытъ произведенъ былъ именно надо мною и вотъ по какому случаю. Былъ классъ Греческаго языка. Сигизмундовъ вызвалъ меня къ своему столу и заставилъ переводить Греческое Евангеліе. Перевелъ я благополучно, но одного слова не могъ грамматически разобрать и при этомъ имѣлъ несчастье замѣтить, что, кажется, мой разборъ неправиленъ. Лишь только я это сказалъ, какъ Сигизмундовъ быстро поднялся съ своего мѣста, бросился на меня и началъ бить кулаками по лицу и по головѣ. Не знаю, долго ли потѣшался надо мною нашъ педагогъ... Когда я опомнился, классы уже кончились и я оказался лежащимъ въ сосѣдней съ классомъ комнатѣ лицомъ къ стѣнѣ. Эффектъ, произведенный новымъ нашимъ инспекторомъ, былъ настолько чувствителенъ бурсацкому міру, что изъ всей бурсы противъ обыкновенія никто не рѣшился посмѣяться надо мною. Да и не до смѣху было: начались грозныя времена; каждый день насъ били и сѣкли, сѣкли и били. Пожалѣли мы тутъ о прежнемъ своемъ инспекторѣ Т. Л. Вознесенскомъ, который хотя и сѣкъ насъ, но безъ озлобленія и не такъ часто...

Между тѣмъ умеръ нашъ смотритель, протоіерей Сколѣевъ. Въ похоронной процессіи участвовали всѣ ученики училища въ своихъ разнообразныхъ балахонахъ и представили цѣлому городу оригинальное зрѣлище многосотенной оборванной толпы. И замѣчательно, Тамбовская публика, сколько я помню, никогда не выказывала намъ ни малѣйшаго состраданія. Напротивъ, не знаю—почему, она смѣялась и издѣвалась надъ нами, встрѣчая и провожая насъ общезвѣстными бессмысленными кличками. Чаще всего разныя насмѣшки намъ приходилось выслушивать въ большіе праздники, когда мы, слѣдуя старинному Кіевскому обычаю, ходили въ нѣкоторые дома *съ разговорами*, сочиненными старшими семинаристами. Въ этихъ разговорахъ участвовали два или три лица. Одинъ изображалъ христіанина, другіе Еврея или язычника, и вотъ между ними въ чьей либо го-

степриимной прихожей возгоралась ожесточенная, заранѣе сочиненная, полемика, всегда кончавшаяся побѣдою христіанина. Такимъ образомъ болѣе смѣлые ученики въ иной праздникъ набирали рубля по два, лицедействуя гдѣ за гривенникъ, гдѣ даже за двугривенный.

Вскорѣ послѣ похоронъ стараго зрителя къ намъ явился другой, П. А. Москвинъ, умершій впоследствии въ санѣ Тамбовскаго викарнаго епископа. Какъ человѣкъ очень богатый и близкій родственникъ бывшаго Кіевскаго митрополита Арсенія, Москвинъ казался намъ настоящимъ вельможею и хотя не былъ жестокимъ человѣкомъ, однако наводилъ на насъ сильный страхъ. Являлся онъ къ намъ въ училище по субботамъ, при чемъ громко и грубо бранился, грозясь перепороть *всѣхъ до единого*. На этомъ основаніи училищному сторожу постоянно отдавался приказъ заготовить къ слѣдующей субботѣ *волъ розогъ*. Но мы скоро узнали, что эти угрозы не осуществляются, и потому торжествовали. Впоследствии всѣмъ намъ стало ясно, отчего новый зритель не поролъ насъ. Онъ просто не обращалъ на насъ вниманія, потому что всецѣло преданъ былъ личнымъ имущественнымъ дѣламъ, въ особенности банковымъ и конюшеннымъ... При Москвинѣ у насъ послѣдовали даже нѣкоторыя бытовыя ухудшенія. Они состояли въ томъ, что насъ и на первый день Пасхи кормили по будничному, чего прежде не бывало. Въ то же время вышелъ строжайшій зрительскій приказъ: «всѣмъ казеннокоштнымъ ученикамъ въ классы и по двору (конечно, лѣтомъ) ходить босикомъ, а въ церковь (мы ходили въ приходскую Варваринскую церковь) всѣ должны ходить въ сапогахъ». Когда мы въ праздничные дни приближались къ церкви, то церковные сторожа обыкновенно въ самый храмъ насъ не пускали, а старались удержать на наперти. Лѣтомъ мы нисколько не смущались этимъ обстоятельствомъ, за то зимой въ церковномъ притворѣ, кое-какъ одѣтые, мы коченѣли отъ холода и поневолѣ ломались въ самую церковь, что и удавалось нѣкоторымъ счастливымъ.

Выше я замѣтилъ, что при новомъ смотрителѣ насъ и на первый день Пасхи кормили по будничному. Это, конечно, крайне огорчило насъ, но мы были неожиданно утѣшены тогдашнимъ ректоромъ Тамбовской семинаріи архимандритомъ Теофилактомъ, который прислалъ намъ въ одинъ изъ пасхальныхъ дней массу калачей, яицъ и мяса. Когда пиръ нашъ окончился, мы отправились всею бурсою благодарить своего благодѣтеля и христосоваться съ нимъ. Съ великимъ страхомъ вступили мы на семинарскій дворъ и немедленно были допущены къ ректору. Комнаты о. ректора произвели на меня сильнѣйшее впечатлѣніе. Я въ первый разъ въ жизни увидѣлъ просторныя, чистыя, съ хорошею и красивою мебелью, комнаты. Наконецъ къ намъ вышелъ самъ ректоръ. Началось христосованье. Это зрѣлище показалось мнѣ до такой степени величественнымъ, что я совершенно растерялся и, когда очередь христосоваться дошла до меня, сперва перекрестился, а потомъ уже потянулся губами къ ректору. Неловкость моя сейчасъ же была замѣчена и надо мною милое посмѣялись. По окончаніи аудіенціи мы вернулись домой и на другой день по старому принялись жевать черныи хлѣбъ и глотать мутныя постныя щи. У нѣкоторыхъ экономныхъ монаховъ товарищей еще велись кое-какіе запасы, напримѣръ яйца. Это потому, что они обыкновенно въ день болѣе одного яйца не съѣдали. Взбивши ломоть хлѣба, они намазывали его яичнымъ желткомъ и лакомились...

Приближалось окончаніе училищнаго курса. Нужно было подвести итоги своимъ знаніямъ, полученнымъ въ теченіе шестилѣтняго пребыванія въ училищѣ. Что же мы узнали тамъ? По совѣсти говоря, кромѣ бѣлаго чтенія и письма, мы ничему основательно не выучились. Мы заучили множество латинскихъ и греческихъ словъ, неиможно познакомились съ классическою этимологіей и съ катехизисомъ. Географіи же и ариѳметики вовсе не знали. А учителя у насъ были вотъ какіе.

Былъ у насъ учитель латинскаго языка и катехизиса

А. Б. Любовицъ. Такъ какъ онъ склоненъ былъ къ нетрезвой жизни и это замѣтно было даже въ классѣ, то про него, по русскому обычаю, распустили слухъ, что онъ умный человѣкъ, *голови*. Но вотъ что дѣлалъ въ классѣ этотъ умный человѣкъ. Вызываетъ онъ сразу двухъ—трехъ учениковъ и заставляетъ ихъ по книжкѣ переводить съ русскаго языка на латинскій или обратно. Ученикъ, положимъ, ошибается, и другой тоже, и третій. Въ такомъ случаѣ А. Б. никогда не помогалъ ученикамъ, а пресметленно отсылалъ ихъ всѣхъ къ дверямъ *подъ розги*. Послѣ экзекуціи ученики снова были спрашиваемы, снова, конечно, ошибались и снова ихъ сбѣгли, и такъ до конца класса... Злобы при этомъ усиленномъ сбѣженіи Любовицъ никогда не выражалъ и сбѣкъ насъ, кажется, отъ скуки, для развлечения. Отъ такого учителя, разумѣется, мы ничему путному не могли научиться, тѣмъ болѣе что изъ класса онъ посылалъ насъ не рѣдко въ питейный домъ за водкой и видимо благоволилъ къ тѣмъ изъ насъ, которые послѣ праздникова къ нему *являлись*, т. е. приносили ему гривенички и двугривенные. Я помню, объ этихъ приношеніяхъ А. Б. безъ церемоніи разговаривалъ съ нами и въ классѣ.

Учителемъ русскаго языка и нотнаго пѣнія въ нашемъ училищѣ былъ Г. В. Чуруковъ. Этотъ, бывало, начиналъ шипѣть отъ злости, когда сбѣкъ учениковъ. А иногда приказывалъ провинившемуся ученику ложиться на полъ и класть голову на порогъ, между тѣмъ *архангелы* сбѣгли этого ученика *по спинѣ и по шель*. Чуруковъ не всегда впрочемъ сбѣкъ насъ съ озлобленіемъ. Иногда онъ входилъ въ классъ съ лицомъ кроткимъ, называлъ насъ ласкательными именами: Ваня, Вася, Гриша... но это не мѣшало ему сейчасъ же обратиться къ кому нибудь изъ этихъ Ваней и высѣчь его пребольно *такъ себя, на будущій случай*. Не смотря на то, что Чуруковъ носилъ священныи сапъ, онъ любилъ подъ часъ драться. Учились мы у него плохо.

Учитель ариметики А. Е. Розановъ былъ еще свирѣ-

пѣ Чурукова. Онъ засѣкалъ ясныхъ до того, что ихъ съ мѣста наказанія немедленно увозили въ семинарскую больницу. Одного ученика, говорили, онъ засѣкъ до смерти: бѣдный мальчикъ умеръ черезъ три дня послѣ сѣченія. Но это было раньше моего поступленія въ училище, поэтому за справедливость передаваемого факта не ручаюсь, хотя и считаю его весьма вѣроятнымъ, потому что и въ мое время, когда Розанову положительно воспрещено было сѣчь учениковъ, онъ приказалъ дать одному моему товарищу до 100 лозъ. При этомъ Розановъ казался совершенно спокойнымъ и медленно приговаривалъ: «сама себя раба бьетъ, что не чисто жисть».

Самымъ хорошимъ учителемъ въ Тамбовскомъ училищѣ былъ Н. И. Пертовскій, замѣнившій Любмина. Сѣкъ онъ насъ очень рѣдко и съ видимою неохотою. Уроки объяснялъ всегда толково. При случаѣ входилъ даже съ нѣкоторыми изъ насъ въ разумныя частныя разсужденія. Но онъ былъ слишкомъ раздражителенъ и потому въ выраженіяхъ относительно насъ крайне не разборчивъ. Это его единственный недостатокъ. Лично я чту память Н. И. Пертовскаго между прочимъ потому, что онъ замѣтилъ мою охоту къ чтенію и отнесся къ ней сочувственно и покровительственно...

Не въ такой степени полезнымъ педагогомъ, какъ Пертовскій, но все же хорошимъ добродушнымъ учителемъ былъ у насъ и Т. Л. Вознесенскій, преподаватель Греческаго языка. Мы начали учиться у него во время знаменитой Крымской кампаніи, только не греческому языку, а географіи Крымскаго полуострова и исторіи Крымскихъ военныхъ дѣйствій. Бывало только что войдетъ Т. Л. въ классъ, мы громче и громче кричимъ ему: «объ войнѣ, объ войнѣ!» Сначала онъ промолчитъ, т. е. помучитъ насъ, а потомъ понюхаетъ табакъ и внушительно отвѣтитъ намъ: «рѣзня, дѣтняки, рѣзня!» Вслѣдъ за тѣмъ начинался военно-историческій разсказъ до конца класса...

Не смотря на неудовлетворительное во всѣхъ отношеніяхъ состояніе нашего училища, и въ нашемъ захолюствѣ,

и въ нашей убогой и заброшенной школѣ были свои радости. Мы дѣлались счастливыми съ наступленіемъ каппкуль. Жизнь въ деревнѣ, въ какой нибудь убогой хатѣ около сельской церкви, рисовалась въ нашемъ воображеніи безусловно счастливою. Въ половинѣ іюля, по окончаніи такъ называемаго публичнаго экзамена, во время котораго всѣ спрошенные ученики отвѣчали на заранее данные вопросы, а также къ Пасхѣ и святкамъ, мы расходились изъ Тамбова по разнымъ направленіямъ съ болѣе или менѣе тощими узелками и котомками, съ какими нибудь гривенниками или двугривенными въ карманахъ, но за то съ невыразимою сердечною радостію. Смотри на запыленные и загорѣлыя, а зимою обмороженные фигуры моихъ путешествовавшихъ товарищей, еле передвигавшихъ ноги отъ усталости, сантиментальные проѣзжіе, вѣрно, сожалѣли о нихъ, а между тѣмъ это были люди въ своемъ родѣ самые счастливые. По примѣру почти всѣхъ товарищей ходилъ домой пѣшкомъ и я. Разъ на страстной недѣлѣ я шелъ въ гости къ одному родственнику, жившему въ 30-ти верстахъ отъ Тамбова въ Разказовѣ. Было довольно холодно и очень сыро. Подъ Тамбовомъ рѣка разлилась до самаго лѣса, но вода начинала уже сильно сбывать и потому была возможность кое-какъ перебрести залитые водой луга. Именно мнѣ, тогда 13-лѣтнему мальчику, и пришлось воспользоваться этою возможностью. Правда, мѣстами я почти по поясъ уходилъ въ воду, я весь иззябъ, одеженка моя была совсѣмъ мокрая, мнѣ угрожала смертельная простуда, но я ничего знать не хотѣлъ и радостно шелъ впередъ. Въ другой разъ меня взялъ съ собою въ дорогу одинъ изъ старшихъ моихъ товарищей, по фамиліи Клопскій. Онъ былъ извѣстенъ всей нашей школѣ тѣмъ, что часто ходилъ домой безъ гроша и совершенно спокойно прибѣгалъ къ общественной благотворительности. Съ нимъ-то мы должны были пройти 250 верстъ. Денегъ у насъ обоимъ было 20 копѣекъ, да на дорогѣ одинъ проѣзжіи священникъ далъ намъ гривенникъ. Мы шли болѣе недѣли; и дождемъ насъ мочило,

и солнцем пекло, и вѣсть-пять было нечего, когда всѣ наши капиталы вышли, и пили мы часто изъ грязныхъ дождевыхъ лужъ, и Богъ хранилъ насъ. Мы не унывали и, перебирая кой-какъ усталыми ногами, мурлыкали себѣ подъ носъ разныя пѣсни. Дорогою въ одною сель Спасскаго уѣзда мы случайно были свидѣтелями такого сѣченія, которому позавидовалъ-бы и нашъ училищный солдатъ. Мужиковъ въ селѣ Покровскихъ Селищахъ сѣкли за разрушеніе кабаковъ, происшедшее по поводу одного изъ тѣхъ печальныхъ недоразумѣній, которыя въ прежнее время были такъ нерѣдки въ русскомъ быту. Это было во время уничтоженія винныхъ откуповъ. Крестьянъ сѣкли торжественно. На многочисленныхъ крестьянскихъ подводахъ пріѣхала военная команда, быстро атаковала виновныхъ и не менѣе быстро всѣхъ ихъ подвергла жестокому сѣченію, за тѣмъ войско поѣхало далѣе, въ нынѣ замутнившіяся села... Въ данномъ случаѣ меня удивляло слѣдующее обстоятельство. Высѣченные крестьяне, вслѣдъ за экзекуцію, ходили по селу совершенно спокойно, на ихъ раскраснѣвшихся лицахъ замѣчалась даже какая то странная веселость, вѣроятно вслѣдствіе того, что вотъ попалъ было они въ большую бѣду, да счастливо отдѣлались...

Въ концѣ іюля мы дошли до своихъ родныхъ селъ. Послѣ тягостныхъ впечатлѣній бурсацкой жизни мы радостно и приполюбно отдыхали. Впередѣ въ довольно радужныхъ краскахъ рисовалась намъ семинарія, которая послѣ нашей глубокой бурсы и не могла иначе представляться намъ... Наконецъ, по возвращеніи въ Тамбовъ, трепетные и смущенные вошли мы въ семинарскіе классы для пріемныхъ экзаменовъ.

С Е М И Н А Р І Я .

Тамбовская семинарія, вслѣдствіе крайней нашей наивности, поразила насъ на первыхъ порахъ недоступнымъ величіемъ начальства и преподавателей, которыхъ въ наше время, т. е. въ началѣ 60-хъ годовъ, именовали *профес-*

сортали. И начальники, и преподаватели съ нами *не говорили*, они намъ *отцами*. Особеннымъ высокоуміемъ относительно насъ отличался инспекторъ архимандритъ Антоній, впоследствии епископъ Томскій.

Поселили насъ въ семинарской бурсѣ. Эта была просторнѣй и чище училищной. Кормили насъ тоже получше. За то семинарская дисциплина оказалась такою же строгою, какъ и училищная. Вся разница между ними заключалась только въ томъ, что въ семинаріи насъ рѣдко събили. По утру, по звонку, мы должны были вставать въ шесть часовъ. Кто нѣсколько запаздывалъ, тому неизбежно приходилось испытать чувствительную несприятность отъ инспектора, имѣвшаго строгій обычай колотить лежачихъ палкою. Въ столовой сидѣли мы совершенно безмолвно и слушали книгу «училище благочестія», которую читалъ кто нибудь изъ насъ по очереди. Вечеромъ готовились уроки за назначенными для извѣстнаго числа учениковъ столами. Тишина и тутъ была невозмутимая. Нарушителей порядка о. Антоній могъ дня на три оставить безъ обѣда, или же препроводить въ пекарню, назначенную для извѣстныхъ экзекуцій. Въ отсутствіе инспектора наша дисциплина ни сколько не ослабѣвала, потому что надъ нами *риторами*, т. е. учениками низшаго семинарскаго класса, были суровые набольшіе, безъ церемоній толкавшіе и щипавшіе насъ, такъ наз. *богослова*. Богослова вели себя относительно риторовъ съ полнымъ сознаниемъ своего величія и бразды правленія держали крѣпко, иногда даже очень крѣпко. За малѣйшую непочтительность къ себѣ богослова мстили намъ жестоко. Въ этомъ случаѣ имъ покровительствовалъ самъ Антоній... Между тѣмъ насъ начали просвѣщать семинарскими науками.

Главною наукою въ первомъ семинарскомъ классѣ считалась риторика. Мы занимались ею каждый день, заучивая наизусть по нѣсколькимъ страницъ изъ записокъ, составленныхъ, по Кошанскому, преподавателемъ риторики П. И. Остроумовымъ. Въ теченіе двухгодичнаго курса мы узнали,

что даръ слова есть превосходный даръ, сообщенный Творцомъ человеку, безъ котораго одинъ человекъ былъ бы закрытъ для другаго, и т. д. Мы узнали, что такое періоды и какъ ихъ составлять, что такое хрія, какаѣ изъ нихъ порядочная и какаѣ Автошѣва и т. д. въ этомъ родѣ. Намъ усовершенствовались въ долбленіи запясокъ объ источникахъ изобрѣтенія (*loci topici*), о тропахъ и фигурахъ. Что же касается до литературныхъ образцовъ, то они тѣмъ тѣмъ отъ насъ были скрываются. Исключеніе сдѣлано было для Державина, любимаго автора П. И. Остроумова. Изъ стихотвореній этого Екатерининскаго пѣвца, весьма талантливаго, но далеко не всегда образцоваго, мы къ каждому классу заучивали что нибудь наизусть. Нашему учителю особенно нравились слѣдующіе стихи:

„Ступить на горы,
Горы трещать,
Ляжетъ на море,
Бездны кипять...

Или вотъ эти:

„Что наша жизнь?

Ничто иное, какъ лишь мечтаніе пустое»...

По примѣру своего профессора мы читали Державинскіе стихи съ подобающею имъ торжественностію. Когда произносили извѣстный стихъ изъ оды «Богъ»: «безъ лицъ въ трехъ лицахъ божества», — то сначала закрывали руками все лицо, а потомъ открывали ладони и для наглядности тронности божества держали ихъ около щекъ... Какъ величайшій образецъ краснорѣчія, намъ предлагалась извѣстная рѣчь Георгія Конисскаго: «оставимъ астрономамъ доказывать, что земля вокругъ солнца обращается; наше солнце вокругъ насъ ходитъ, да мы въ благополучіи почиваемъ»... Словомъ, наша риторика была совершенно схоластическая и слѣдовательно развивная насъ только формально. И темы для сочиненій давались намъ такія же схоластическія, безсодержательныя, ради которыхъ мы ничего не читали, да

намъ и не совѣтовали читать. Въмѣсто разныхъ источниковъ у насъ были извѣстныя *loci topici*. Нѣкоторыя изъ нашихъ риторическихъ темъ я помню. Напримерь: «должно почитать родителей; науки полезны; безъ Бога ни до порога». Результатомъ такого двухгодичнаго риторическаго балансиранья нашей мысли было то, что мы, не выработавъ у себя ясной и толковой рѣчи, привыкли къ самому необузданному фразерству. Бывало такъ и норовишь вернуть въ сочиненіе фразу помудренѣе, которой и самъ путь не понимаешь. И ничего: на «авось» пущенная фраза почти всегда встрѣчала полное сочувствіе со стороны П. И. Остроумова. Надобно замѣтить, что Павелъ Ивановичъ считался въ наше время однимъ изъ лучшихъ преподавателей и, по-видимому, сильно хлопоталъ о нашемъ развитіи. Онъ и анекдоты намъ разные разсказывалъ, и стихи заставлялъ писать, и *возражалъ* во время уроковъ часто. Слѣдовательно, его педагогическія относительно насъ неудачи надо отнести къ его устарѣвшей учебной системѣ.

Кромѣ того, за Павломъ Ивановичемъ были и серьезные грѣшки. Многіе поговаривали о его не очень безкорыстномъ секретарствѣ сперва въ семинаріи, потомъ въ консисторіи, куда онъ въ 1863 году перешолъ на службу. А во время классныхъ занятій вотъ чѣмъ не правился Остроумовъ своими ученикамъ. Онъ часто допытывался у насъ: кто чей сынъ, и не племянникъ ли тому-то, и не внукъ ли того-то. И если допрашиваемый оказывался дячковскимъ или пономарскимъ сыномъ, да еще неудовлетворительно отвѣчалъ, то Павелъ Ивановичъ долго и съ наслажденіемъ потѣшался надъ нимъ и надъ его *черною кровью*.

Учителемъ всеобщей исторіи былъ у насъ Гавриль Степановичъ Солнцевъ. Своего предмета онъ не зналъ, такъ какъ преподавалъ его *по назначенію*, и кромѣ того отличался странною деликатностію въ обращеніи съ нами. Между тѣмъ какъ всѣ преподаватели обращались съ нами безъ церемоніи и говорили всѣмъ намъ: ты — Гавриль Степановичъ говорилъ каждому изъ насъ: вы, милостивый госу-

дарь! Даже когда брапилъ онъ насъ за неспаніе урока или за шалость, и тутъ не оставляла его свойственная ему эlegantность и онъ говорилъ кому нибудь изъ насъ: «вы, милостивый государь, дуракъ, свинья!» Вообще личность Г. С. Солнцева представлялась намъ достойною сожалѣнія. У него была довольно значительная семья, а жалованье онъ получалъ только по должности учителя, т. е. 257 рублей въ годъ. На эти деньги, съ присоединеніемъ къ нимъ кандидатскаго 70-рублеваго оклада, конечно, жить было очень трудно. Долго бѣдствовалъ нашъ убогій педагогъ, пока не надумался, не похлопоталъ и не перешолъ въ кабую то гимназію западнаго края.

Гаврила Степановича Солнцева замѣнилъ въ нашей семинаріи іеромонахъ Венедиктъ. И онъ не зналъ исторіи, въ чемъ чистосердечно и откровенно сознался намъ при первомъ свиданіи въ классѣ, за то самъ былъ въ нѣкоторомъ отношеніи личностію *историческою*. Въ трезвомъ состояніи Венедиктъ былъ вполне порядочнымъ человѣкомъ: разсудительнымъ, скромнымъ, вѣжливымъ. Если же онъ нарушалъ свою трезвенность, а это бывало съ нимъ ирѣдко, то становился невыносимымъ. Тутъ онъ безъ удержу буйствовалъ, дѣлался крайне обидчивымъ, подозрительнымъ и лѣзъ со всѣми въ драку. Тутъ овладѣвали имъ и иные не менѣе сильныя возбужденія... Въ откровенныя минуты о. Венедиктъ самъ жалѣлъ о томъ, что угодилъ въ монахи и тѣмъ загубилъ свою пылкую натуру, въ сущности хорошую, но вовсе не монашескую. Рассказывали, что постриженіе іеромонаха Венедикта произошло по слѣдующему случаю. Въ Московскую академію, гдѣ онъ обучался, пріѣхала какая то очень знатная особа, выразившая желаніе посмотрѣть церемоніалъ монашескаго постриженія. Академическое начальство отнеслось къ этому желанію съ полнымъ сочувствіемъ. Пужно было только найти охотника. И такой нашелся или былъ найденъ въ лицѣ нашего Венедикта... Самое монашество ему не очень нравилось, но вмѣстѣ съ нимъ въ перспективѣ заманчиво рисовалось инспекторство,

потомъ ректорство, даже архіерейство... Однако, мечты о. Венедикта не осуществились. Бѣдный и несчастный іеромонахъ умеръ въ какомъ-то глухомъ монастырѣ на братскомъ положеніи...

Математику, по распоряженію семинарскаго правленія, въ наше время читалъ у насъ П. П. Праздниковъ, дотолѣ обучавшій семинаристовъ то исторіи, то латинскому языку... Слѣдовательно, нашъ курсъ уже никакъ не могъ блистать математическими познаніями. Петръ Ильичъ самъ хорошо сознавалъ свою научную несостоятельность и потому ни чуть не скрывалъ отъ насъ своей крайней раздражительности, вследствие которой постоянно ставилъ насъ въ классѣ на колѣни. Этотъ господинъ Праздниковъ былъ маленькій вертлявый человекъ, постоянно приходившій на службу въ равномъ, шитомъ бѣлыми пиджаками, сюртучишкѣ; голосъ у него былъ визгливый и плаксивый; при объясненіяхъ съ учениками онъ бранился, и однако его ничуть не боялись и во время его классовъ семинаристы обыкновенно шумѣли и громко смѣялись, не смотря на его яростныя замѣчанія. Впоследствии П. П. Праздниковъ, отслуживши свой 25-лѣтній учительскій срокъ, вышелъ въ отставку и принялъ священство, и на этомъ послѣднемъ поприщѣ, говорятъ, приобрѣлъ уваженіе и любовь своихъ прихожанъ...

Латинскую книжку «de viris illustribus» мы переводили подъ руководствомъ Д. П. Тростянскаго. Онъ же былъ у насъ преподавателемъ естественной исторіи и сельскаго хозяйства, и онъ же извѣстенъ былъ въ Тамбовѣ, какъ наблюдатель мѣстныхъ метеорологическихъ явленій. Сверхъ того Дмитрію Николаевичу поручена была субъ-инспекторская должность, которую проходилъ онъ съ видимымъ удовольствіемъ, нагоняя страхъ на семинаристовъ и угождая высшему семинарскому начальству. Точно ловкій полицейскій сыщикъ, Тростянскій во время узнавалъ про всѣ семинарскія затѣи, внезапно и когда его совѣтъ не ждали являлся въ семинарскихъ квартирахъ, все заставлялъ врасплохъ, перерывалъ всѣ сундуки и ящики и узнавалъ что надо: кто изъ учени-

ковъ курить табакъ, кто водку пьетъ и кто недозволенную свѣтскую книжку читаетъ. Въ частной жизни Дмитрій Николаевичъ отличался замѣчательною скупостію. Онъ одѣвался и по праздникамъ и въ будни въ одинъ и тотъ же форменный вицъ-мундиръ; бѣлья въ смыслѣ бѣлой, чистой рубашки у него не водилось; столъ его былъ, можно сказать, отшельническій. Отъ этого у Д. П. Тростянскаго завелась небольшая денежка и прослылъ онъ въ семинарскомъ кругу богачемъ.

По поводу семинарскихъ преподавателей я долженъ здѣсь замѣтить, что ихъ существованію въ началѣ 60-хъ годовъ было жалкое, ненормальное. При всей своей педагогической неподготовленности все они были люди болѣе или менѣе развитые, образованные, съ аттестатами духовныхъ академій. Между тѣмъ матеріальная ихъ обстановка была значительно хуже обстановки средняго губернскаго чиновника, напримѣръ столоначальника, частнаго пристава, гарнизоннаго капитана, становаго пристава и подобныхъ людей, для которыхъ безусловно требовалась одна простая грамотность. Самый *богатый* семинарскій *профессоръ* Остроумовъ получалъ, при двухъ вспомогательныхъ должностяхъ, всего около 600 рублей... Въ семинаріи въ наше время тепло было служить только начальствующимъ лицамъ, особенно ректору, у котораго была богатая казенная квартира, и лошади съ хорошими экипажами, и доходный монастырь. Къ преподавателямъ семинарское начальство относилось съ полнымъ несокомфріемъ, забывая свое тождество съ ними и по происхожденію, и по воспитанію, и подражая въ этомъ случаѣ епархіальному архіерею. Здѣсь кстати припоминаю слѣдующій фактъ. Былъ экзаменъ въ нашей семинаріи по какому-то богословскому предмету. Архіерей, по обыкновенію, ораторствовалъ при всеобщемъ благоговѣйномъ безмолвіи. Въ это время одинъ изъ преподавателей вздумалъ возразить ему и въ доказательство своей мысли привелъ слова одного знаменитаго отца церкви. Тогда архіерей, ни сколько не смутившись, обратился къ своему оппоненту и произнесъ слѣ-

дующія знаменательныя слова: «что ты дѣлешь ко мнѣ съ отцами церкви? Я самъ отецъ церкви». Диспутъ на этомъ, конечно, и остановился...

При указанныхъ условіяхъ жизни, безъ всякой посторонней помощи, преподаватели семинаріи доходили иногда до результатовъ весьма плачевныхъ, нѣяствовали и погибли. Мнѣ особенно припоминается одинъ изъ этихъ несчастныхъ, А. А. Книгининскій, человѣкъ талантливый и бывалый, живавшій и въ Кіевѣ, и въ Тифлисѣ, и въ Нижнемѣ. Какъ преподавателя, я его не засталъ уже, я его видывалъ, какъ бездомнаго и безпріютнаго *босовника*, потерявшаго всякое подобіе человѣческаго достоинства. Скажутъ, Анолонъ Алексѣевичъ былъ человѣкъ слишкомъ слабохарактерный и только потому погибъ. Но на это можно отвѣтить вопросомъ: а много ли у насъ героевъ? Да и люди съ задатками характера всегда ли могутъ твердо стоять противъ разныхъ тяжелыхъ немытаній? Легко говорить о силѣ воли тому, кому такъ или иначе благопріятствуютъ обстоятельства, но не легко жить на свѣтѣ такимъ горьмагамъ—неудачникамъ, какъ бывший учитель Тамбовской семинаріи Книгининскій...—Возвращаюсь опять къ своему реторическому классу.

Смутно сознавая безсиліе семинарской науки, многіе изъ насъ съ усердіемъ занялись чтеніемъ разныхъ, преимущественно свѣтскихъ, книгъ. Но и тутъ явилось семинарское начальство въ лицѣ инспектора Антонія, чтобы помѣшать намъ. Лично со мною были слѣдующія проишествія. Однажды, во время такъ называемой *рекреаціи*, я читалъ у своего стола гдѣ-то добытую книжку «Отечественныхъ Записокъ». Входитъ Антоній и съ гнѣвнымъ лицомъ отымастъ у меня чужую книгу, которой такъ и не возвратилъ онъ мнѣ никогда. Но этимъ дѣло не кончилось. Инспекторъ пообѣщавъ примѣрно наказать меня и три дня держалъ меня въ недоумѣніи и страхѣ относительно формы наказанія. Наконецъ онъ смягчился и экзекуцію, которую я ожидалъ, замѣнилъ стояніемъ на колѣняхъ во время семинарскаго

обѣда. Два дня я украшала семинарскую столовую своею колѣнопреклоненною фигурою и отъ души радовался, что такъ дешево отдѣлался отъ суроваго блюстителя чистоты нашихъ правовъ... Въ другой разъ съ большимъ трудомъ я достала себѣ «Русскій Вѣстникъ», почитала его и вышла погулять, а книжка осталась на столѣ. Возвращаюсь въ свою комнату. Книжки нѣтъ. Оказалось, что въ мое отсутствіе приходилъ о. инспекторъ и снова конфисковалъ *контрибанду*.

Не менѣе упорно о. Антоній преслѣдовалъ семинаристовъ за ихъ музыкальныя занятія, за скрипку, гитару, гусли и нѣшіе свѣтскихъ пѣсенъ. Исполнителей опъ обыкновенно сѣкъ въ семинарской некариѣ, а музыкальные инструменты, какіе находилъ, собственноручно разбивалъ. Гонитель свѣтской литературы и эстетическихъ стремленій, архимандритъ Антоній въ то же время преслѣдовалъ у семинаристовъ опрятность и чистоту въ одеждѣ. Одѣться семинаристу въ хорошо сшитый сюртукъ, по его мнѣнію, значило быть легкомысленнымъ, пустымъ и ни на что не способнымъ франтомъ. Во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ относительно семинаристовъ Антоній проявлялъ совершенный произволь. Съ нами вмѣстѣ поступилъ въ семинарію пѣкто Макашинъ, по мнѣнію учителей и товарищей, очень способный мальчикъ. Именно на него-то и обратилъ инспекторъ свое вниманіе и рѣшилъ устроить судьбу его по своему. Опъ опредѣлилъ его подлѣкаремъ въ семинарскую больницу *съ правомъ исключенія изъ классы*. Напрасно бѣдный мальчикъ поставлялъ ему на видъ свое сильное желаніе и способность учиться, Антоній упорно отвлекалъ его отъ науки и бросалъ его въ традиционную среду семинарскихъ туницъ и дармождовъ. Положеніе Макашина становилось отчаяннымъ и опъ радъ былъ бы вернуться на повторительный курсъ опять въ училище... Спасибо, надоумили его обратиться за помощію къ самому ректору, о. Теофилакту, который и освободилъ Макашина отъ больницы.

Говори объ Антоніѣ, трудно забыть его неуслынную дѣя-

тельность по инспекторской части. Онъ хотѣлъ все видѣть и знать. Онъ ежедневно посѣщалъ всѣ семинарскія комнаты, корридоры, уголки и даже отхожія мѣста; возвращавшихся изъ отпуска семинаристовъ онъ продолжительно и тщательно обнюхивалъ, добираясь: не пахнетъ ли отъ кого водкой. Раннимъ утромъ или глубокою ночью—всегда мы могли видѣть своего ибстуну, быстро мелькавшего въ семинарскихъ комнатахъ. Конечно, съ одной стороны такая дѣятельность была весьма почтенна, именно какъ образецъ вышшняго исполненія служебнаго долга... Архимандритъ Антоній при миѣ въ Тамбовской семинаріи былъ недолго. Скоро его перевели ректоромъ въ одну изъ южныхъ семинарій.

По отъѣздѣ Антонія, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, мы перешли въ слѣдующій классъ-философскій. Но прежде чѣмъ говорить о Тамбовской семинарской философій, укажу на одно важное событіе. Къ намъ пріѣхалъ изъ Перми новый инспекторъ, іеромонахъ Сергій. Новый инспекторъ былъ человекъ слабый, больной, и однако при немъ и не безъ его участія совершилась у насъ важная реформа—отмѣна сѣченія. Отношенія іеромонаха Сергія ко всѣмъ ученикамъ были безукоризненно вѣжливы; это не могло не повліять и на старшихъ учениковъ, и такимъ образомъ новый инспекторъ внесъ въ нашу внутреннюю жизнь иное, болѣе гуманное направленіе. Къ сожалѣнію, совсѣмъ иначе держалъ себя о. Сергій съ семинарскими преподавателями. Почему-то ему пришло на умъ, что всѣ они не любятъ его и что у нихъ даже тайный заговоръ противъ него, вслѣдствіе котораго *они всдутъ мины подъ его квартиру и хотятъ взорвать его на воздухъ*. Вотъ до чего договаривался бѣдный о. Сергій! Понятно, что его умственные способности были не въ порядкѣ, и это впоследствии выразилось въ довольно острой формѣ. Разъ о. Сергій, уже въ санѣ архимандрита, въ одномъ подрясникѣ явился ко всеобщей въ архіерейскую церковь и прямо отнесся къ самому архіерею съ извѣстною жалобою на семинарскихъ преподавателей. Съ большимъ трудомъ его успокоили. Но и потомъ страхъ не

оставлялъ бѣднаго инспектора, во всѣхъ углахъ квартиры ему мерещились заговорщики и онъ сталъ кидать въ своихъ мнимыхъ непріятелей камнями... На другой день послѣ первой такой баталіи къ о. Сергію пріѣхалъ его пріятель Викторъ, архимандритъ Трегуляйскаго монастыря, съ тою цѣлію, чтобы увезти больного къ себѣ. И не увезъ, а самъ попалъ въ бѣду, получивши нѣсколько ударовъ отъ о. инспектора. Той же участи подвергся и врачъ Вишневскій, явившійся въ инспекторскую квартиру для діагноза. Описываемыя событія происходили во время каникулъ, слѣдовательно свидѣтелей несчастія о. Сергія было немного. Насъ, оставшихся въ семинаріи учениковъ, было только 20 человекъ. Однажды мы ужинали. Вдругъ вбѣгаетъ въ столовую инспекторъ, блѣдный, съ растрепанными сѣдыми волосами, и начинаетъ бить кого понало. Понятно, всѣ мы поспѣшили разбѣжаться въ разныя стороны: кто черезъ дверь, мимо грознаго о. Сергія, кто черезъ окно. Инспекторъ за нами. Ночью, потихоньку, мы вернулись въ семинарію и крѣпко у себя заперлись на случай новаго появленія больного инспектора. Въ эту ночь бѣдный нашъ больной особенно страдалъ. Онъ одѣлся въ архимандритскую мантию, взялъ что-то, чего мы не разсмотрѣли, въ руки и долго нестово бѣгалъ по двору, напѣвая церковныя пѣсни и громко объявляя кому-то, что онъ архимандритъ и инспекторъ. Въ слѣдующее утро больному стало легче, онъ совершенно успокоился и только жаловался на сильную головную боль. Наконецъ о. Сергій совсѣмъ выздоровѣлъ и въ 1864 году былъ назначенъ ректоромъ въ Иркутскую семинарію.

Архимандритъ Сергій былъ у насъ однимъ изъ главныхъ преподавателей въ философскомъ классѣ; онъ давалъ намъ уроки по Священному Писанію. Надобно замѣтить, что въ нашей семинаріи предметы преподаванія дѣлились на главные, неглавные и *совсѣмъ пустые*, которыми совершенно спокойно можно было и не заниматься. Риторика, философія, богословіе—это главные предметы; Священное Писаніе, литургика, гомилетика — не главные; а напимѣръ новые

языки считались предметами не стоящими вниманія. Передъ поступленіемъ въ философскій классъ мы уже заранѣе нахмуривали лбы, чтобы изобразить изъ себя философовъ. Мы думали, что захватаемъ въ этомъ классѣ тьму знаній. На практикѣ оказалось далеко не то. Что напримѣръ, мы могли узнать изъ Священнаго Писанія подъ руководствомъ крайне недалекаго въ научномъ отношеніи о. Сергія? Ровно ничего, потому что всѣ классы по Священному Писанію неизмѣнно проходили въ чтеніи очередными учениками нѣсколькихъ страницъ изъ Евангелій или Посланій. Прочитанное мы иногда пересказывали своими словами, но не объясняли, такъ какъ и самъ Сергій никогда ничего не объяснялъ намъ. Иногда классы Священнаго Писанія разнообразились у насъ чтеніемъ плохихъ стихотвореній, сочиненныхъ самимъ о. Сергіемъ. Съ особенною любовью поэтъ-инспекторъ читалъ намъ свою поэму «Іоанніаду», въ которой описывалась жизнь Іоанна Златоустаго. Вотъ, напримѣръ, какими стихами въ «Іоанніадѣ» изображалось извѣстное Константинопольское землетрясеніе:

„Во время бѣдствія того,
Изъ правовѣрныхъ никого
Землетрясенье не вредило!
Однихъ еретиковъ убило!“

Далѣе говорится про Іоанна Златоустаго:

„Онъ бунтъ народный укротилъ,
Когда народъ вдругъ прекратилъ
Свои начальству поклоненья,
Во время гнѣвнаго волненья!..“

Говоря о заведеніи въ Царь-градѣ патріаршихъ больницъ, нашъ поэтъ сочиняетъ слѣдующія рѣзны:

„Дана власть іереямъ мѣстнымъ
Надъ заведеніемъ пзвѣстнымъ;
Приставлены къ нему врачи,
Устроены при немъ бахчи...“

Слѣдующими стихами о. Сергій рассказываетъ про одно изъ чудесъ Златоустаго:

„Тамъ, гдѣ свирѣпый левъ скитался,
И многихъ убивалъ людей,
Поставленъ крестъ! И звѣрь скончался,
Легъ бездыханнымъ средь путей,
У деревяннаго креста
Во славу Господа Христа!..“

Но самые интересные стихи у нашего автора во всей его «Юанниадѣ», безъ сомнѣнія, вотъ эти:

„Юанниъ Златоустъ
Свѣль читать подь кусть.
Вдругъ прѣхали дроги
И повезли его по Константинопольской дорогѣ.
Прѣхали ко двору
И везѣли звонить въ колокола пономарю...“

Отецъ Сергій имѣлъ авторскую слабость восхищаться своими стихами и вызывать восхищеніе въ своихъ слушателяхъ. Конечно, нѣкоторые изъ насъ пользовались этимъ обстоятельствомъ и неудержимо льстили достопочтенному автору и спрашивали его: почему онъ такъ долго не печатаетъ своего творенія. На это о. Сергій обыкновенно скромно потуплялъ глаза и обѣщаль познакомить міръ съ своею поэзіею впоследствии, по своей смерти...

Самыми главными науками въ философскомъ классѣ были логика и психологія. Мы изучали ихъ подъ руководствомъ усерднаго и опытнаго преподавателя П. М. Сладкопѣцева, который имѣлъ обыкновеніе каждый заданный урокъ предварительно подробно и толково объяснять. Вслѣдствіе этого мы не особенно затруднялись разными логическими тонкостями и довольно скоро освоились и съ основными законами мышленія, и съ разнообразными силлогизмами, энтимемами, эпихиремами, соритами, софизмами, и съ ученіемъ объ опредѣленіи, раздѣленіи, доказательствахъ и методахъ. Послѣ логики психологія и вовсе показалась намъ легкой наукой. Не удивительно поэтому, если Иванъ Максимовичъ сталъ любимымъ нашимъ наставникомъ. Въ классѣ у него всегда была совершенная тишина. Самые

плохіе ученики внимательно и напряженно вслушивались въ его рѣчи и кое-что усвоили изъ нихъ. Сочиненія наши Сладкопѣвцевъ разбирали внимательно и съ своими серьезными критическими замѣчаніями возвращалъ каждому изъ насъ лично. Конечно, и у нашего любимца были свои недостатки, зависѣвшіе впрочемъ не столько отъ него лично, сколько отъ господствовавшаго схоластическаго направленія его наукъ. Не говоря о разныхъ безжизненныхъ примѣрахъ на всѣ логическія положенія (всѣ люди смертны, Кай—человѣкъ; слѣдовательно Кай смертенъ и пр.), мы остановимся здѣсь на слѣдующемъ опредѣленіи нашего учебника, которое мы обязаны были заучивать наизусть: «каждая наука есть осуществленіе того образа вѣденія, который постигается однимъ умомъ. Этотъ образъ, осуществленный наукою, называется идеєю науки. Идеєю возбуждается въ духѣ нашемъ стремленіе къ изслѣдованіямъ, относящимся къ наукѣ, и предначертывается ей планъ; поему идея имѣетъ вліяніе какъ на матерію, такъ и на форму науки». Или вотъ еще не менѣе ученая фраза изъ нашей логики: «признакъ признака есть признакъ и предмета, заключающагося подъ симъ признакомъ». Точно также и психологія наша не отличалась жизненностію и ясностію. Душу мы дѣлили и подраздѣляли на множество частей, при этомъ психическая дѣятельность изучалась нами безъ всякой связи съ физической природой человѣка. Словомъ, мы уносились въ схоластическія дебри и безвыходно путались тамъ въ Греко-римскихъ логическихъ тонкостяхъ, укрѣпляясь такимъ образомъ въ развитіи силы только одного отвлеченнаго мышленія. Разумѣется и это было далеко не бесполезно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы имѣли наивность мечтать о себѣ слишкомъ высокомерно. Поэтому; когда намъ задавали темы для сочиненій, мы вовсе и не думали пользоваться какими нибудь источниками. Мы даже смѣялись надъ тѣми немногими товарищами, которые, *не доверяя своему уму*, принимались читать какія нибудь книжки...

Въ наше время въ философскомъ классѣ былъ только

одинъ преподаватель, который смѣло и твердо боролся съ семинарскою схоластикою. Это извѣстный составитель русской грамматики К. Г. Говоровъ. Онъ преподавалъ намъ Германистику, т. е. науку о толкованіи Священнаго Писанія, и библейскую исторію. Къ объѣмъ этимъ наукамъ Козьма Гавриловичъ относился крайне апатично и потому не принесъ намъ возможной пользы. Онъ больше забавлялся съ нами разговорами на разныя житейскія темы, скорбѣлъ о русскомъ духовенствѣ, рисуя быть его самыми мрачными красками, говорилъ о нашемъ самодовольномъ семинарскомъ невѣжествѣ и только къ концу класса принимался спрашивать старшій урокъ и задавать новый. Спрашиванье это не обходилось иногда безъ курьезныхъ замѣчаній на счетъ учениковъ. Если урока не зналъ какойнибудь великорослый и здоровый семинаристъ, а таковыхъ у насъ было не мало, то Говоровъ дружелюбно совѣтовалъ ему бросить науку и удалиться въ среднюю ему деревенскую глушь на дьячковское или дьяконское мѣсто. «Тебѣ, замѣчалъ такому ученику Козьма Гавриловичъ,—по твоему возрасту и вожденіямъ не въ семинаріи учиться, а на полатяхъ съ хозяйкой возиться»... Мы, конечно, рады были этой нѣсколько грубой остротѣ и все вдругъ и громко принимались смѣяться.

Въ нашей семинаріи было нѣсколько кѣмъ-то пожертвованныхъ физическихъ приборовъ и мы, увидавъ ихъ, очень заинтересовались физикою. Къ сожалѣнію преподаватели наши, Пѣвинскій и Маловъ, сами очень неопытны были въ этой наукѣ и потому наша семинарская физика преподавалась по учебникамъ, безъ опытовъ. Мы зубрили физику, какъ логику, психологію, реторику.

Не смотря на крайнюю скудость своего образованія, мы были глубоко убѣждены въ величій своихъ знаній. Въ особенности этимъ самомиѣнемъ грѣшили наши лучшіе ученики, которыхъ много путали ихъ товарищи, постоянно трубившіе имъ объ ихъ геніальности. И вотъ какойнибудь семинаристъ—бурсакъ *изъ перваго ящика* начиналъ корчить изъ себя великаго человѣка. Онъ старался говорить какъ можно мудро-

иѣ и о важныхъ матеріяхъ, принималъ эффектные позы и волосъ не причесывалъ, *за немѣлимъ свободнаго отъ учебныхъ занятій времени.*

Изъ философскаго класса мы перенли въ послѣдній семинарскій классъ—богословскій. Главную богословскую науку, догматику, намъ преподавалъ самъ ректоръ архимандритъ Геннадій, поступившій въ нашу семинарію послѣ ректора Θεоктиста, а Θεоктистъ ректорствовалъ у насъ послѣ Серафима, смѣнившаго уже указанного нами Θεовилакта. И Серафимъ, и Θεоктистъ были въ Тамбовѣ не долго; поэтому мы скажемъ о нихъ очень немного. Оба они являлись въ нашихъ комнатахъ и классахъ весьма рѣдко и производили на насъ впечатлѣніе неодинаковое. Серафимъ казался намъ человѣкомъ весьма добрымъ и ласковымъ. Θεоктистъ—суровымъ. Общее у нихъ было только то, что оба они одинаково настойчиво стремились изъ Тамбова и прочной памяти о себѣ у насъ они не оставили. Первый впоследствии сдѣлался архіепископомъ Воронежскимъ, второй—Рязанскимъ. Съ большимъ вниманіемъ и удовольствіемъ я останавливаюсь на личности ректора Геннадія.

Архимандритъ Геннадій, несомнѣнно, былъ человѣкомъ весьма гуманнымъ и даровитымъ. Всѣхъ насъ дотоѣ крайне привижениыхъ онъ старался ободрить и облагородить и въ этихъ видахъ не рѣдко принималъ насъ у себя запросто, даже въ присутствіи гостей, угощая чаемъ и обѣдомъ. Лестн и низкопоклонства онъ не терпѣлъ и всячески старался развить въ насъ честность и правдивость. Но еще болѣе мы убѣдились въ достоинствахъ Геннадія, когда стали слушать его уроки. Онъ умѣлъ придать семинарской догматикѣ характеръ науки живой, занимательной, внесъ въ эту науку элементъ историческій и излагалъ свои мысли языкомъ бойкимъ и голѣсомъ внушительнымъ и звонкимъ. Со времени Геннадія въ нашей семинаріи стали укореняться лучшіе нравственные порядки. Подражая ректору, и преподаватели стали допускать насъ къ себѣ и бесѣдовать съ нами когда о предметахъ научныхъ, когда просто о житейскихъ дѣлахъ. Съ этого времени чтеніе журналовъ намъ не только не возбранялось, но даже сильно поощрялось.

Впрочемъ, за исключеніемъ догматики, въ богословскомъ классѣ не оказалось ни одной науки, которая насъ заинтересовала бы. Возьмемъ для примѣра гомилетику, которую преподавалъ намъ протоіерей П. П. Розановъ. Цѣлый курсъ этой науки состоялъ изъ скучнѣйшихъ рецептовъ, по которымъ мы должны были составлять проповѣди. Реценты эти были хорошо извѣстны еще во времена знаменитыхъ споровъ реалистовъ съ номиналистами; въ нихъ говорилось о приступѣ, о предложеніи, раздѣленіи, изложеніи, и о патетической части, и о заключеніи; тамъ были и примѣры, и подобія, и свидѣтельства. По рецептамъ этой-то гомилетики еще и теперь проповѣдуетъ большая часть отечественныхъ проповѣдниковъ, при появленіи которыхъ на амвонѣ, къ сожалѣнію, не безъ основанія расходится изъ церквей значительная часть богомольцевъ. Слушаніе гомилетическихъ уроковъ было тѣмъ тягостнѣе для насъ, что почтенный нашъ гомилетъ очень грубо обращался съ нами и за всякій отвѣтъ, хорошей или дурной, почти одинаково бранилъ насъ. Многіе изъ монаховъ товарищей обижались на это и объяснялись съ Павломъ Петровичемъ. Онъ говорилъ тогда разобиженному ученику: «развѣ ты не понимаешь, что я не браню тебя и что такая у меня поговорка? Садись, дуракъ!» Дуракъ садился и тѣмъ кончалось дѣло. Нѣкоторые ученики, которые были побойчѣе, пытались иногда своими возраженіями смутить и сбить съ толку Розанова. Но онъ хладнокровно вынуждался изъ затрудненія и напугивалъ своего оппонента на его скамью обычною своею любезностію: «что, много взялъ, дуракъ!» Къ концу курса, ко всемъ любезностямъ Павла Петровича мы привыкли и уже не обижались.

Выше я замѣтилъ, что протоіерей Розановъ за всякій отвѣтъ урока непремѣнно порицалъ насъ. Точно такъ же онъ поступалъ и относительно нашихъ проповѣдей. Черезъ это происходили курьезы. Иные ученики списывали проповѣди у знаменитѣйшихъ проповѣдниковъ или у отцовъ церкви и подавали ихъ Павлу Петровичу, какъ свои. Ре-

цензентъ нашъ не могъ же помнитъ всѣхъ проповѣдей нанзустъ и болѣе или менѣе жестоко бранилъ и критиковалъ поданную ему кабую нибудь отеческую проповѣдь. Тогда ученикъ сознавался въ своей поддѣлкѣ и на тотъ разъ, дѣйствительно, смущалъ нашего гомилета.

Хороши или дурны были наши проповѣди, мы по воскресеньямъ и праздникамъ произносили ихъ въ разныхъ приходскихъ церквахъ, облачаясь для этого въ стихари. День проповѣди былъ для каждаго изъ насъ днемъ торжества. Проповѣдниковъ поздравляли и они отвѣчали на любезность болѣе или менѣе широкимъ гостепрѣимствомъ, результаты котораго извѣстны... Изучая въ тѣ времена своихъ товарищей—богослововъ, я замѣтилъ, что на сколько трезвый семинаристъ изобилуетъ качествами смирнаго челоувѣка, на столько тотъ же самый семинаристъ, изрядно выпившій, изобилуетъ инстинктами буйства и разрушенія. Въ петревомъ видѣ Тамбовскій семинаристъ, сколько я помню за свое время, лишался даже чувства самосохраненія и прямо и безстрашно лѣзъ на глаза къ начальству.

Къ концу нашего семинарскаго курса къ намъ поступилъ новый врачъ, онъ же и преподаватель медицины, М. П. Никольскій. Такъ какъ до него медицину читалъ намъ старичокъ—врачъ Вишневскій, и при томъ такъ оригинально, что мы не могли разобрать у него *ни одного слова*, то новый лекторъ, только что выбывшій изъ Московскаго университета, понятнo, крайне правился намъ своими объясненіями по анатоміи и физиологіи, которыя, дѣйствительно, отличались живостію и занимательностію. Въ классѣ у Михаила Петровича всегда была масса слушателей изъ разныхъ классовъ.

Между тѣмъ внѣ семинаріи совершались великія дѣла. Всеюду замѣчалось сильнѣйшее общественное и литературное движеніе. Всеюду изобличались разные злоупотребленія, высказывались новыя принципы жизни смѣло и откровенно. Это было время, когда почти вся грамотная Россія, точно чудомъ какимъ, вдругъ помолодѣла, оживилась разными

планами и надеждами, основательными и неосновательными, разумными и неразумными, но во всякомъ случаѣ честными, безъ эгоистическихъ заднихъ мыслей... И какъ ни далеко стояла наша семинарія отъ теченія общественной жизни, все-таки и въ нашу обездоленную и захолустную школу стали врываться, какъ свѣтлыя лучи солнечныя, новыя идеи. Конечно, весь смыслъ новаго литературнаго движенія намъ былъ не доступенъ, и это было отчасти хорошо, но для насъ важно было уже и то, что въ средѣ нашей произошло значительное умственное оживленіе. Мы съ увлеченіемъ предались чтенію журналовъ. Для насъ составлена и открыта была ученическая бібліотека. Къ намъ начали заходить нѣкоторые преподаватели и читать съ нами образцовыхъ авторовъ: Гоголя, Пушкина, Гончарова, Тургенева и многихъ другихъ. Наконецъ въ нашей средѣ возникла довольно оригинальная и наивная мысль объ основаніи еженедѣльнаго ученическаго рукописнаго журнала подъ названіемъ «Семинарскій Листокъ». Редакторомъ листка быть иницицій эти строки. «Семинарскій Листокъ» просуществовалъ всего мѣсяца два. Содержаніе его, понимаемое въ обоихъ смыслахъ: финансовомъ и литературномъ, было, конечно, очень бѣдное, хотя отъ сотрудниковъ и читателей не было отбою; въ особенности много оказалось у насъ такихъ писателей, которые лѣзли въ редакцію со статьями политико-философскаго направленія и стремились къ нравственно-бытовому улучшенію отечества во всѣхъ отношеніяхъ. Въ нашемъ *журналь* между прочимъ былъ отдѣлъ внутренняго обозрѣнія. Въ этомъ отдѣлѣ, изображавшемъ собственно нашу семинарскую жизнь, время отъ времени стали появляться такія замѣтки, которыя дошли до начальства и не поправились ему какъ по наивно либеральному направленію, такъ еще болѣе потому, что *литература* стала у насъ развиваться на счетъ классныхъ занятій. На этомъ основаніи журналъ нашъ, безъ всякихъ предварительныхъ предостереженій, былъ прекращенъ. При этомъ считаю нужнымъ замѣтить, что карательныхъ мѣръ противъ насъ

не было употреблено. Даже самъ отвѣтственный редакторъ заплатилъ только тѣмъ, что нѣсколько дней провелъ въ страхѣ, какъ-бы о. ректоръ Геннадій публично не поставилъ его на колѣни...

Весною 1863-го года я узналъ о своемъ назначеніи въ Кіевскую духовную академію. Это отличіе, а равно и то обстоятельство, что у меня, дотола совершенно безденежнаго, вдругъ появились значительныя по моему тогдашнему состоянію путевыя деньги, вскружили мнѣ голову. Мнѣ былъ тогда 20-й годъ. Неудивительно, что я не на шутку считалъ себя и счастливецемъ, и богачемъ, и талантомъ, и призваннымъ къ широкой общественной дѣятельности. 5-го августа меня провожали товарищи. 6-го августа я выѣхалъ изъ Тамбова и заѣхалъ въ Козловскій монастырь къ о. ректору Геннадію, который принялъ меня истинно съ отеческою любовью. Прогостивши у незабвеннаго наставника дня два, я отправился далѣе и 15-го августа въ 12 часовъ дня увидѣлъ Кіевскія горы, покрытыя знаменитыми святынями: Лаврой, Аскольдовой могилой, Софійскимъ соборомъ, Михайловскимъ монастыремъ и церковью Андрея Первозваннаго. Нашъ русскій Іерусалимъ сразу плѣнилъ меня и своимъ Діѳиромъ-кормильцемъ, и своимъ живописными холмами, и храмами древними и златоглавыми, и уличнымъ оживленіемъ, и своею древнею школою Кіево-братскою... Съ тѣхъ поръ не мало прошло времени. Шли годы за годами, приноси и уноси свои радости и (особенно) невзгоды, измѣнялись семейныя и служебныя отношенія, строилась совѣмъ новая жизнь, не та, о которой мечтали я въ юности, по образъ дорогаго Кіева и теперь радостно рисуется моимъ воображеніемъ и будить уснувшія юныя впечатлѣнія, и молодить старѣющее ¹⁾...

¹⁾ Авторъ этихъ воспоминаній со временемъ особо напечатаетъ въ одномъ изъ историческихъ журналовъ главу объ академической жизни. Здѣсь она опускается, какъ не имѣющая отношенія къ «очеркамъ изъ исторіи Тамбовскаго края».

3-й свой выпускъ я кончилъ. Программа для IV-го выпуска остается пока та же, которая обѣщана была мной для этого III-го, только что вышедшаго, выпуска. Удастся ли выполнить ее въ точности, или же и потомъ послѣдуютъ непредвидѣнные отступленія отъ намѣченнаго плана — это будетъ зависѣть отъ направленія и усильности нашихъ собственно архивныхъ занятій, какъ Московскихъ, такъ и мѣстныхъ. Съ особенными надеждами мы относимся именно къ этимъ послѣднимъ изысканіямъ, такъ какъ въ нихъ съ іюня текущаго года принимаетъ участіе цѣлая ученая коммиссія, ожидаемая опытность и энергія которой, конечно, далеко не то, что самая напряженная единоличная дѣятельность. И если, кромѣ того, разными частными лицами, имѣющими болѣе или менѣе близкія отношенія къ Тамбовскому краю, подѣлились бы съ нами, или съ нашею архивною коммиссіею, или же со всею публикою черезъ историческіе журналы и газеты, — своими фамилными архивными данными, то усильхъ исторіи мѣстнаго края не подлежалъ-бы никакому сомнѣнію... Во всякомъ случаѣ я совершенно убѣжденъ, что впереди масса интереснаго матеріала, особенно если отнестись къ нему не съ узкой провинціальной точки зрѣнія...

Посвящая себя изученію прошлой Тамбовской жизни, мы интересуемся въ этомъ случаѣ извѣстными фактами отжившей жизни не потому только, что они *свои*, мѣстные, а и потому, что они имѣютъ несомнѣнное всероссійское и даже отчасти общечеловѣческое значеніе... На этомъ основаніи въ своихъ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ мы не будемъ стѣснять себя программу и самымъ направленіемъ предпринятой нами работы.

И. Дубасовъ.

Тамбовъ.

О П Е Ч А Т К И.

			<i>Испечатаемо:</i>	<i>Следует читать:</i>	
стр.	14,	12,	строка снизу:	бранимъ	бранимъ
—	15,	18,	— —	невѣрныхъ	Невѣрныхъ
—	16,	13,	— сверху:	служивыя	служилые
—	7	4,	— снизу:	На переведены	Напереведены
—	91,	5,	— —	регистаторша	регистраторша
—	148,	16,	-- —	обясняль	объясняль

ОГЛАВЛЕНІЯ ТРЕХЪ ВЫПУСКОВЪ.

ВЫПУСКЪ 1-Й.

	Стран.
I. Тамбовскій Лѣтописецъ	6
II. Къ исторіи Тамбовской Церкви	92
III. Тамбовскія Писцовыя Книги	138
IV. Нравственно-бытовыя черты Тамбовскаго края по мѣстнымъ документамъ XVIII и XIX столѣтій	182
V. Противоцерковныя движенія въ Тамбовской губерніи	234

ВЫПУСКЪ 2-Й.

I. Посольство Шацкаго воеводы А. П. Зюзина въ Англію	7
II. Крымское посольство стольника Приклонскаго	19
III. Казацко-крестьянское движеніе Разина въ предѣлахъ Тамбовскаго края	27
IV. Тамбовско-шацкіе монастыри	36
V. Состояніе Тамбовскаго края въ первой половинѣ прошлаго вѣка	46
VI. Пребываніе Персидскаго посольства въ Тамбовѣ въ 1741 году	59
VII. Чума 1771 года въ Тамбовской и Шацкой провинціяхъ	70
VIII. Пугачевщина въ Тамбовско-шацкомъ краѣ	79
IX. Постепенное развитіе народнаго просвѣщенія въ Тамбовскомъ краѣ	103
X. Кандевское дѣло	141

ВЫПУСКЪ 3-Й.

I. Древняя Тамбовская Лѣтопись, дополненная и объясненная Московскими документами	9
II. Казмыцкія дѣла	42
III. Булавицкое движеніе въ Тамбовскихъ предѣлахъ	53
IV. Тамбовскія былы прошлаго вѣка	71
V. Тамбовская епархія временъ епископовъ Θεофила и Іоны	117
VI. Ссылные въ монастыряхъ Тамбовской епархіи	146
VII. Изъ школьныхъ воспоминаній	158

ЦѢНА 1 р. 50 к.
